

DOI: 10.15507/2413-1407

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

РЕГИОНОЛОГИЯ **REGIONOLOGY**

Том 26, № 3, 2018 (июль – сентябрь)
Сквозной номер выпуска – 104

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68/1

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Телефон, факс: +7 (834-2) 48-14-24, +7 (834-2) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

Vol. 26, No. 3, 2018 (July – September)
Continuous issue 104

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”
68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia
Tel/Fax: +7 (834 2) 48 14 24, +7 (834 2) 32 86 14

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2018

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников на основании Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию статей с целью экспертной оценки по следующим отраслям науки и группам специальностей:

Социально-экономические и общественные науки

08.00.00 Экономика
22.00.00 Социология
23.00.00 Политология

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань», базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

The main content of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The Journal is included in the **List of the peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for obtaining the scientific degree of Candidate of Sciences or Doctor of Sciences should be published.**

The names and content of the Journal’s sections correspond to the fields of science and groups of specialties of scientific workers in accordance with the Nomenclature of Scientific Specialties in which academic degrees are awarded.

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the editorial office for the purpose of their expert evaluation in the following fields of science and groups of specialties:

Socio-Economic and Social Sciences

08.00.00 Economics
22.00.00 Sociology
23.00.00 Political Science

Editorial staff’s policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legitimacy, plagiarism, ethical principles, kept in community of leading scientific issues publishers. Journal’s editorial policy is based upon traditional ethical principles of Russian academic periodicals; it supports Academic Periodicals Ethical Codex, stated by Committee on Publication Ethics (Russia, Moscow) and it is formed in account of standards of ethics of editors’ and publishers’ work confirmed by Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors and Code of Conduct for Journal Publishers, developed by Committee on Publication Ethics (COPE).

The Journal is indexed and archived in Russian Science Citation Index (RSCI), scientific electronic library of CyberLeninka, in the electronic library system of Lan, in the database of Ulrichsweb Global Serials Directory, German National Library of Economics (ZBW).

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor); the Certificate of registration of a mass media unit: PI No. FS77-65932 of 6 June 2016.

All the materials of the “Integration of Education” journal are available under Creative Commons “Attribution” 4.0 license

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Вдовин Сергей Михайлович – главный редактор, ректор ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Россия)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, директор НИИ регионологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Россия)

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь, кандидат педагогических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Саранск, Россия)

Бахлов Игорь Владимирович – заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор политических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Россия)

Барыгин Игорь Николаевич – профессор кафедры европейских исследований ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор политических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (Санкт-Петербург, Россия)

Большаков Андрей Георгиевич – заведующий кафедрой конфликтологии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доктор политических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Казань, Россия)

Гришин Виктор Иванович – ректор ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова», доктор экономических наук, профессор, rector@gea.ru (Москва, Россия)

Дахин Андрей Васильевич – заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор философских наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Россия)

Дружинин Павел Васильевич – заведующий отделом моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики ФГБН «Карельский научный центр Российской академии наук», доктор экономических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Россия)

Дулина Надежда Васильевна – профессор кафедры социологии ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Россия)

Кизима Сергей Анатольевич – заведующий кафедрой международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор политических наук, профессор, kizima@mail.ru (Минск, Республика Беларусь)

Ковалев Виктор Антонович – профессор кафедры политологии и международных отношений ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», доктор политических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Сыктывкар, Россия)

Лапин Анатолий Евгеньевич – заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Россия)

Макарова Марина Николаевна – профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», доктор социологических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Ижевск, Россия)

Немировский Валентин Геннадьевич – старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории кафедры общей и экономической социологии ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Тюмень, Россия)

Патрушев Владимир Иванович – профессор кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор социологических наук, профессор, vipatrushev@yandex.ru (Москва, Россия)

Резник Галина Александровна – заведующий кафедрой маркетинга и экономической теории ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Пенза, Россия)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – руководитель Центра по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений в Центрально-Азиатском регионе Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Симанавичене Жанета – заведующий лабораторией инноваций в предпринимательстве Университета Миколаса Ромериса, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zaneta.simanaviciene@ktu.lt (Вильнюс, Литва)

Спринчан Сергей Леонидович – ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы, доктор политологии, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Туровский Ростислав Феликсович – вице-президент Центра политических технологий, доктор политических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, rft777@mail.ru (Москва, Россия)

Шалаев Владимир Павлович – декан факультета социальных технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет», доктор философских наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevpv@volgatche.net (Йошкар-Ола, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sergey M. Vdovin – Editor-in-Chief, Rector of National Research Ogarev Mordovia State University, Ph. D. (Economics), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russia)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Director of Research Institute of Regionology, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russia)

Svetlana V. Gordina – Executive Editor, Ph. D. (Pedagogy), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Saransk, Russia)

Igor V. Bakhlov – Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Saransk, Russia)

Igor N. Barygin – Professor, Department of European Studies, St. Petersburg State University, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (St. Petersburg, Russia)

Andrey G. Bolshakov – Head of Department, Department of Conflict Resolution, Kazan (Volga) Federal University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Kazan, Russia)

Andrey V. Dakhin – Head of Department, Department of Philosophy and Political Science, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russia)

Pavel V. Druzhinin – Head of Department, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russia)

Nadezhda V. Dulina – Professor, Department of Sociology, Volgograd State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russia)

Viktor I. Grishin – Rector of Plekhanov Russian University of Economics, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, rector@rea.ru (Moscow, Russia)

Sergey A. Kizima – Head of Department, Department of International Relations, Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, kizima@mail.ru (Minsk, Republic of Belarus)

Viktor A. Kovalev – Professor, Department of Political Science and International Relations, Piterim Sorokin Syktyvkar State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Syktyvkar, Russia)

Anatoly E. Lapin – Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russia)

Marina N. Makarova – Professor, Department of Sociology, Udmurt State University, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Izhevsk, Russia)

Valentin G. Nemirovskiy – Senior Researcher at the Training and Research Laboratory, Department of General and Economic Sociology, Tyumen State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Tyumen, Russia)

Vladimir I. Patrushev – Professor, Department of Public and Municipal Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, vipatrushev@yandex.ru (Moscow, Russia)

Galina A. Reznik – Head of Department, Department of Marketing and Economic Theory, Penza State University of Architecture and Construction, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Penza, Russia)

Aigul K. Sadvokassova – Director of the Center for the Study of Interethnic and Interfaith Relations in the Central Asian Region, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Vladimir P. Shalaev – Dean, Faculty of Social Technologies, Volga State University of Technology, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevvp@volgategh.net (Yoshkar-Ola, Russia)

Žaneta Simanavičienė – Head of Business Innovation Laboratory, Mikolas Romeris University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zaneta.simanaviciene@ktu.lt (Vilnius, Lithuania)

Serghei L. Sprincean – Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Rostislav F. Turovsky – Vice-President, Center for Political Technologies, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, rft777@mail.ru (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика и управление народным хозяйством

Е. В. Щербакова. Иерархическая структура экономического потенциала региона 422

С. Э. Майкова, Д. В. Окунев. Исследование перспектив формирования и развития финно-угорского туристского кластера в Республике Мордовия 438

Социология управления

Г. Б. Кошарная, Х. З. Ксенофонтова. Новая управленческая интеллигенция как социально-профессиональная группа на промышленных предприятиях Пензенской области 460

Н. И. Наумкин, Е. П. Грошева, Н. Н. Шекшаева. Исследование инновационной подсистемы университетской кафедры как субстрата региональной инновационной системы 474

Экономическая социология и демография

А. Ф. Валидова. Влияние демографической политики на показатели рождаемости в Российской Федерации и Республике Татарстан 494

Т. Н. Обушенко, Г. П. Гагаринская. Адаптация региональной миграционной политики к инновационности экономики, глобализации и демографическим вызовам 512

Е. В. Островская, Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова, Ю. Г. Миронова. Социально-экологическая система региона: тенденции и противоречия (на примере Астраханской области) 538

Социальная структура, социальные институты и процессы

С. В. Полутин, И. М. Фадеева, Н. В. Шумкова. Изучение динамики социального и профессионального самочувствия учителей Республики Мордовия 558

В. М. Кицис, А. В. Вавилова. Уровень развития и размещение предприятий общественного питания на сельских территориях Республики Мордовия 578

С. С. Артемьева, В. В. Пискунов. Уплата в бюджет штрафов за административные правонарушения в системе МВД России: проблемы и пути решения 606

Информация для авторов и читателей 624

Информация для авторов и читателей (на англ. яз.) 626

CONTENTS

Economics and Management of National Economy

E. V. Shcherbakova. Hierarchical Structure of the Economic Potential of a Region 422

S. E. Maykova, D. V. Okunev. Examination of the Prospects for Formation and Development of the Finno-Ugric Tourist Cluster in the Republic of Mordovia 438

Sociology of Management

G. B. Kosharnaya, Kh. Z. Ksenofontova. New Management Intelligentsia as a Socio-Professional Group at the Industrial Enterprises of the Penza Region 460

N. I. Naumkin, E. P. Grosheva, N. N. Shekshaeva. Research on the Innovative Subsystem of the University Department as a Substratum of the Regional Innovative System 474

Economic Sociology and Demography

A. F. Validova. Impact of the Demographic Policy on Birth Rates in the Russian Federation and the Republic of Tatarstan 494

T. N. Obushenko, G. P. Gagarinskaya. Adaptation of the Regional Migration Policy to the Innovativeness of the Economy, Globalization and Demographic Challenges 512

E. V. Ostrovskaya, N. V. Dulina, E. V. Kargapolova, Yu. G. Mironova. Socio-Ecological System of a Region: Trends and Contradictions (the Case Study of the Astrakhan Region) 538

Social Structure, Social Institutions and Processes

S. V. Polutin, I. M. Fadeeva, N. V. Shumkova. Studying the Dynamics of Social and Professional Well-Being of Teachers in the Republic of Mordovia 558

V. M. Kitsis, A. V. Vavilova. Level of the Development and Distribution of Public Catering Enterprises in Rural Areas of the Republic of Mordovia 578

S. S. Artemyeva, V. V. Piskunov. Payment of Fines for Administrative Offenses to the Budget in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Problems and Possible Solutions 606

Information for Authors and Readers of the Journal 624

Information for Authors and Readers of the Journal (in English) 626

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

УДК 332.12

<http://regionsar.ru>

DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.422-437

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Иерархическая структура экономического потенциала региона

Е. В. Щербакова

*Луганская государственная академия культуры
и искусств им. М. Матусовского
(г. Луганск, Украина),
blacksugar9000@mail.com*

Введение. Экономический потенциал региона является фактором положительных тенденций в развитии экономических систем и устойчивости государства на международной арене. Механизмы такого влияния основываются на внутренних процессах, протекающих в структуре самого экономического потенциала региона. Однако отсутствие фундаментальных исследований в сфере изучения структуры экономического потенциала региона и повышенный интерес к этой категории является актуальным и обусловило выбор данной проблематики для исследования, перед которым поставлена цель – изучить внутреннюю структуру экономического потенциала региона и определить особенности каждого его элемента.

Материалы и методы. При определении структуры экономического потенциала региона использовались методы эмпирического и экспериментально-теоретического уровня: метод сравнения различных видов экономического потенциала, гипотетический и логический методы, а также метод моделирования.

Результаты исследования. За счет сравнения видов экономических потенциалов различных уровней функционирования экономики определены и проанализированы элементы структуры экономического потенциала региона, установлены подчиненные связи между ними. Наличие подчиненных связей позволило определить иерархическую структуру и представить ее в виде иерархии 3 уровней. Для более точного понимания связей и значения иерархии видов экономического потенциала региона были описаны значения и составляющие каждого уровня иерархии.

Обсуждение и заключения. Выявлен иерархический вид структуры экономического потенциала региона за счет наличия подчиненных связей между элементами структуры. Материалы исследования будут полезны при планировании экономи-

© Щербакова Е. В., 2018

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted reuse, distribution, and reproduction in any medium provided the original work is properly cited.

ческого развития региона и государства с целью укрепления рыночных позиций и конкурентоспособности. Полученные данные имеют ценность как для экономистов, так и для ученых, занимающихся исследованием региональной экономики.

Ключевые слова: регион, экономический потенциал, структура, виды экономического потенциала, характеристика видов, иерархия

Hierarchical Structure of the Economic Potential of a Region

E. V. Shcherbakova

*Lugansk State Academy of Culture and Arts named
after M. Matusovsky (Lugansk, Ukraine),
blacksugar9000@mail.com*

Introduction. The economic potential of a region is a factor in positive trends in the development of economic systems and in the stability of the state in the international arena. The mechanisms of such influence are based on internal processes taking place in the structure of the economic potential of a region. However, the lack of fundamental study of the structure of the economic potential of a region and the increased interest in this issue are topical and led to the choice of this research topic which is aimed at studying the internal structure of the economic potential of a region as well as at determining the characteristics of each of its elements.

Materials and Methods. When determining the structure of the economic potential of a region, the methods of the empirical, experimental and theoretical levels were used such as the method of comparing different types of economic potential, the hypothetical and logical methods as well as the simulation method.

Results. By comparing the types of economic potentials at different levels of functioning of the economy, the elements of the structure of the economic potential of a region were identified and analyzed, subordination between them was established. Presence of subordination made it possible to identify the hierarchical structure and to present it in the form of a 3-level hierarchy. For a more accurate understanding of the links and significance of the hierarchy of types of the economic potential of a region, the meanings and components of each level of the hierarchy were described.

Discussion and Conclusions. A hierarchical structure of the economic potential of a region was revealed due to the existence of subordination between the elements of the structure. The research materials may be useful when planning economic development of a region and the state in order to strengthen market positions and competitiveness. The data obtained are of value both for economists and scientists involved in the study of regional economy.

Keywords: region, economic potential, structure, types of economic potential, characteristics of types, hierarchy

Введение. Каждая административная единица является важным элементом системы обеспечения экономической устойчивости государства посредством богатства регионов различными ресурсами, которые должны способствовать развитию отраслей народного хозяйства и, следовательно, повышать экономическую устойчивость страны. Этот процесс следует

поддерживать постоянно, для чего необходимо понимать, в какой степени тот или иной регион способен поддерживать стабильное развитие.

Экономический потенциал различных субъектов хозяйствования на современном этапе развития экономической отрасли науки представляет огромный интерес, обусловленный поиском альтернативных путей развития экономических систем. С другой стороны, жесткие условия конкуренции на мировом рынке выводят на первый план ценность экономического потенциала региона, так как именно от него зависит возможное развитие предприятий различных сфер экономики и экономическая устойчивость государства в целом, что будет способствовать повышению его конкурентоспособности в жестких условиях мирового рынка. Однако развитие экономического потенциала региона невозможно без понимания его структуры и характеристики элементов. Поэтому более детальное исследование структуры экономического потенциала региона в современных условиях является своевременным и актуальным вопросом, что и определяет цель данного исследования и необходимость решения задачи по описанию характеристики каждой составляющей структуры экономического потенциала региона. Исходя из сказанного выше, прежде чем рассматривать определенную проблематику в рамках экономического потенциала региона, проанализируем сущность исследуемого объекта.

Обзор литературы. Изучение объекта данного исследования можно условно разделить на три этапа: первым этапом является изучение этимологии термина «потенциал», вторым – исследования в направлении изучения использования понятия в экономической и производственной сфере, третьим – изучение сущности термина «экономический потенциал» и последним этапом – уточнение понятия «экономический потенциал региона».

Термин «потенциал» происходит от латинского *potentia* – сила (англ. *potential*; нем. *Potential*)¹. Словарь иностранных слов под редакцией М. Васюкова толкует термин «потенциал» как «мощь и силу»². С точки зрения авторов Этимологического словаря русского языка, слово «потенциальный» имеет французское происхождение, берущее начало в XIX в., где производное от *potens* латинское *potentialis* означает (*potentiel*) «могучий» либо «могущий быть»³.

На втором этапе изучения объекта исследования были выведены следующие результаты:

¹ Экономический потенциал – его сущность и значение [Электронный ресурс]. URL: http://studbooks.net/62980/rps/ekonomicheskij_potentsial_ego_suschnost_znachenie (дата обращения: 28.05.2018).

² Словарь иностранных слов / под ред. М. Васюкова. М. : АСТ, 1972. 346 с.

³ Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шаинского. М. : Прогресс, 1994. 400 с.

– потенциал в качестве совокупности важных и необходимых для функционирования или построения систем различных видов ресурсов рассматривался в работах Л. Абалкина, С. Беловой, Р. Марушкова, Е. Финурнова, Д. Черникова, П. Милгрона, Д. Робертса и др.;

– В. Вейц, Е. Лапин, В. Мец, И. Репин, Г. Смит, А. Одинцова, А. Шевченко и другие ученые трактовали потенциал в качестве способности ресурсов сложной экономической системы достигать поставленных целей и выполнять задачи;

– в работах С. Струмилина, Е. Горбунова, Л. Самоукина потенциал освещался как система материальных факторов и трудовых ресурсов, способных достигать поставленных целей в производственной сфере.

Что касается непосредственно изучения термина «экономический потенциал» на третьем этапе нашего исследования объекта, то в работе Н. Громовой он рассматривается в качестве «совокупной способности отраслей народного хозяйства производить промышленную, сельскохозяйственную продукцию, осуществлять капитальное строительство, перевозить грузы, оказывать услуги населению и т. д.»⁴. А. Кошелев в экономический потенциал вкладывает экономические ресурсы, которые «не могут быть приравнены к экономическому потенциалу, так как для целей экономического роста необходимо совмещение экономических ресурсов и их эффективного использования»⁵. В свою очередь А. Басюк отмечает, что понятие экономического потенциала характеризуется как сложная, комплексная категория, у которой есть социально-экономический, экономико-исторический и эколого-экономический характер, но при этом определяет его как «имеющиеся у экономического субъекта ресурсы, их оптимальную структуру и умение рационально использовать эти ресурсы для достижения поставленной цели: потенциал производственный, экспортный, трудовой, научно-технический, природно-ресурсный и т. д.» [1]. А. Н. Тищенко определил экономический потенциал как совокупную способность имеющихся экономических ресурсов обеспечивать производство предельно возможного объема необходимых товаров, включающих материальные блага и услуги, соответствующие проблемам общества⁶. Е. В. Бондарева и Р. Б. Матковский в категории «Экономический потенциал» выделили вещественное содержание, которое раскрывает его связь с развитием современной системы продуктивных сил, и общественную

⁴ Громова Н. М., Громова Н. И. Основы экономического прогнозирования : уч. пособие. В. Новгород : Академия Естествознания, 2006.

⁵ Кошелев А. Совокупный экономический потенциал: понятие и сущность : конспект лекций [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/99883/9/Koshelev_-_Nacional'naya_ekonomika_konspekt_lekcii.html (дата обращения: 29.05.2018).

⁶ Тищенко А. Н. Оцінка ефективності використання економічного потенціалу : моногр. Київ : ВНТУ, 2004. 350 с.

форму, которая раскрывает и характеризует взаимосвязь этой категории с отношениями экономической собственности⁷ [2].

На четвертом (последнем) этапе сузим объектную область исследования до экономического потенциала региона. Ученые предлагают разные определения данного понятия. Так, В. Меньщикова экономический потенциал регионов трактует как «совокупную способность экономики региона, ее отраслей, предприятий, хозяйств осуществлять производственно-экономическую деятельность, выпускать продукцию, товары, услуги, удовлетворять запросы населения, общественные потребности, обеспечивать развитие производства и потребления» [3]. Г. П. Улиганинц интерпретирует экономический потенциал как сложную систему, которая начинает формироваться на уровне предприятий, домохозяйств, поднимаясь выше и образуя экономический потенциал отрасли и региона, а также общества в целом⁸. М. И. Баканов характеризовал экономический потенциал страны как возможность внутренней экономической системы обеспечивать материальными благами и услугами, удовлетворять потребности населения⁹. В. В. Мищенко считает, что «экономический потенциал региона характеризуется его основными составляющими: природно-ресурсным потенциалом, населением и трудовыми ресурсами, производственным потенциалом»¹⁰. В словаре «Управление социалистическим производством» приводится толкование термина «экономический потенциал» как способности страны в сфере экономики, которые взаимосвязаны с уровнем развития производственных сил и связей внутри и за пределами страны, наличия необходимых для производства ресурсов, эффективности функционирования экономического механизма государства¹¹. Е. В. Ерохин определяет экономический потенциал региона как совокупную экономическую способность региона, его отраслей, предприятий, хозяйств осуществлять производственно-экономическую деятельность, выпускать высококачественную продукцию, товары, услуги, которые удовлетворяют общественному спросу и способствуют развитию потребления и производства¹² [4].

Проведенный анализ публикаций показал, что в большинстве исследований не рассматривается структура экономического потенциала

региона. Поэтому цель данной статьи состоит в выявлении внутренней структуры экономического потенциала региона и изучении характеристик составляющих его элементов.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели проведена работа по сбору необходимых результатов в области экономического потенциала исследований отечественных и зарубежных ученых, анализа полученных данных и их моделирование для выявления структуры экономического потенциала региона.

При этом были использованы методы эмпирического уровня: метод сравнения различных видов экономического потенциала всех уровней функционирования экономики при определении элементов структуры экономического потенциала, при построении иерархии видов экономического потенциала региона. Кроме того, применялись методы экспериментально-теоретического уровня: гипотетический (при построении гипотезы о существовании между видами экономического потенциала региона подчиненных связей, которые выстраиваются в иерархическую цепочку), моделирование (определение и построение иерархической пирамиды взаимосвязей видов экономического потенциала региона), логический (при определении взаимосвязей между уровнями иерархии видов экономического потенциала региона).

Результаты исследования. Экономический потенциал имеется в любой системе, где есть предпосылки для развития, включая экономическую, социальную, политическую и другие сферы жизнедеятельности. Каждая сфера деятельности имеет свою уникальную иерархическую структуру. С учетом объектной области данного исследования, интерес представляет именно экономическая сфера, подразделяющаяся на микро-, мезо-, макро- и мегаэкономику. Экономический потенциал присущ всем уровням функционирования экономики, учитывая все его многообразие и вариацию. Однако международные экономические отношения в данном исследовании не рассматриваются, анализ сосредоточен на уровне предприятия, региона и страны. Распределение различных видов экономического потенциала по разным уровням функционирования экономики, которое представлено в данной работе, осуществлялось на основе анализа исследований, в которых изучался вопрос структуры экономического потенциала микро-, мезо- и макроуровня [5–8 и др.]. Результаты распределения различных видов экономического потенциала по разным уровням функционирования экономики представлены на рисунке 1. Как видим, производственный, трудовой, научно-технический, финансовый и управленческий потенциалы характерны для каждого уровня функционирования экономики. Однако они не являются однородными категориями: например, производственный потенциал предприятия не равен производственному потенциалу региона, а тот, в свою очередь, не равен производственному потенциалу страны.

⁷ Матковский Р. Б. Економічний потенціал та шляхи його ефективного використання : автореф. дис. ... канд. економ. наук. Київ, 2003. 32 с.

⁸ Уліганинець Г. П. До питання про сутність терміну «економічний потенціал» [Електронний ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/14.NTP_2007/Economics/21654.doc.htm (дата обращения: 19.03.2018).

⁹ Баканов М. І. Теорія економічного аналізу. Київ : Центр навчальної літератури, 2004. 495 с.

¹⁰ Мищенко В. В. Экономика регионов. Барнаул, 2002.

¹¹ Управление социалистическим производством / под ред. О. В. Козловой. М., 1983.

¹² Бачевський Б. С., Заблодська І. В., Решетняк О. О. Потенціал і розвиток підприємства : навч. пос. Київ. : Центр учбової літератури, 2009. 400 с.

На рисунке 1 представлены виды экономического потенциала, объединяющие мезо- и макроуровень. Их содержание определяется потребностями соответствующего уровня функционирования экономики. Кроме того, микро-, мезо- и макроуровням характерны уникальные виды экономического потенциала, определяющие специфику функционирования экономики на каждом из представленных уровней. Например, для микроуровня (уровень предприятия) характерны такие уникальные вариации экономического потенциала, как имущественный, логистический, конкурентный, ресурсный, маркетинговый, инновационный и сбытовой; для мезоуровня (региональный уровень) – рыночный, внутренне-экономический, образовательный и потенциал социальной сферы. Макроуровень (уровень страны) отличается такими уникальными видами экономического потенциала, как промышленный, агропромышленный, внешнеэкономический и потенциал социального развития.

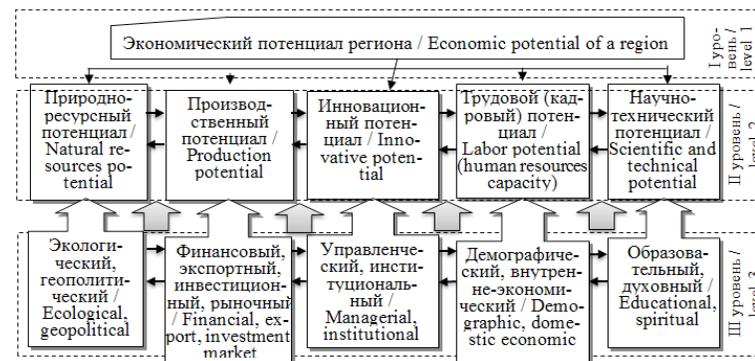
Микроуровень / Micro level	Мезоуровень / Meso level	Макроуровень / Macro level
Производственный потенциал / Production potential		
Трудовой потенциал / Labor potential		
Научно-технический потенциал / Scientific and technical potential		
Финансовый потенциал / Financial potential		
Управленческий потенциал / Managerial potential		
Имущественный потенциал / Property potential	Природно-ресурсный потенциал / Natural and resource potential	
Логистический потенциал / Logistic potential	Демографический потенциал / Demographic potential	
Конкурентный потенциал / Competitive potential	Духовный потенциал / Spiritual potential	
Ресурсный потенциал / Resource potential	Геополитический потенциал / Geopolitical potential	
Маркетинговый потенциал / Marketing potential	Экологический потенциал / Ecological potential	
Инновационный потенциал / Innovative potential	Экспортный потенциал / Export potential	
Сбытовой потенциал / Sales potential	Инвестиционный потенциал / Investment potential	
	Институциональный потенциал / Institutional potential	
	Рыночный потенциал / Market potential	Промышленный потенциал / Industrial potential
	Внутренне-экономический потенциал / Domestic economic potential	Агро-промышленный потенциал / Agro-industrial potential
	Потенциал социальной сферы / The potential of the social sphere	Потенциал социального развития / The potential of social development
	Образовательный потенциал / Educational potential	Внешнеэкономический потенциал / Foreign economic potential

Р и с. 1. Вариация экономического потенциала различных уровней функционирования экономики

F i g. 1. Variation of economic potential of different levels of functioning of the economy

Не смотря на определенную степень схожести и различия всех видов экономических потенциалов представленных уровней функционирования экономики, каждый вид дополняет друг друга и является базой для формирования и развития того или иного вида экономического потенциала на следующем, более высоком уровне функционирования экономики. Такое заключение необходимо для понимания природы возникновения определенного вида экономического потенциала на мезоуровне и его значения для развития экономического потенциала макроуровня функционирования экономики.

С целью более четкого формирования базы для развития страны за счет развития регионов необходимо структурировать экономический потенциал региона. Для формирования четкой структуры экономического потенциала региона следует сократить количество видов экономических потенциалов, содержащихся на региональном уровне за счет выстраивания иерархической зависимости между ними, что позволит определить приоритеты в развитии экономического потенциала в целом. Иерархия видов экономического потенциала региона представлена на рисунке 2.

- - Взаимодействие видов экономического потенциала региона одного уровня / Interaction of the types of economic potential of a region of the same level
- ⇒ - Косвенное влияние любого из видов экономического потенциала низшего уровня иерархии на любой из видов экономического потенциала высшего уровня / Indirect influence of any of the types of economic potential of the lowest level of the hierarchy on any of the types of economic potential of the higher level
- ⊞ - Прямое влияние конкретного вида экономического потенциала низшего уровня иерархии на определенный вид экономического потенциала высшего уровня / Direct influence of a specific type of economic potential of the lowest level of the hierarchy on a certain type of economic potential of the higher level

Р и с. 2. Иерархия видов экономического потенциала региона

F i g. 2. Hierarchy of the types of economic potential of a region

Таким образом, иерархическая структура экономического потенциала региона сформирована за счет выстраивания причинно-следственных связей между каждым видом экономического потенциала региона, что в результате привело к появлению трех уровней иерархии. Вследствие того, что каждый из представленных в иерархии видов экономического потенциала региона не может существовать в отрыве от любого другого и всех видов вместе взятых, мы установили наличие нескольких взаимосвязей:

– взаимодействие видов экономического потенциала региона одного уровня (определенный уровень иерархии формирует состав экономического потенциала региона и раскрывает его сущность);

– косвенное влияние любого из видов экономического потенциала низшего уровня иерархии на любой из видов экономического потенциала высшего уровня (такое влияние, на наш взгляд, обусловлено наличием менее выраженной зависимости между всеми видами экономического потенциала региона двух уровней);

– прямое влияние конкретного вида экономического потенциала низшего уровня иерархии на определенный вид экономического потенциала высшего уровня. Инновационный потенциал может существовать благодаря наличию управленческих кадров, способных разрабатывать, внедрять и повышать эффективность инноваций и формирующий управленческий потенциал, а также зависит от степени развития основных институтов экономики региона, обеспечивающих функционирование механизмов внедрения инноваций и формирующих институциональный потенциал. Трудовой (кадровый) потенциал формируется за счет демографического потенциала (численности населения, половозрастного состава, соотношения производственного и управленческого персонала) и внутренне-экономического потенциала (престижность профессий, уровень оплаты труда, уровень предоставляемых образовательных услуг и их доступность, равновесие спроса и предложения на рынке труда и т. д.). Таким же образом была установлена причинно-следственная связь природно-ресурсного, производственного и научно-технического потенциалов.

С учетом приведенных видов связей и взаимодействия, построенная в данной работе иерархия видов экономического потенциала региона имеет условный характер и предназначена для облегчения выбора приоритетов в развитии экономического потенциала региона в целом.

С целью четкого понимания наполнения и значения иерархии видов экономического потенциала региона приведем описание каждого вида экономического потенциала региона второго уровня иерархии со значением и содержанием каждого вида экономического потенциала (табл. 1).

Учитывая предназначенность инвестиций для развития или обновления фондов, отметим, что определяющее положение в развитии экономики

отводится средствам производства: оборудованию, машинам, технологическим системам, качеству производственного аппарата в целом. Это является характеристикой производственного (инвестиционного) потенциала, который делится на:

1) основные производственные фонды (основной капитал) – состоят из земли, зданий и сооружений, оборудования различного назначения, продуктивного скота, передаточных и транспортных средств и др.;

2) оборотные средства (оборотный капитал) – относятся оборотные фонды (незавершенное производство и материальные запасы), а также фонды обращения (средства в расчетах, готовая продукция на складе, денежные средства в кассе)¹³.

Инновационный потенциал региона – это способность использовать и возможность формировать инновационные ресурсы региона с целью инновационного развития для производства, реализации и использования новых видов товаров и услуг [5; 9]. В состав инновационного потенциала входит образовательный потенциал (интеллектуальный потенциал), включающий и культурный уровень населения региона. Качество образования характеризуется уровнем общей эрудиции, основанной на фундаментальной и специальной подготовке, и выражается при помощи специальных инструментов оценивания учащихся различных регионов.

Инвестиционный потенциал учитывает основные макроэкономические показатели. Вероятность потери инвестиций и дохода от них – это величина инвестиционного риска, интегральное значение которого складывается из социального, экономического, законодательного, криминального, политического, финансового, экологического, туристического и других видов риска [10–13].

Трудовой потенциал – это совокупная способность к труду как форме проявления человеческого фактора [14; 15]. Трудовой потенциал региона характеризует трудовые возможности данного региона, объединяя экономические и социальные аспекты. Начальной единицей анализа трудового потенциала региона, образующей структуру, служит трудовой потенциал одного человека, являющийся основой формирования трудового потенциала высокого уровня, а единицей измерения проявления трудового потенциала региона – суммарная деятельность населения региона [14; 16]. Денежная оценка трудового потенциала рассматривается как кадровый потенциал и считается важным элементом рыночной стоимости предприятия, региона, страны.

Институциональный потенциал представлен организационно-экономическими и социально-политическими системами. «Его можно определить как потенциал организационных и территориальных систем управления,

¹³ Оценка экономического потенциала региона [Электронный ресурс]. URL: <https://allendy.ru/regecon/56-ocenka.html> (дата обращения: 17.05.2018).

Т а б л и ц а 1. Характеристика видов потенциалов в иерархической структуре экономического потенциала региона¹⁴
 T a b l e 1. Characterization of the types of potentials in the hierarchical structure of the economic potential of a region

Экономический потенциал региона II уровня / Economic potential of a region of the level 2	Экономический потенциал региона III уровня / Economic potential of a region of the level 3	Значение / Meaning	Составляющие / Components
1	2	3	4
Природно-ресурсный потенциал (в том числе эколого-экономический) / Natural resources potential (including the eco-economic one)	Экологический, геополитический / Ecological, geopolitical	Учитывает рекреационные возможности региона и уровень экологического благополучия территории / It takes into account the recreational opportunities of the region and the level of ecological well-being of the territory	Экологическая емкость территории, рекреационные возможности, степень загрязнения территории, уровень загрязняющих выбросов, объем и уровень переработки токсичных отходов, объем оборотной воды и др. / Ecological capacity of the territory, recreational opportunities, the degree of pollution of the territory, the level of polluting emissions, the volume and level of processing of toxic waste, the volume of recycled water, etc.
Производственный потенциал (в том числе инвестиционный) / Production potential (including the investment one)	Финансовый, экспортный, инвестиционный / Financial, export, investment, market	Инвестиции направляются на обновление или развитие основных фондов / Investments are made in re-newal or development of fixed assets	Основные средства (основной капитал), оборотные средства (оборотный капитал) / Fixed assets (fixed capital), circulating assets (working capital)

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4
Инновационный потенциал (в том числе интеллектуальный) / Innovative potential (including the intellectual one)	Управленческий, институциональный / Managerial, institutional	Отражает научно-технические факторы функционирования хозяйственных систем / Reflects the scientific and technical factors of the functioning of economic systems	Потребительский спрос населения, трудовые, производственные, инновационные ресурсы, развитие инфраструктуры, финансовое благополучие / Consumer demand of the population, labor resources, production resources, innovative resources, infrastructure development, financial well-being
Трудовой (кадровый) потенциал / Labor potential (human resources capacity)	Демографический, внутренний / Demographic, domestic economic	Учитывает объем и качество трудовых ресурсов / Takes into account the capacity and quality of labor	Численность производственного персонала, половозрастной состав, профессионально-квалификационный состав, подготовка работников, укомплектованность персонала, индивидуальные личностные характеристики / The number of industrial personnel, sex and age composition, vocational training of workers, staffing, individual personal characteristics
Научно-технический потенциал / Scientific and technical potential	Образовательный, духовный / Educational, spiritual	Отражает уровень подготовки учащихся, их эрудицию и научно-технические причины социально-экономического развития / Reflects the level of training of students, their general erudition and scientific and technical reasons for socio-economic development	Уровень развития научно-технической сферы: число организаций, участвующих в НИОКР, их численность и структура, величина ассигнований на проведение НИОКР и затрат на производство нового оборудования, интеллектуальная собственность / The level of development of the scientific and technical sphere: the number of organizations participating in research and development works, the number of people employed in the scientific and technical sphere and their structure, the amount of allocations for research and development works and the costs of manufacturing new equipment, intellectual property, the level of education

¹⁴ Таблица составлена на основе обобщения ранее изданных статей [1; 3; 9] и сборника: Бачевский Б. С., Заблодська І. В., Решетняк О. О. Потенціал і розвиток підприємства : [навч. пос.] Київ. : Центр учбової літератури, 2009. 400 с.

т. е. отношением в обществе между людьми, коллективами, объединениями, партиями. Значительный удельный вес в институциональном потенциале занимает юридическая система с нормативно-правовыми документами. На величину институционального потенциала влияют менталитет, традиции, позитивный и негативный прошлый опыт. Проявление институционального потенциала у человека происходит на умственном и поведенческом уровнях. Особенно важно учитывать вид институционального потенциала при выработке стратегических решений, складывании длительных прогнозов» [17].

Обсуждение и заключения. Структура экономического потенциала региона имеет иерархический вид, что обусловлено наличием подчиненной зависимости одних видов экономического потенциала другими, которые, в свою очередь, формируют экономический потенциал региона II уровня и экономический потенциал региона III уровня. Виды экономического потенциала региона III уровня представляют собой основу для формирования и развития видов экономического потенциала региона II уровня, образующих структуру экономического потенциала региона. Понимая принципы формирования структуры экономического потенциала региона, можно не только планировать экономическое развитие конкретного субъекта страны, но и целого государства, укрепляя его позиции на мировом рынке и геополитической арене.

Материалы статьи могут быть полезны в исследованиях аспирантов и докторантов, занимающихся вопросами регионального развития и экономического потенциала. Также результаты исследования имеют практическую пользу для экономистов-практиков при разработке программ социально-экономического развития регионов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Басюк О. В. Сутнісна характеристика категорії «економічний потенціал регіону» // Вісник соціально-економічних досліджень. 2009. № 36. С. 244–249. URL: [http://vsesd.oneu.edu.ua/archive\(ru\).php](http://vsesd.oneu.edu.ua/archive(ru).php) (дата обращения: 28.05.2016).
2. Инновационный потенциал региона / Е. В. Бондарева [и др.] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6828> (дата обращения: 28.05.2018).
3. Меньщикова В. И. Экономический потенциал региона: терминология, структура, модель // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. Экономика. 2010. Вып. 4 (84). С. 51–63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskii-potentsial-regiona-terminologiya-struktura-model> (дата обращения: 28.05.2018).
4. Ерохина Е. В. Влияния нематериальных факторов на потенциал развития региональных инновационных подсистем (на материалах Калужской области) // Современные технологии управления. 2015. № 6 (54). URL: <https://sovman.ru/article/5404> (дата обращения: 28.05.2018).

5. Маскайкин Е. П., Арцер Т. В. Инновационный потенциал региона: сущность, структура, методика оценки и направления развития // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Экономика и менеджмент. 2009. Вып. 10, № 21. С. 47–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyy-potentsial-regiona-ususchnost-struktura-metodika-otsenki-i-napravleniya-razvitiya> (дата обращения: 28.05.2018).

6. Bessonova E., Mereshchenko O. Methodology of the resource potential assessment under import substitution // *Economic Annals-XXI*. 2017. Vol. 163, issue 1-2(1). Pp. 91–94. DOI: <https://doi.org/10.21003/ea.V163-19>

7. Cheymetova V. A., Nazmutdinova E. V. Socio-economic potential of the region and its evaluation // *Asian Social Science*. 2015. Vol. 11, no. 7. DOI: <http://dx.doi.org/10.5539/ass.v11n7p74>

8. Bogdański M. Socio-economic potential of Polish cities – a regional dimension // *Sciendoc*. 2012. Vol. 17. Pp. 13–20. DOI: <https://doi.org/10.2478/v10089-012-0002-8>

9. Eickelpasch A. The industrial innovation potential of the regions: Stuttgart and Munich further ahead // *German Institute for Economic Research*. 2008. Vol. 4, no 8. Pp. 49–57. URL: http://www.diw.de/documents/publikationen/73/diw_01.c.89645.de/diw_wr_2008-8.pdf (дата обращения: 08.05.2018).

10. Чжан М., Шмидт Ю. Д. Оценка экономического потенциала регионального туристского комплекса // *Экономический анализ: теория и практика*. 2017. № 2 (461). DOI: <https://doi.org/10.24891/ea.16.2.340>

11. Шамахов В. А., Шматко А. Д. Формирование и использование туристского потенциала регионов в контексте социально-экономического развития // *Управленческое консультирование*. 2017. № 8. С. 29–35. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-8-29-35>

12. Riding A. L., Short D. M. On the estimation of the investment potential of informal investors: a capture/recapture approach // *Journal of Small Business & Entrepreneurship*. 2013. Vol. 5. Pp. 26–40. DOI: <https://doi.org/10.1080/08276331.1988.10600314>

13. Gonchar K., Kuznetsov B. How import integration changes firms' decisions to innovate // *The Annals Regional Science*. 2016. Vol. 60, issue 3. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00168-015-0697-6>

14. Beenstock M., Ramos R., Suriñach J. Migration, human capital and social capital: lessons for the EU neighbouring countries // *International Journal of Manpower*. 2015. Vol. 36, issue 4. Pp. 434–440. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJM-01-2015-0001>

15. Downs L. Star talent: investing in high-potential employees for organizational success // *Industrial and Commercial Training*. 2015. Vol. 47, issue 7. Pp. 349–355. DOI: <https://doi.org/10.1108/ICT-06-2015-0041>

16. Озов А. А. Регионализация и ее влияние на аккумуляцию трудового потенциала // *Региональная экономика: теория и практика*. 2009. № 39 (132). С. 29–34. URL: <http://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=21909> (дата обращения: 28.05.2018 г.).

17. Балацкий О. Ф. Теоретические проблемы оценки экономического потенциала региона, компании, предприятия // *Вісник Сумського державного університету. Серія Економіка*. 2004. № 9 (68). С. 84–95. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-204866.html> (дата обращения: 28.05.2018).

Поступила: 13.04.2018; принята к публикации 15.05.2018; опубликована онлайн 28.09.2018.

Об авторе:

Щербакowa Екатерина Владимировна, доцент кафедры менеджмента Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского (91000, Украина, г. Луганск, Красная площадь, д. 7), кандидат экономических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5646-4029>, Researcher ID: L-2085-2016, black sugar9000@mail.com

Для цитирования:

Щербакowa Е. В. Иерархическая структура экономического потенциала региона // Регионoлогия. 2018. Т. 26, № 3. С. 422–437. DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.422-437

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Basyuk O.V. [Essential characteristic of the category of economic potential of a region]. *Visnik sotsialno-ekonomichnikh doslidzhen* = Socio-Economic Research Bulletin. 2009; 36:244-249. Available at: [http://vsed.oneu.edu.ua/archive\(ru\).php](http://vsed.oneu.edu.ua/archive(ru).php) (accessed 28.05.2018). (In Ukr.)
2. Bondareva E.V., Groshev A.R., Grosheva T.A., Ovcharenko A.M. Innovative region potential. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern Problems of Science and Education. 2012; 4. Available at: <http://www.science-education.ru/en/article/view?id=6828> (accessed 28.05.2018). (In Russ.)
3. Menshchikova V.I. Economic potential of the region: terminology, structure, model. *Vestnik TGU. Gumanitarnye nauki. Ekonomika*. = Tambov University Review. Series Humanities. Economy. 2010; 4(84):51-63. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskiy-potentsial-regiona-terminologiya-struktura-model> (accessed 28.05.2018). (In Russ.)
4. Erokhnina E.V. The impact of intangible factors on the development potential of regional innovation subsystems (on materials of the Kaluga region). *Sovremennye tekhnologii upravleniya* = Modern Management Technology. 2015; 6(54). Available at: <https://sovman.ru/article/5404> (accessed 28.05.2018). (In Russ.)
5. Maskaikin E.P., Artzer T.V. Innovative potential of the region: essence, structure, methodology of estimation and directions of development. *Vestnik Yuzhno-uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment* = Bulletin of South Ural State University. Series. "Economics and Management". 2009; 10(21):47-53. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyy-potentsial-regiona-suschnost-struktura-metodika-otsenki-i-napravleniya-razvitiya> (accessed 28.05.2018). (In Russ.)
6. Bessonova E., Mereshchenko O. Methodology of the resource potential assessment under import substitution. *Economic Annals-XXI*. 2017; 163(1-2(1)):91-94. DOI: <https://doi.org/10.21003/ea.V163-19>
7. Cheymetova V.A., Nazmutdinova E.V. Socio-economic potential of the region and its evaluation. *Asian Social Science*. 2015; 11(7). DOI: <http://dx.doi.org/10.5539/ass.v11n7p74>
8. Bogdański M. Socio-economic potential of Polish cities – a regional dimension. *Sciendo*. 2012; 17:13-20. DOI: <https://doi.org/10.2478/v10089-012-0002-8>

9. Eickelpasch A. The industrial innovation potential of the regions: Stuttgart and Munich further ahead. *German Institute for Economic Research*. 2008; 4(8):49-57. Available at: http://www.diw.de/documents/publikationen/73/diw_01.c.89645.de/diw_wr_2008-8.pdf (accessed 28.05.2018). (In Russ.)

10. Zhang M., Schmidt Yu.D. Evaluation of the economic potential of a regional tourist complex. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika* = Economic Analysis: Theory and Practice. 2017; 2(461). DOI: <https://doi.org/10.24891/ea.16.2.340>

11. Shamakhov V.A., Shmatko A.D. The formation and use of tourist potential of regions in the context of socio-economic development. *Upravlencheskoye konsultirovaniye* = Managerial consulting. 2017; 8:29-35. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-8-29-35>

12. Riding A.L., Short D.M. On the estimation of the investment potential of informal investors: a capture/recapture approach. *Journal of Small Business & Entrepreneurship*. 2013; 5:26-40. DOI: <https://doi.org/10.1080/08276331.1988.10600314>

13. Gonchar K., Kuznetsov B. How import integration changes firms' decisions to innovate. *The Annals Regional Science*. 2016; 60(3). DOI: <https://doi.org/10.1007/s00168-015-0697-6>

14. Beenstock M., Ramos R., Suriñach J. Migration, human capital and social capital: lessons for the EU neighbouring countries. *International Journal of Manpower*. 2015. 36(4):434-440. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJM-01-2015-0001>

15. Downs L. Star talent: investing in high-potential employees for organizational success. *Industrial and Commercial Training*. 2015; 47(7):349-355. DOI: <https://doi.org/10.1108/ICT-06-2015-0041>

16. Ozov A.A. Regionalism and its influence on accumulation of labour potential. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* = Regional Economics: Theory and Practice. 2009; 39(132):29-34. Available at: <http://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=21909> (accessed 28.05.2018). (In Russ.)

17. Balatsky O.F. Theoretical problems of assessing the economic potential of the region, company, enterprise. *Visnik Sumskogo derzhavnogo universitetu. Seriya Ekonomika* = Bulletin of Sumy state University. Series: Economics. 2004; 9(68):84-95. Available at: <http://do.gendocs.ru/docs/index-204866.html> (accessed 28.05.2018). (In Russ.)

Submitted 13.04.2018; accepted for publication 15.05.2018; published online 28.09.2018.

About the author:

Ekateryna V. Shcherbakova, Associate Professor, Department of Management, Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky (7 Red Square, Lugansk 91000, Ukraine), Ph. D. (Economics), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5646-4029>, Researcher ID: L-2085-2016, black sugar9000@mail.com

For citation:

Shcherbakova E.V. Hierarchical Structure of the Economic Potential of a Region. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 26(3):422-437. DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.422-437

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Исследование перспектив формирования и развития финно-угорского туристского кластера в Республике Мордовия

С. Э. Майкова

Д. В. Окунев*

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия),
*okunev_d@mail.ru

Введение. Актуальность статьи обусловлена необходимостью развития индустрии туризма как одной из наиболее привлекательных инвестиционных составляющих развития региона в стратегической перспективе. Цель статьи – обоснование перспектив развития финно-угорского туристского кластера на территории Республики Мордовия как интегрирующего элемента комплексного использования имеющихся ресурсов, задействованных в процессе оказания туристских и рекреационных услуг и способствующих повышению конкурентоспособности региона.

Материалы и методы. В исследовании использовались факторный анализ, методы SNW-анализа и интегральной оценки степени влияния факторов на индустрию туризма. С помощью методов меппинга была построена карта перспективного развития туристских кластеров Республики Мордовия.

Результаты исследования. На основе проведенного анализа тенденций и динамики развития рынка туристических услуг Республики Мордовия, степени и характера влияния внешних и внутренних факторов на формирование индустрии туризма дана оценка степени влияния внешних и внутренних факторов развития индустрии туризма в регионе. Проведено ранжирование инвестиционного риска и потенциала индустрии туризма и построена карта перспективного развития туристских кластеров региона, обусловленная имеющимися природными ресурсами, географическим положением, культурным потенциалом и традициями

© Майкова С. Э., Окунев Д. В., 2018

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted reuse, distribution, and reproduction in any medium provided the original work is properly cited.

местного населения. Доказано, что ключевым элементом развития индустрии туризма в регионе является этнокультурный компонент.

Обсуждение и заключения. Кластерный подход в развитии индустрии туризма является наиболее перспективным, так как способствует эффективному интегрированию всех элементов сферы туристских услуг, функционированию туристской инфраструктуры, росту инвестиционной привлекательности данной сферы деятельности и повышению конкурентоспособности региона в целом. Статья предназначена для руководителей и специалистов организаций и предприятий индустрии гостеприимства и туризма. Перспективы дальнейшего исследования заключаются в разработке модельных решений в отдельных сферах деятельности предприятий и организаций индустрии гостеприимства и туризма.

Ключевые слова: туризм, этнотуризм, туристский кластер, туристский продукт, туристская инфраструктура

Examination of the Prospects for Formation and Development of the Finno-Ugric Tourist Cluster in the Republic of Mordovia

S. E. Maykova, D. V. Okunev*

National Research Mordovia State University (Saransk, Russia),
*okunev_d@mail.ru

Introduction. The article is of relevance due to the need to develop the tourism industry as one of the most attractive investment components of regional development from a strategic perspective. The purpose of the article is to substantiate the prospects for development of the Finno-Ugric tourist cluster in the territory of the Republic of Mordovia it being an integrating element of the comprehensive use of available resources involved in the process of providing tourist and recreational services and contributing to the competitiveness of the region.

Materials and Methods. The study employed the factor analysis as well as the methods of SNW analysis and integral assessment of the degree of influence of the factors on the tourism industry. Using the methods of mapping, a map of the long-term development of tourist clusters of the Republic of Mordovia was constructed.

Results. The influence of external and internal factors in the development of the tourism industry in the region was assessed on the basis of the analysis of the trends and dynamics of the development of the tourist services market in the Republic of Mordovia as well as of the degree and nature of the impact of external and internal factors on the formation of the tourism industry. The investment risk and potential of the tourism industry were ranked and a map of the long-term development of tourist clusters of the region was drawn conditioned by available natural resources, geographical location, cultural potential and traditions of the local population. It was proved that the ethno-cultural component was the key element of development of the tourism industry in the region.

Discussion and Conclusions. The cluster approach in the development of the tourism industry is the most promising one as it promotes the effective integration of all elements of the tourist services sector as well as the functioning of the tourist infrastructure, the growth of the investment attractiveness of this area of activity and the competitiveness of the region as a whole. The article is intended for managers and specialists of organizations and enterprises of the hospitality and tourism industry.

Further studies may focus on the development of model solutions in certain areas of activities of enterprises and organizations of the hospitality and tourism industry.

Keywords: tourism, ethno-tourism, tourist cluster, tourist product, tourist infrastructure

Введение. Индустрия туризма – одна из наиболее активно развивающихся и высокодоходных сфер экономики. Она оказывает мультипликативное влияние на деятельность отдельных сфер и различных секторов экономики, обеспечивает интегрированное использование природного, экономического, социального и этнокультурного потенциала территории. Развитие индустрии туризма воздействует на отрасли, участвующие в формировании комплексного туристского продукта: гостиничный бизнес, транспорт, строительство, общественное питание, рекламу, связь, страхование, сельское хозяйство, производство и реализацию сувенирной продукции и других товаров народного потребления.

Россия является уникальным туристическим регионом мира из-за своего евразийского местоположения, которое предопределило многообразие проживающих на ее территории народов. Единственная возможность сохранения культурных традиций, обычаев коренных малочисленных народов России – это развитие туризма.

Необходимость участия финно-угорских народов в развитии туризма закономерна: финно-угорские республики, округа и ареалы проживания этноса занимают 8 % территории России с численностью населения, проживающего в них, около 9 млн чел., или 6,3 % от всей численности населения страны [1, с. 128–129; 2, с. 89–90]. Многие малочисленные уральские народы России, относящиеся к финно-угорской группе – иганасаны, чувашцы, воль, вепсы, ижорцы, находятся на грани исчезновения.

В современных условиях ускоренное развитие сферы туристских услуг в финно-угорских регионах служит основой привлечения инвестиций, создания новых рабочих мест, развития инфраструктуры, а также повышения эффективности экономики в целом. Решению такой задачи будет способствовать формирование туристских кластеров, которые позволят продуктивно использовать имеющиеся ресурсы предприятий и организаций, участвующих в процессе производства туристских и рекреационных услуг, повышать их качество и конкурентоспособность¹. Все это актуализирует необходимость исследования факторов, влияющих на формирование туристского кластера, их анализ и комплексную оценку по степени и характеру влияния, разработки карты перспек-

¹ Майкова С. Э., Гвоздецкая И. В., Сармаева Т. А. Имидж города в системе территориального маркетинга // Маркетинг. 2011. № 4. С. 56. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=28658056> (дата обращения: 20.04.2018).

тивного развития туристских кластеров этого региона с ранжированием перспектив развития отдельных видов туризма в финно-угорском туристском кластере.

Целью данной статьи является исследование перспектив создания и развития финно-угорского туристского кластера в России на территории Республики Мордовия, позволяющего более эффективно использовать все ресурсы предприятий и организаций, которые участвуют в процессе производства туристских и рекреационных услуг, повышать их качество и, следовательно, конкурентоспособность на внешнем и внутреннем рынках услуг.

Обзор литературы. Теоретические и методические подходы к формированию туристского кластера представлены в работах российских авторов: А. Ю. Александровой² [3], С. Ю. Гришина [4], И. Н. Денисовой³, Т. И. Дутовой [5], Г. А. Карповой, Е. О. Валеевой [6], Е. Г. Карповой [7], О. Н. Кострюковой [8], Н. А. Ларионовой [9], М. А. Морозовой [10; 11], С. К. Онищенко⁴, А. Р. Попова [12], И. Г. Шепелева, А. Ю. Марковой [13].

Зарубежными учеными проводилось значительное количество научных исследований, многие из которых основывались на формировании представления о причинах создания и развития кластерных структур. К наиболее значимым можно отнести следующие теории кластерного социально-экономического развития территорий: теория локализации У. Изарда⁵ (в рамках экономической и общественной географии); теория «связей с поставщиками и заказчиками» А. О. Хиршмана [14]; теория экономического роста за счет реализации экспортного потенциала территории⁶; кластерная модель регионального развития М. Портера⁷. В индустрии туризма вопросам формирования и развития кластеров, применения инновационных подходов при формировании туристских продуктов посвящены статьи А-М. Хьялагер [15], М. Новелли, Б. Шмиц,

² Александрова А. Ю. Современные российские модели кластерообразования в туризме // Туризм в глубине России. Сб. тр. IV Всерос. науч. семинара. Пермь, 2016. С. 11–15. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=27226210> (дата обращения: 29.03.2018).

³ Денисова И. Н. Ключевые методологические и научно-практические проблемы кластерообразования в глобализирующемся мире : моногр. М. : Спутник +, 2009. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19912053> (дата обращения: 30.03.2018).

⁴ Онищенко С. К. Кластерная модель интеграционной трансформации предприятий курортно-рекреационной сферы // Культура народов Причерноморья. 2012. № 236. URL: http://tourlib.net/statti_tourism/onischenko.htm (дата обращения: 30.03.2018).

⁵ Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах : пер. с англ. В. М. Гохмана. М. : Прогресс, 1966. 659 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/01006204400> (дата обращения: 30.03.2018).

⁶ Innis H. A. The Newspaper in Economic Development // The Journal of Economic History. 1942. Vol. 2. С. 1–33. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022050700083418>.

⁷ Портер М. Конкуренция : пер. с англ. М. : Вильямс, 2005. 608 с. URL: <http://www.ec-study.com/ru/view/b401622-porter-konkurenciya> (дата обращения: 30.03.2018).

Т. Спенсер [16], М. Девеса, М. Лагуна, А. Паласиоса [17], Дж. Аримонда, А. Эльфесси [18], А. Бенура, Б. Браммуэлла [19].

Значительное внимание к проблеме исследования туристско-рекреационного потенциала и вопросам организации туризма в Республике Мордовия уделено в работах Н. А. Емельяновой, М. А. Жулиной, А. С. Карасева, В. М. Кициса⁸.

В целом большинство исследователей делают вывод о возможности повышения конкурентоспособности отдельных предприятий индустрии туризма за счет объединения их усилий в рамках единого территориального кластера и получения синергетического эффекта от формирования и продвижения единого регионального туристского продукта.

Проведенный литературный обзор свидетельствует о достаточно глубокой степени изучения исследуемой проблематики. В тоже время использование существующих теорий в практическом исследовании затруднено их фрагментарностью, недостаточным учетом факторов развития рынка туризма и гостеприимства. Однако проблематика развития индустрии туризма в этнокультурной среде (в том числе и финно-угорского мира), формирования туристического, рекреационного и гостиничного кластера финно-угорских регионов часто остается за границами научных исследований, посвященных проблемам как формирования и управления туристскими кластерами, так и развития индустрии туризма в целом. Кроме того, выделенная проблема требует дополнительного исследования, связанного с идентификацией и анализом внешних и внутренних факторов, влияющих на развитие индустрии туризма на территориях проживания финно-угорских народов.

Учитывая фрагментарность теоретического и методического базиса исследования в изучаемой области необходимо:

- произвести анализ факторов, которые влияют на формирование туристского кластера, используя инструменты комплексного факторного анализа;
- разработать методику количественной оценки степени влияния факторов на индустрию туризма;
- провести исследование с помощью методов SNW-анализа и интегральной оценки степени влияния факторов на индустрию туризма;
- определить возможности и перспективы развития различных видов и направлений туризма в финно-угорском туристском кластере на примере Республики Мордовия;

⁸ Территориальная организация туризма в Республике Мордовия : моногр. / Н. А. Емельянова [и др.] ; под общ. ред. М. А. Жулиной. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2017. 272 с.; Туристско-рекреационный потенциал Республики Мордовия : учеб. / Н. А. Емельянова [и др.] ; под общ. ред. М. А. Жулиной. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2017. 188 с.

– выполнить ранжирование перспектив развития отдельных видов туризма в финно-угорском туристском кластере, обусловленных имеющимися природными ресурсами, географическим положением, экологическим благополучием, хорошо сохранившейся природой и традиционной культурой местного населения на примере Республики Мордовия.

Материалы и методы. В качестве материалов были использованы научные разработки и результаты исследований по рассматриваемой предметной области отечественных и зарубежных ученых и практиков, официальные данные общедоступных (открытых) источников, статистическая информация, нормативно-правовые документы, регулирующие данную сферу деятельности.

Исследование проводилось на основе методологии системного подхода и сравнительного анализа, а также на принципах системности, комплексности и эффективности.

В работе применялись методы факторного анализа для идентификации факторов, оказывающих влияние на формирование туристского кластера. На основе методики количественной оценки влияния факторов на индустрию туризма дана интегральная оценка степени положительного влияния внешних факторов на индустрию туризма Республики Мордовия. С помощью методики ранжирования определены ранги составляющих инвестиционного риска и инвестиционного потенциала Республики Мордовия.

Использование методов меппинга позволило построить карту перспектив развития отдельных видов туризма в финно-угорском туристском кластере в Республике Мордовия и обосновать формирование финно-угорского туристского кластера.

Результаты исследования. В рамках концепции устойчивого развития территории туристско-рекреационная деятельность способствует не только урегулированию противоречий между социально-экономическими и экологическими интересами общества⁹, но и сохранению культурно-исторического наследия, укреплению физического и нравственного здоровья нации, а также позволяет формировать благоприятный имидж территории и ее инвестиционную привлекательность.

На динамику развития индустрии туризма свое влияние оказывают общие внешние факторы, которые носят универсальный характер¹⁰. Вы-

⁹ Солдатова Е. В., Пустынина Д. Д. Концепция устойчивого развития индустрии гостеприимства // Материалы XX научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева : в 3 ч. 2016. С. 261.

¹⁰ Okunev D., Maikova S., Soldatova E. The methods of studying the territorial identity factors // 12th International Multidisciplinary Scientific GeoConference and EXPO – Modern Management of Mine Producing, Geology and Environmental Protection, SGEM 2012. 2012. P. 1160. URL: <https://clck.ru/Dicrx> (дата обращения: 30.03.2018).

делить среди них ключевые можно с помощью комплексного анализа основных параметров социально-экономического развития региона.

Оценка степени положительного влияния внешних факторов проведена с использованием SNW-анализа [20, с. 99]. Дана балльная оценка степени положительного влияния каждого фактора, при этом за единицу принято сильное положительное влияние, нейтральная позиция – 0 баллов и слабое положительное влияние фактора – 0,5 балла. В контексте данного анализа весовые значения всех факторов влияния были признаны одинаковыми. Таким образом, интегральная оценка степени влияния варьируется в диапазоне от 1 до 0.

Для расчетов воспользуемся формулой

$$D_{inf} = \frac{\sum_{i=1}^{12} F_i * S_k(N_i)(W_m)}{12},$$

где D_{inf} – интегральный показатель степени положительного влияния внешних факторов, F – внешний фактор влияния, i – количество факторов влияния, S_k – значение сильного положительного влияния ($S_k = 1$), N_i – значение нейтрального влияния ($N_i = 0$), W_m – значение слабого положительного влияния ($W_m = 0,5$).

Использование данной методики количественной оценки влияния факторов на индустрию туризма применительно к Республике Мордовия позволило получить интегральную оценку $D_{inf} = 0,458$. Очевидно, что при максимальном значении, равном 1, имеется значительный потенциал развития отрасли за счет положительного влияния внешних факторов. Результаты оценки внешних факторов представлены в таблице 1.

Проведенный анализ свидетельствует о наличии значительного потенциала развития внутреннего туризма, его конкурентных преимуществах [21, с. 706]. Однако в настоящее время существует комплекс проблем, которые сдерживают динамичное развитие отрасли туризма в республике. С нашей точки зрения, можно выделить внутренние факторы положительного и отрицательного влияния на развитие индустрии туризма Республики Мордовия. К факторам положительного влияния можно отнести следующие:

- сильная инфраструктурная поддержка сферы туризма;
- постоянное развитие туристско-информационного портала Мордовии, который представляет основные туристские ресурсы региона (<http://turizmrm.ru>);
- информационная доступность (базовая информация о сфере туризма в республике публикуется в социальных сетях, печатных изданиях и электронных журналах (например, в «Отдыхе в России»), размещается на портале «ВРегионах.ру» и на национальном туристическом портале Russia Travel);

Т а б л и ц а 1. Оценка внешних факторов развития индустрии туризма в Республике Мордовия на основе SNW-анализа

T a b l e 1. Assessment of external factors in the development of the tourism industry in the Republic of Mordovia, based on the SNW analysis

Фактор / Factor	Оценка факторов влияния на развитие индустрии туризма / Assessment of the factors influencing the development of the tourism industry		
	S – сильная позиция / S – strong position	N – нейтральная позиция / N – neutral position	W – слабая позиция / W – weak position
Экономическое развитие / Economic development	–	0	–
Политическая стабильность / Political stability	1	–	–
Социально-демографическое развитие / Socio-demographic development	–	–	0,5
Научно-техническое развитие / Scientific and technical development	–	0	–
Инвестиционный потенциал / Investment potential	–	–	0,5
Деловая активность / Business activity	–	–	0,5
Транспортная инфраструктура / Transport infrastructure	1	–	–
Уровень конкуренции в индустрии туризма / Level of competition in the tourism industry	–	0	–
Экология / Ecology	1	–	–
Уровень безопасности туризма / Level of tourism safety	–	0	–
Развитие торговли и сферы услуг / Development of trade and services	–	–	0,5
Состояние и степень доступности туристских объектов / State and degree of accessibility of tourist facilities	–	–	0,5

– наличие культурного потенциала (республика является центром финно-угорского мира с большим количеством культурных достопримечательностей и ценностей);

- развитие отношений и сотрудничества с крупнейшими туроператорами;
- постоянное совершенствование туристических маршрутов по достопримечательностям и культурным центрам республики¹¹;
- активное развитие событийного туризма (в том числе связанного с проведением крупных спортивных мероприятий);
- реализация Государственной программы Республики Мордовия «Развитие культуры и туризма» на 2014–2020 гг.

В тоже время существует немало факторов, оказывающих отрицательное влияние на сферу туризма в регионе. Прежде всего, это несовершенство нормативной и правовой базы на уровне региона в сфере туризма, недостаточное количество частных инвестиционных проектов, неразвитость системы учета туристических потоков, недостаточное количество турпродуктов, соответствующих международным стандартам, и низкая заинтересованность туроператоров по продвижению регионального турпродукта на российском и мировом туристских рынках [22, с. 165]. Также необходимо отметить, что имеет место несовершенство информационной политики и брендирования региональных турпродуктов¹², сфера туризма представлена относительно небольшим числом туристических фирм и организаций, не способных создать массовое предложение продуктов туристической индустрии, в том числе изготовление и продвижение аутентичной сувенирной продукции.

По инвестиционному потенциалу Республика Мордовия в 2016 г. заняла 67 позицию в Российской Федерации. Изменения составляющих ранга инвестиционного риска представлены в таблице 2.

По туристическому потенциалу Республика Мордовия находится на 61 месте в России. Анализ инвестиционного потенциала республики показывает незначительное изменение (в среднем 3 балла). Анализ инвестиционной привлекательности Мордовии выявил объективные возможности развития индустрии туризма в республике (инфраструктурные, географические, экологические, природные, культурные, инновационные), а также факторы, оказывающие сдерживающее влияние на развитие данной сферы (институциональный, финансовый). В национальном туристическом рейтинге в 2017 г. Республика Мордовия заняла 70 место (табл. 3).

¹¹ Национальный туристический портал. URL: <https://russia.travel/mordovija/> (дата обращения: 29.03.2018).

¹² Солдатова Е. В., Майкова С. Э., Окунев Д. В. Исследование имиджа г. о. Саранск на основе факторного анализа // Российская экономика в условиях новых вызовов современной эпохи : материалы Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной 95-летию со дня рождения М. А. Валюгина – первого декана экономического факультета Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. 2017. С. 148.

Т а б л и ц а 2. Ранги составляющих инвестиционного риска и инвестиционного потенциала Республики Мордовия в 2010–2017 гг.¹³

T a b l e 2. Ranks of the components of the investment risk and investment potential of the Republic of Mordovia in 2010–2017

Ранги составляющих инвестиционного риска / Ranks of the components of the investment risk	Год / Year						
	2010–2011 (за 2 года) / (for 2 years)	2012	2013	2014	2015	2016	2017
1	2	3	4	5	6	7	8
Социальный / Social	51	58	66	65	61	58	56
Экономический / Economic	31	32	42	30	37	45	38
Экологический / Ecological	4	4	4	4	7	7	7
Управленческий / Managerial	39	50	18	28	27	17	43
Финансовый / Financial	74	74	68	55	47	59	58
Криминальный / Criminal	62	55	50	66	79	71	67
Средневзвешенный индекс риска (Россия = 1) / Weighted average risk index (Russia = 1)	0,327	0,336	0,292	0,272	0,269	0,271	0,248
Ранги составляющих инвестиционного потенциала / Ranks of the components of the investment potential	Год / Year						
	2010–2011 (за 2 года) / (for 2 years)	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Туристический / Tourist	61	61	62	62	67	64	61
Инфраструктурный / Infrastructural	33	38	41	36	38	38	37
Природно-ресурсный / Natural Resource	63	63	63	63	65	65	64

¹³ Таблица составлена по материалам рейтингового агентства «Эксперт РА». URL: https://raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2016/tab02/ (дата обращения: 30.03.2018).

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Трудовой / Labor	52	54	55	52	48	53	48
Потребительский / Consumer	69	70	70	69	70	71	71
Институциональный / Institutional	66	66	66	68	66	68	59
Производственный / Industrial	58	60	61	62	60	62	62
Финансовый / Financial	68	68	67	66	66	67	68
Инновационный / Innovative	46	43	53	53	52	49	50
Доля в общероссийском потенциале / Share in the all-Russian potential	0,497	0,471	0,467	0,496	0,499	0,500	0,507

Таблица 3. Место Республики Мордовия в Национальном туристическом рейтинге в 2017 г.¹⁴

Table 3. Rank of the Republic of Mordovia in the 2017 National Tourist Rating

№	Наименование субъекта Российской Федерации / Name of the constituent entity of the Russian Federation	Общее количество баллов / Total number of points
1	Краснодарский край / Krasnodar Territory	98,3
2	Город федерального значения Москва / Federal City of Moscow	96,8
3	Московская область / Moscow Region	95,5
4	Республика Крым / Republic of Crimea	95,2
...		
70	Республика Мордовия / Republic of Mordovia	36,3
...		
84	Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area	19,2
85	Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Area	14,2

¹⁴ Таблица составлена по: Национальный рейтинг. Национальный Туристический Рейтинг – 2017. URL: <http://russia-rating.ru/info/13018.html> (дата обращения: 30.03.2018). В исследовании ЦИК «Рейтинг» учитывались мнения и оценки представителей экспертного сообщества – специалистов медиагруппы «Отдых в России», информационные порталы «Российский туризм», «Инвестиции в туризм», а также глянцевого журнал и интернет-портал для англоязычной аудитории Tourism & Leisure in Russia.

Критериями для оценки туристической привлекательности российских регионов, их туристического потенциала и популярности среди отечественных и иностранных туристов являются: уровень развития инфраструктуры и гостиничного бизнеса, значимость туристической отрасли в экономике региона, доходность отрасли туризма региона, популярность региона среди туристов, приезжающих на несколько дней, в том числе иностранцев, туристская уникальность региона, его экология, криминогенная обстановка, интерес к региону в интернете как к месту отдыха, методы продвижения туристических ресурсов (туристских продуктов) региона в информационном пространстве.

По сравнению с 2016 г. Мордовия поднялась в рейтинге на три пункта. Проведение в 2018 г. матчей Чемпионата мира по футболу в столице республики г. Саранске, по мнению экспертов, даст толчок для развития туризма в Мордовии и позволит региону в дальнейшем стать мощным туристическим центром¹⁵.

В целом исследование факторов, влияющих на туризм, позволило выявить ряд причин, сдерживающих его развитие в Республике Мордовия:

- незначительное количество туристских продуктов, недостаточное для раскрытия туристического потенциала региона;

- отсутствие единого туристского бренда Республики Мордовия;

- слабая система информационной поддержки и продвижения туристских продуктов и туристских возможностей Республики Мордовия;

- республика располагает большим культурным потенциалом, однако не все объекты культурного наследия в полном объеме востребованы и участвуют в формировании республиканского туристского продукта.

На основании проведенного анализа тенденций и динамики развития туристского рынка Республики Мордовия, степени и характера влияния внешних и внутренних факторов на формирование индустрии туризма, а также оценки уровня инвестиционного потенциала и рисков можно построить карту перспектив развития отдельных видов туризма в финно-угорском туристском кластере (табл. 4).

Финно-угорский туристский кластер – это многофункциональное объединение предприятий туристского рынка и смежных отраслей, отличительной особенностью которого является широкое практическое использование культурного наследия родственных финно-угорских народов в туристских продуктах и услугах.

Культурно-исторические, территориальные, этнические, природные, географические особенности Республики Мордовия позволяют сформировать финно-угорский туристский кластер, основанный на следующих видах туризма: этнотуризм, сельский, религиозный, активный, рекреационный, деловой, экологический, спортивный, учебный туризм.

¹⁵ Там же.

Таблица 4. Карта перспектив развития видов туризма в финно-угорском туристском кластере Республики Мордовия

Table 4. Map of the prospects for development of tourism in the Finno-Ugric tourist cluster of the Republic of Mordovia

Виды туризма / Types of tourism	Перспективы развития / Prospects for the development		
	Высокие / High	Средние / Medium	Низкие / Low
Этнотуризм / Ethno-tourism	+		
Культурно-исторический / Cultural and historical		+	
Сельский, включая экологический туризм / Rural, including eco-tourism		+	
Религиозный / Religious		+	
Рекреационный / Recreational	+		
Активный, в том числе спортивный туризм / Active, including sports tourism	+		
Деловой / Business		+	
Экологический / Ecological		+	

Туристский потенциал Республики Мордовия основывается на следующем:

- расположение в центральной части России;
- транспортная доступность республики (развитое железнодорожное сообщение практически со всеми регионами страны, международный аэропорт в г. Саранск);
- транзитное положение региона (автомобильные дороги: трасса М5 Москва – Челябинск, Москва – Ульяновск, Нижний Новгород – Пенза);
- мягкий умеренно-континентальный климат с четкой выраженностью сезонов года;
- расположение региона между лесной и лесостепной природными зонами обеспечивает широкое природное разнообразие, обусловленное пограничным положением;
- динамичное развитие спортивной индустрии, проведение крупных деловых, культурных мероприятий, национальных праздников и фестивалей являются основой формирования спортивного, событийного и делового туризма;
- значительное количество объектов религиозно-паломнического (паломнический центр при Иоанно-Богословском Макаровском мужском монастыре, Свято-Варсонофиевский женский монастырь, Рождество-

Богородичный Санаксарский мужской монастырь, Кафедральный собор святого праведного воина Феодора Ушакова, Параскево-Вознесенский женский монастырь) и этнического туризма;

- широкая музейная сеть республики (функционируют 25 музеев), значительное число архитектурных, исторических, археологических памятников;

- санаторно-курортная инфраструктура, функционирующая на основе различных лечебных специализаций;

- наличие известных брендов, привлекающих внимание туристов (к ним можно отнести прославленные имена С. Д. Эрзи, Ф. Ф. Ушакова и других известных личностей республики, статус Мордовии как центра финно-угорских народов России).

Таким образом, исследование туристско-рекреационного потенциала Республики Мордовия позволило определить наиболее перспективные сегменты туристского рынка региона:

- культурно-исторический. В настоящее время на территории Республики Мордовия на государственной охране состоят 849 объектов культурного наследия, из них 127 – памятники архитектуры и градостроительства, 66 – памятники археологии, 549 – памятники истории, 102 – памятники искусства, одно достопримечательное место (Усадьба революционера-демократа Н. П. Огарева в с. Старое Акшино Старошайговского района) и 8 ансамблей;

- экологический. Он обеспечивается 108 памятниками природы (в том числе ФГБУ «Объединенная дирекция Мордовского государственного природного заповедника имени П. Г. Сидовича и национального парка «Смольный»» (краткое наименование – ФГБУ «Заповедная Мордовия»)), 20 заказниками и 53 памятниками природы;

- этнический и событийный. Мордовия является Всероссийским центром финно-угорских народов, имеет 2 национально-культурных центра (национально-культурный центр в с. Старая Теризморга, Центр эрзянской культуры в с. Подлесная Тавла). В республике разработаны этнические туристские маршруты «Зов Торамы» (с. Подлесная Тавла), «Мордовия этническая» (Иоанно-Богословский Макаровский мужской монастырь и центр эрзянской культуры в с. Подлесная Тавла), «Истоки земли мордовской» (г. Саранск и Центр мокшанской культуры с. Старая Теризморга);

- религиозный (15 действующих монастырей, два религиозных объекта включены в проект «Большое Золотое кольцо России»);

- рекреационный. Санаторно-курортная инфраструктура республики насчитывает 58 санаторно-курортных организаций, 9 лечебно-оздоровительных учреждений;

– деловой. В республике развивается инновационная инфраструктура, организуются и проводятся выставки, ярмарки, семинары, конференции международного и всероссийского уровней;

– спортивный туризм. Республика располагает значительным количеством современных спортивных объектов мирового уровня;

– учебный. В Мордовии находится крупнейший вуз Поволжья – Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, в котором обучаются не только местные студенты, но и абитуриенты из других регионов России, а также из стран ближнего и дальнего зарубежья;

– сельский. Уровень урбанизации Республики Мордовия составляет 60 %, что ниже общероссийского на 13 %. Это определяет большие возможности для развития туризма в сельской местности.

Исследование показало, что развитие этнографического туризма возможно на большей части территории республики. Могут быть сформированы туристские продукты, позволяющие сравнить быт, культуру, традиционную архитектуру и обычаи проживающих на данной территории народов. Интерес представляют сохранившиеся в ряде мест традиционные занятия населения – национальная вышивка, производство деревянных изделий, ткачество, лозоплетение и др.

Перспективы формирования и развития этнокультурного, сельского, экологического, рекреационного, в том числе санаторно-оздоровительного туризма в Республике Мордовия обусловлены имеющимися природными ресурсами, выгодным географическим положением, экологическим благополучием, живописной природой и традиционной культурой местного населения. Данные уникальные особенности дают возможность сформировать на территории республики финно-угорский туристский кластер по этнокультурному принципу.

К категории недостаточно развитых в настоящее время в финно-угорском мире видов туризма относится этнокультурный туризм. Между тем в странах с высоким уровнем развития туризма значительное внимание уделяется именно культурной среде, позволяющей генерировать массовые туристические потоки. Людей, отдающих предпочтение этнокультурному туризму, как правило, интересуют места (территории), имеющие мировую культурную ценность, характеризующие особенности жизни и быта других народов (местные хоры, ансамбли, атрибуты быта, одежды, фольклора, языка, праздников и обрядов, народных игр и забав, ремесел и промыслов).

В связи с этим в основу концепции развития индустрии туризма в финно-угорском мире должен быть положен этнокультурный компонент. Его эффективное использование во взаимосвязи с объектами современной инфраструктуры, соответствующей международным стандартам, включающей в себя средства размещения, питания, спортивные,

культурно-развлекательные комплексы, доступные средства транспорта и связи, комфортные и безопасные места для пребывания гостей, позволяет обеспечить инвестиционную привлекательность финно-угорских регионов, повысить их имидж за счет формирования этнокультурных брендов [21, с. 710].

Однако для формирования современной конкурентоспособной индустрии туризма на территории Республики Мордовия необходимо решить комплекс проблем. Следует создать качественные туристские продукты, включающие комфортные условия проживания, разнообразные и доступные услуги, высокий уровень обслуживания, безопасность, конкурентоспособную цену. Это потребует проведения последовательной государственной политики, комплексного решения проблем сферы туризма на основе государственно-частного партнерства, формирования соответствующей современным требованиям туристов инфраструктуры отдыха, питания, развлечений и др.

Проведенный анализ современного состояния индустрии туризма, внешних и внутренних факторов ее развития, инвестиционной привлекательности финно-угорского региона позволил выявить предпосылки и обосновать целесообразность создания туристского рекреационного и гостиничного кластера.

В рамках формирования финно-угорского туристского кластера развитие этнографического туризма можно осуществлять практически на всей территории республики¹⁶. Этнокультурные особенности Мордовии позволяют организовывать туры, знакомящие туристов с бытом, культурой, традиционной архитектурой, обычаями, ремеслами, кухней, фольклором мордовского народа. При разработке турпродуктов в рамках функционирования финно-угорского кластера следует использовать «способ погружения туриста в среду коренного населения», например, предусмотреть возможность посещения церемониальных мероприятий. Этнические элементы целесообразно использовать при оформлении гостиничных комплексов и ресторанов.

При формировании финно-угорского туристского кластера значительное внимание нужно уделить сельскому туризму. Данный сегмент может объединять в себе агро-, рекреационный, активный, этнографический туризм на принципах многофункциональности и круглогодичного использования. В Республике Мордовия данное направление туризма имеет значительные возможности для развития, базирующиеся на этнокультурном, экологическом и рекреационном потенциале территории. Кроме того, на первоначальном этапе сельский туризм не требует существен-

¹⁶ Майкова С., Гвоздецкая И., Сармаева Т. Город-сад. Имидж города: исследование термина в картах и схемах // Маркетолог. 2010. № 11. С. 13. URL: <http://docplayer.ru/32016574-S-e-maykova-t-a-sarmaeva.html> (дата обращения: 02.04.2018).

ных инвестиционных вложений, имеет небольшой срок окупаемости по сравнению, например, с санаторно-курортным видом туризма. Сельский туризм обладает большой социальной значимостью – обеспечивает возможность решения проблемы занятости на селе, стимулирования развития туристской индустрии, например, производства сувенирной продукции, реализации сельскохозяйственной продукции, ягод и грибов туристам. В этом случае сельский туризм может стать источником инвестиций в развитие сельскохозяйственного производства.

Очевидно, что создание финно-угорского туристского кластера будет способствовать формированию конкурентоспособного туристского комплекса, отвечающего современным требованиям индустрии туризма, обеспечению широких возможностей для удовлетворения потребностей местного населения, граждан РФ и иностранных государств в туристских услугах и позволит сделать этот кластер высокоэффективным. Развитие финно-угорского туристского кластера в Республике Мордовия внесет большой вклад в развитие экономики региона: увеличатся налоговые поступления в бюджет (бюджетный эффект), появятся новые рабочие места (социальный эффект), будет проводиться работа по сохранению и рациональному использованию культурного и природного наследия.

Обсуждение и заключения. Оценка ведущих экспертов в индустрии туризма свидетельствует, что в XXI в. сфера туризма является важнейшей движущей силой в обслуживающем секторе мировой экономики, уступая только телекоммуникациям и информационным технологиям. По данным неправительственной международной организации – Всемирного совета по туризму и путешествиям (WTTC), – суммарные вложения в сферу туризма оцениваются почти в 700 млрд долл., что составляет 11,3 % инвестиций в экономику всех стран мира. В настоящее время в сфере туризма создано 284 млн рабочих мест и 9,8 % глобального ВВП. По предварительным прогнозам, средние темпы роста международного туризма к 2020 г. достигнут 4,1 %¹⁷.

Российская индустрия туризма находится в стадии поступательного развития. По прогнозу Всемирной туристической организации (UNWTO), к 2020 г. Россия может войти в первую десятку стран – самых популярных направлений туризма¹⁸.

Преимущества формирования туристского кластера как совокупности элементов индустрии туризма очень ярко выражены в комплексности услуги, что составляет определяющий элемент в развитии спроса. Именно кластерный подход в развитии туристской индустрии, с нашей точки зрения,

¹⁷ World travel and tourism council [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wttc.org> (дата обращения: 20.03.2018).

¹⁸ World Tourism Organization (UNWTO) [Электронный ресурс]. URL: <http://www2.unwto.org> (дата обращения: 20.03.2018).

является наиболее перспективным. Для крупных туристских центров эта проблема весьма актуальна, так как неразвитость или полное отсутствие туристских, рекреационных и гостиничных кластеров препятствует эффективному интегрированию всех элементов сферы туристских услуг, функционированию туристской инфраструктуры, росту инвестиционной привлекательности данной сферы деятельности.

В статье содержатся сведения, имеющие практическую значимость при формировании стратегий развития предприятий и организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере туризма и индустрии гостеприимства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Логинова Н. Н. Геодемографические и экистические особенности финно-угорских народов России // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Биология. Науки о Земле. 2011. № 2. С. 128–133. URL: <http://ru.biology.vestnik.udsu.ru/archive/show/6-2011-2-18> (дата обращения: 20.03.2018).

2. Логинова Н. Н., Реброва Т. П. Динамика численности финно-угорских народов // Финно-угорский мир. 2013. № 3. С. 89–97. URL: <http://csfu.mrsu.ru/ru/archives/371> (дата обращения: 21.03.2018).

3. Александрова А. Ю. Туристские кластеры: содержание, границы, механизм функционирования // Современные проблемы сервиса и туризма. 2007. № 1. С. 51–61. URL: <http://spst-journal.org/publ/soderzhanie/1-1-0-1> (дата обращения: 26.03.2018).

4. Гришин С. Ю. Преимущества создания и развития туристских кластеров как базисного элемента национальной экономики // Проблемы современной экономики. 2016. № 1 (57). С. 166–200. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5712> (дата обращения: 29.03.2018).

5. Дутова Т. И. Формирование современного туристско-рекреационного кластера как способ повышения конкурентоспособности российской экономики и ее регионов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Социально-экономические науки. 2010. Т. 10, № 1. С. 99–106. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=13043036> (дата обращения: 30.03.2018).

6. Карпова Г. А., Валеева Е. О. Развитие туризма как конкурентное преимущество территории (на примере субъектов СЗФО) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 1 (91). С. 44–51. URL: <http://unecon.ru/izdaniya/zhurnal-izvestiya/arhiv-nomerov> (дата обращения: 26.03.2018).

7. Карпова Е. Г. Сущность и структура экономического кластера // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Сер.: Экономические науки. 2011. № 2 (119). С. 62–67. URL: http://ntv.spbstu.ru/economics/article/E2.119.2011_11 (дата обращения: 26.03.2018).

8. Кострюкова О. Н. Туристско-рекреационные кластерные системы: сущность и значение для экономики региона // Экономика и управление. 2011. № 9 (71). С. 35–39. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16996627> (дата обращения: 27.03.2018).

9. Ларионова Н. А. Кластерный подход в управлении конкурентоспособностью региона // Экономический вестник Ростовского государственного университета.

2007. Т. 5, № 1-2. С. 180–183. URL: <http://te.sfedu.ru/arkhiv-nomerov/2007/221-evrgu-n1-ch-2.html> (дата обращения: 27.03.2018).

10. Морозова М. А. Оценка инновационного потенциала кластерного взаимодействия в сфере гостеприимства // Проблемы современной экономики. 2015. № 1 (53). С. 303–305. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5337> (дата обращения: 29.03.2018).

11. Формирование эколого-туристского кластера «Приладожье» на особо охраняемых природных территориях / М. А. Морозова [и др.] // Вестник Национальной академии туризма. 2015. № 1 (33). С. 56–59. URL: <http://vestnik.nat-moo.ru/ru> (дата обращения: 30.03.2018).

12. Попов А. Р. Кластерные формы организации и финансирования курортно-туристической сферы // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 14. С. 54–57. URL: <http://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=25127> (дата обращения: 30.03.2018).

13. Шепелев И. Г., Маркова Ю. А. Туристско-рекреационные кластеры – механизм инновационного совершенствования системы стратегического управления развитием регионов // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 3. С. 10. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17855201> (дата обращения: 30.03.2018).

14. Hirschman A. O. The rise and decline of development economics // The Theory and Experience of Economic Development. Essays in Honour of Sir Arthur Lewis. 2012. Pp. 372–390. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203838518>

15. Hjalager A.-M. A review of innovation research in tourism // Tourism Management. 2010. Vol. 31. Pp. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2009.08.012>

16. Novelli M., Schmitz B., Spencer T. Networks, clusters and innovation in tourism: A UK experience // Tourism Management. 2006. Vol. 27, issue 6. Pp. 1141–1152. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2005.11.011>

17. Devesa M., Laguna M., Palacios A. The role of motivation in visitor satisfaction: Empirical evidence in rural tourism // Tourism Management. 2010. Vol. 31, issue 4. Pp. 547–552. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2009.06.006>

18. Arimond G., Elfessi A. A clustering method for categorical data in tourism market segmentation research // Journal of Travel Research. 2001. Vol. 39, issue 4. Pp. 391–397. DOI: <https://doi.org/10.1177/004728750103900405>

19. Benur A., Bramwell B. Tourism product development and product diversification in destinations // Tourism Management. 2015. Vol. 50. Pp. 213–224. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2015.02.005>

20. Майкова С. Э., Сармаева Т. А. Анализ факторов территориальной индивидуальности городского округа Саранск // Вестник Самарского университета. Сер.: Экономика и управление. 2012. № 10 (101). С. 95–102. URL: <http://journals.ssa.ru/index.php/eco/article/view/5303> (дата обращения: 30.03.2018).

21. Maykova S., Okunev D., Gvozdetskaya I. Integral factor assessment of formation and development of Finno-Ugric tourist cluster // Journal of Environmental Management and Tourism. 2017. Vol. 8, issue 4. Pp. 703–712. DOI: [https://doi.org/10.14505/jemt.v8.4\(20\).01](https://doi.org/10.14505/jemt.v8.4(20).01)

22. Окунев Д. В., Майкова С. Э., Гвоздецкая И. В. Маркетинговый анализ развития внутреннего туризма в регионе // Регионология. 2015. № 2 (91). С. 162–167. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1387> (дата обращения: 02.04.2018).

Поступила 22.05.2018; принята к публикации 25.06.2018; опубликована онлайн 28.09.2018.

Об авторах:

Майкова Светлана Эдуардовна, доцент кафедры маркетинга ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат экономических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7333-9716>, Scopus ID: 57188767795, maikova_s@rambler.ru

Окунев Денис Викторович, доцент кафедры теоретической экономики и экономической безопасности ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат экономических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7646-116X>, Scopus ID: 55969699600, okunev_d@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Майкова Светлана Эдуардовна – формулирование основной концепции исследования; подготовка текста статьи; сбор данных и доказательств; проведение анализа и подготовка первоначальных выводов; визуализация данных в тексте.

Окунев Денис Викторович – проведение критического анализа материалов и формирование выводов; развитие методологии.

Для цитирования:

Майкова С. Э., Окунев Д. В. Исследование перспектив формирования и развития финно-угорского туристского кластера в Республике Мордовия // Регионология. 2018. Т. 26, № 3. С. 438–459. DOI: [10.15507/2413-1407.104.026.201803.438-459](https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.438-459)

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Loginova N.N. Geodemographical and ekistic features of the Finno-Ugric peoples of Russia. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Biologiya. Nauki o Zemle* = Bulletin of Udmurt University. Series: Biology. Earth Sciences. 2011; 2:128-133. Available at: <http://en.biology.vestnik.udsu.ru/archive/show/6-2011-2-18> (accessed 20.03.2018) (in Russ.)

2. Loginova N.N., Rebrova T.P. Population dynamics of the Finno-Ugric peoples in Russia. *Finno-ugorskiy mir* = Finno-Ugric World. 2013. 3:89-97. Available at: <http://csfu.mrsu.ru/ru/archives/371> (accessed 21.03.2018). (In Russ.)

3. Aleksandrova A.Yu. Tourist Clusters: Contents, limits, functioning. *Sovremennye problemy servisa i turizma* = Service and Tourism: Current Challenges. 2007; 1:51-61. Available at: <http://spst-journal.org/publ/soderzhanie/1-1-0-1> (accessed 26.03.2018). (In Russ.)

4. Grishin S.Yu. Advantages of the creation and development of tourist clusters as the basic element of the national economy. *Problemy sovremennoj ekonomiki* = Problems of Modern Economics. 2016; 1(57):166-200. Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5712> (accessed 29.03.2018). (In Russ.)

5. Dutova T.I. Formation of the modern tourist and recreational cluster as a way to improve competitiveness of Russian economy and its regions. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-ekonomicheskiye nauki* = Bulletin of

Novosibirsk State University. Series: Social and Economic Sciences. 2010; 10(1):99-106. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=13043036> (accessed 30.03.2018). (In Russ.)

6. Karpova G.A., Valeeva E.O. Tourism development as the competitive advantage of the territory (on the example of the Northwest federal district subjects). *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* = Bulletin of the Saint Petersburg State University of Economics. 2015; 1(91):44-51. Available at: <http://unecon.ru/izdaniya/zhurnal-izvestiya/arhiv-nomerov> (accessed 26.03.2018). (In Russ.)

7. Karpova E.G. The essence and structure of an economic cluster. *Nauchno-tehnicheskkiye vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomicheskie nauki* = St. Petersburg Polytechnic University Journal of Engineering Science and Technology. Series: Economics. 2011; 2(119):62-67. Available at: http://ntv.spbstu.ru/economics/article/E2.119.2011_11 (accessed 26.03.2018). (In Russ.)

8. Kostryukova O.N. Tourism and recreational cluster systems: idea and meaning for the economy of a region. *Ekonomika i upravlenie* = Economics and Management. 2011; 9(71):35-39. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16996627> (accessed 27.03.2018). (In Russ.)

9. Larionova N.A. Cluster approach in managing the region's competitiveness. *Ekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* = Economic Herald of Rostov State University. 2007; 5(1-2):180-183. Available at: <http://te.sfedu.ru/arkhiv-nomerov/2007/221-evrgu-n1-ch-2.html> (accessed 27.03.2018). (In Russ.)

10. Morozova M.A. Cluster interaction in the sphere of hospitality: evaluation of the innovative potential. *Problemy sovremennoj ekonomiki* = Problems of Modern Economics. 2015; 1(53):303-305. Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5337> (accessed 29.03.2018). (In Russ.)

11. Morozova M.A., Nazrieva M.V., Pilyavskiy V.P., Smirnova I.A. Formation of eco-tourism cluster "Ladoga Area" in specially protected natural areas. *Vestnik Natsionalnoj akademii turizma* = Vestnik of National Tourism Academy. 2015; 1(33):56-59. Available at: <http://vestnik.nat-moo.ru/ru> (accessed 30.03.2018). (In Russ.)

12. Popov A.R. Clustered forms of organization and financing of resort-tourist sphere. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* = Regional Economics: Theory and Practice. 2010; 14:54-57. Available at: <http://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=25127> (accessed 30.03.2018). (In Russ.)

13. Shepelev I.G., Markova Yu.A. Tourist-recreational clusters - the mechanism of innovative perfection of system of strategic management development of regions. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem* = Modern Research of Social Problems. 2012; 3:10. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17855201> (accessed 30.03.2018). (In Russ.)

14. Hirschman A.O. The rise and decline of development economics. *The Theory and Experience of Economic Development. Essays in Honour of Sir Arthur Lewis*. 2012; p. 372-390. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203838518>

15. Hjalager A.-M. A review of innovation research in tourism. *Tourism Management*. 2010; 31:1-12. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2009.08.012>

16. Novelli M., Schmitz B., Spencer T. Networks, clusters and innovation in tourism: A UK experience. *Tourism Management*. 2006; 27(6):1141-1152. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2005.11.011>

17. Devesa M., Laguna M., Palacios A. The role of motivation in visitor satisfaction: Empirical evidence in rural tourism. *Tourism Management*. 2010; 31(4):547-552. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2009.06.006>

18. Arimond G., Elfessi A. A Clustering method for categorical data in tourism market segmentation research. *Journal of Travel Research*. 2001; 39(4):391-397. DOI: <https://doi.org/10.1177/004728750103900405>

19. Benur A., Bramwell B. Tourism product development and product diversification in destinations. *Tourism Management*. 2015; 50:213-224. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2015.02.005>

20. Maikova S.E., Sarmaeva T.A. Analysis of Saransk city territorial identity factors. *Vestnik Samarskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* = Vestnik of Samara University. Economics and Management. 2012; 10(101):95-102. Available at: <http://journals.ssau.ru/index.php/eco/article/view/5303> (accessed 30.03.2018). (In Russ.)

21. Maikova S., Okunev D., Gvozdetskaya I. Integral factor assessment of formation and development of Finno-Ugric tourist cluster. *Journal of Environmental Management and Tourism*. 2017; 8(4):703-712. DOI: [https://doi.org/10.14505/jemt.v8.4\(20\).01](https://doi.org/10.14505/jemt.v8.4(20).01)

22. Okunev D., Maykova S., Gvozdetskaya I. Marketing analysis of domestic tourism development in the region. *Regionologiya* = Regionology. 2015; 2(91):162-167. Available at: <http://regionsar.ru/ru/node/1387> (accessed 02.04.2018). (In Russ.)

Submitted 22.05.2018; accepted for publication 25.06.2018; published online 28.09.2018.

About the authors:

Svetlana E. Maykova, Associate Professor, Department of Marketing, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Economics), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7333-9716>, Scopus ID: 57188767795, maikova_s@rambler.ru

Denis V. Okunev, Associate Professor, Department of Theoretical Economics and Economic Safety, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Economics), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7646-116X>, Scopus ID: 55969699600, okunev_d@mail.ru

Contribution of the authors:

Svetlana E. Maykova – formulation of the basic concept of the research, preparation of the text of the article, data and evidence collection; analysis and preparation of initial conclusions; visualization of the data in the text.

Denis V. Okunev – conducting critical analysis of the materials and drawing conclusions; development of methodology.

For citation:

Maykova S.E., Okunev D.V. Examination of the Prospects for Formation and Development of the Finno-Ugric Tourist Cluster in the Republic of Mordovia. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 26(3):438-459. DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.438-459

All authors have read and approved the final version of the manuscript.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ / SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

УДК 323.329:334.7(470.40)

<http://regionsar.ru>

DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.460-473

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

**Новая управленческая интеллигенция
как социально-профессиональная группа на
промышленных предприятиях Пензенской области**Г. Б. Кошарная¹Х. З. Ксенофонтова^{2*}¹ ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)² ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)» (г. Москва, Россия),* ksenofontova@mail.ru

Введение. Актуальность темы исследования объясняется тем, что многие современные промышленные компании Пензенской области ориентированы на формирование кадров с высокой степенью мобильности и социально-профессиональной адаптивностью на рынке труда. Особый интерес представляет процесс дополнения и обновления профессиональных кадров, способных отразить социально-экономические риски и вызовы времени – развитие на промышленных предприятиях управленческой интеллигенции под влиянием их ключевых компетенций. Цель исследования – изучить процесс формирования управленческой интеллигенции промышленных компаний как социально-профессиональной группы и обосновать ее значимость в условиях инновационного развития промышленных компаний Пензенской области.

Материалы и методы. Материалами послужили результаты социологического исследования, проводимого на промышленных предприятиях Пензенской области в 2017 г. Использовались общенаучные и специальные приемы и методы, в том числе системный и сравнительный анализ.

© Кошарная Г. Б., Ксенофонтова Х. З., 2018

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted reuse, distribution, and reproduction in any medium provided the original work is properly cited.

Результаты исследования. Доказано, что управленческая интеллигенция как социально-профессиональная группа является необходимым институтом для промышленных предприятий Пензенского региона. Выявлены компетенции новой управленческой интеллигенции, которые формируют конкурентные преимущества промышленных компаний. Определены факторы, влияющие на уровень сформированности и однородности основы тех или иных компетенций.

Обсуждение и заключения. Компетенции управленческой интеллигенции представляют собой комплекс знаний, навыков и способностей менеджерского звена, участвуют в создании наибольшей выгоды и являются вектором для коллектива промышленных компаний. Перспективы исследования связаны с разработкой моделей развития управленческой интеллигенции на промышленных предприятиях Пензенского региона. Статья будет полезна стейкхолдерам, руководителям разных уровней управления промышленных компаний, государственным и муниципальным служащим, ученым, представителям современной управленческой интеллигенции.

Ключевые слова: профессиональная группа, новая управленческая интеллигенция, управленческие компетенции, управленческая интеллигенция промышленных компаний

New Management Intelligentsia as a Socio-Professional Group at the Industrial Enterprises of the Penza RegionG. B. Kosharnaya^a, Kh. Z. Ksenofontova^{b*}^a Penza State University (Penza, Russia)^b K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University) (Moscow, Russia),* ksenofontova@mail.ru

Introduction. The relevance of the research topic is due to the fact that at the present stage industrial companies of the Penza Region are focused on the formation of highly professional personnel with a high degree of mobility and socio-professional adaptability in the labor market. Of special interest is the process of supplementing and updating professional personnel capable of reducing the social and economic risks and challenges of the time, i. e. the development of the management intelligentsia at the industrial enterprises under the influence of their key competencies. The purpose of the research is to study the process of forming the management intelligentsia at industrial companies as a socio-professional group and to substantiate its importance in the conditions of innovative development of industrial companies in the Penza Region.

Materials and Methods. The materials used were the results of a sociological study conducted at industrial enterprises in the Penza Region in 2017. General scientific and special techniques and methods were used including systemic and comparative analysis.

Results. It has been proved that the management intelligentsia as a socio-professional group is an indispensable institution for industrial enterprises in the Penza Region. The competencies of the new management intelligentsia forming the competitive advantages of industrial companies have been identified as well as the factors influencing the level of formation and homogeneity of the core of certain competencies.

Discussion and Conclusions. The competencies of the management intelligentsia are a complex of knowledge, skills and abilities of the managerial staff. They participate in creating the greatest benefits and are a vector for the staff of industrial companies.

The prospects of further studies may be related to the provision of models for the development of management intelligentsia at industrial enterprises in the Penza Region. The article may be useful for the stakeholders, for administrators of industrial companies of various levels of management, for state and municipal employees, scientists and those representing modern management intelligentsia.

Keywords: professional group, new management intelligentsia, managerial competencies, managerial intelligentsia industrial companies

Введение. На современном этапе промышленные компании Пензенской области ориентированы на стратегическое планирование и прогнозирование, развитие специализации производства по перспективным направлениям их деятельности, повышение качества выпускаемой продукции. В связи с этим особый интерес представляет социально-профессиональная группа управленческой интеллигенции промышленных компаний.

Общемировая тенденция направлена на формирование транспрофессионального специалиста, который владеет набором уникальных знаний, сформированными профессиональными навыками и развитыми способностями¹. Промышленным компаниям необходимо креативное изменение в кадрах – формирование управленческой интеллигенции.

Цель научного исследования – обосновать актуальность и значимость формирования новой социально-профессиональной группы «управленческая интеллигенция» для промышленных компаний Пензенской области в условиях нестабильного, неустойчивого развития регионального рынка труда.

Социально-профессиональная составляющая общества включает совокупность разных социальных групп, которые классифицируются в зависимости от характера и содержания труда.

В социальном профиле особый интерес представляет социально-профессиональная группа управленческой интеллигенции промышленных компаний, состоящая из людей, определяющих стратегию социального развития общества.

К новой управленческой интеллигенции относят, как правило, стейкхолдеров и руководителей разных уровней управления, обладающих уникальным набором компетенций, занятых в разных сферах бизнеса. Стейкхолдерами обычно называют акционеров, потребителей, СМИ, представителей государственной и муниципальной власти, менеджеров, дистрибьюторов, общественные организации и т. д. Именно они оказывают влияние на достижение ценностей компании, а их вклад (работа, капитал, ресурсы, информация и т. п.) является критерием успеха организации [1, с. 327].

¹ Силласте Г. Г. Формирование новой экономической интеллигенции в условиях рыночной экономики : моногр. М. : ИНФРА-М, 2017. 206 с.

Управленческая интеллигенция, на наш взгляд, обладает специфической системой ценностей, которые, с одной стороны, отражают ценности рынка, а с другой – аккумулируют активы компании для решения социально-экономических проблем.

Обзор литературы. В научной литературе первые концепции в области изучения профессиональных групп появились в развитых странах в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. В отечественной социологии для трактовки термина «профессиональная группа» выработались два подхода. Так, В. А. Мансуров, О. В. Юрченко [2], Н. Е. Тихонова [3], Е. П. Сало² считают, что профессиональная группа – это набор профессиональных характеристик, необходимых для формирования профессионализма. В. В. Радаев и И. О. Шкаратан рассматривают данную дефиницию как анализ иерархии престижа³.

На наш взгляд, для определения профессиональной группы перспективным является компетентностный подход. Исходя из многостороннего обоснования данного понятия, авторы статьи считают, что профессиональная группа отличается комплексом ценностей, базирующихся на теории социального капитала, и обладает уникальными компетенциями (знаниями, навыками и способностями личности), которые могут быть реализованы в ее профессиональной деятельности.

Новая управленческая интеллигенция пока не сформировалась на рынке труда как особая профессиональная группа. На данный момент ее относят к уникальной социально-профессиональной группе, которая в процессе формирования и развития основывается на ключевых компетенциях (знаниях, навыках и способностях). При этом их сходство отражается в процессе использования социального капитала. С точки зрения Дж. Коулмена, социальный капитал представляет собой сеть отношений, которые основаны на доверии, уверенности и добровольном выполнении своих обязательств [4, с. 129].

Управленческая интеллигенция промышленных компаний как уникальная социально-профессиональная группа обладает следующими характеристиками:

- постоянное развитие и самообразование;
- креативность, системность мышления, инициативность, самостоятельность, способность принимать решения, ответственность;
- профессиональная независимость, мобильность и адаптивность;
- преобразование социального капитала в интеллектуальный, причем центральную роль в этом процессе играет организационное обучение –

² Сало Е. П. Социальный статус специалистов традиционной медицины в России: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. соц. наук. М. : Ин-т социологии РАН, 2009.

³ Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М. : Аспект Пресс, 1996. 318 с.

степень, в которой люди в организации стремятся приобрести последовательность знаний и воспринимают их в качестве необходимых;

– уникальная система ценностей [5].

Новая управленческая интеллигенция – это страта, формирующаяся на основе уникальных компетенций (знаний, навыков и способностей), которые составляют основу конкурентных преимуществ промышленных компаний.

Научный вклад в раскрытие дефиниции «компетенции персонала» внесли Р. Бояцис⁴, Л. В. Лабунский [6], Г. Хамел, К. К. Прахалад [7], С. Уидет, С. Холлифорд⁵. В их работах компетенции персонала рассматриваются как категория, которая отражает требования к работнику, его задачам и функциям, квалификации, обязанностям, регулирующие выполнение его производственно-трудовых функций. Учеными рассматривается также роль инноваций в реализации предпринимательского подхода к управлению компанией в условиях высокого динамизма и неопределенности факторов внешней среды [8].

По мнению Х. З. Ксенофоновой, «компетенции менеджерского звена представляют собой систему взаимосвязанных уникальных знаний, навыков и способностей, направленных на реализацию стратегических и тактических целей и задач промышленных компаний. Они являются нематериальными активами, определяющими конкурентоспособность компании и стратегическую эффективность. Компетенции менеджерского звена являются определяющим фактором успеха на рынке, так как конкуренция все больше становится борьбой не материальных ресурсов, а современных форм организационного совершенствования» [1, с. 328].

Используя производственные ресурсы в конкурентной, динамичной среде, компетенции менеджерского звена проявляются в принятии долгосрочных и среднесрочных менеджерских решений. В условиях ненасыщенного рынка компетенции менеджерского звена реализуются в текущих мероприятиях по приспособлению компании к текущим изменениям во внешней среде. В условиях, когда на рынке преобладают привлекательные товары и услуги, их мерчендайзинг носит конкурентный характер. В этом случае менеджерское звено является актуальным стратегическим ресурсом компании.

Материалы и методы. Информационной базой анализа выступает официальная информация, публикуемая Федеральной службой государственной статистики. С учетом этого использовались показатели экономической деятельности Пензенской области, а именно ее промышленный потенциал, индекс промышленного производства, динамика развития ряда промышленных предприятий с 2014 по 2017 г.

⁴ Бояцис Р. Компетентный менеджер. Модель эффективной работы : пер. с англ. М. : НИРРО, 2008. 352 с.

⁵ Уидет С., Холлифорд С. Руководство по компетенциям : пер. с англ. М. : НИРРО, 2003.

Материалами исследования послужили результаты социологического исследования, проведенного на промышленных предприятиях Пензенской области в 2017 г. Поскольку предметом исследования выступал процесс формирования управленческой интеллигенции в условиях перехода к цифровой экономике, опрашиваемыми являлись менеджеры разных звеньев управления промышленных компаний Пензенской области: АО «ПО «Электроприбор»», АО «Пензкомпрессормаш», АО «НПП «Рубин», АО «НИИПТХиммаш». Репрезентативная выборка составила 500 чел., из них 47 – руководители и их заместители, 180 – начальники цехов, функциональных отделов и их заместители, 48 – начальники участков, 125 – мастера, 100 чел. – бригадиры.

Как видно из данных, больший процент опрошенных составили руководители среднего звена управления (36 %) и низового звена управления (54,6 %), что говорит о гармоничной расстановке управленческого персонала по уровням управления на исследуемых предприятиях.

Исследование проводилось с помощью общенаучных и специальных приемов и методов, использовались диалектический и синергетический методы познания, анализ, сравнение, синтез, индукция и дедукция.

Результаты исследования. Промышленность является базовой составляющей экономики Пензенской области. Ее доля в общем обороте организаций по видам экономической деятельности области составляет около 13 %. В сфере промышленного производства функционируют более 2 000 предприятий, в том числе 171 крупное/среднее. В промышленности занято более 110 тыс. чел., что составляет около четверти от общей численности работающих в экономике области. Доля промышленности в налоговых поступлениях области составляет около 45 %.

Анализируя промышленный потенциал Пензенской области, отметим, что данный показатель имеет положительную динамику: на 1 января 2013 г. число хозяйствующих субъектов составляло 15 908 ед., на 1 ноября 2017 г. их количество увеличилось до 27 481 ед. (72,7 %).

По итогам 2017 г. индекс промышленного производства в Пензенской области составил 103,7 % к уровню 2015 г. (по России – 101,7 %). Объем отгруженных товаров и услуг собственного производства в промышленности составил 123,3 % к уровню 2016 г.

Доля инновационно-активных компаний в городе насчитывает 11 % от общего числа предприятий области.

Ключевой сферой промышленности области является обрабатывающее производство. Производство машин и оборудования города представлено следующими предприятиями: АО «Пензкомпрессормаш», АО «НИИПТХиммаш», АО «Пензтяжпромарматура», ООО «ЛМЗ Маш-Сталь», АО «Негаспензапром» и др. На крупных и средних предприятиях данной отрасли наблюдается отрицательная динамика выпуска

продукции: объем производства сокращен в 2017 г. на 16 % (по сравнению с 2016 г.).

Подавляющему большинству предприятий г. Пензы приходится развиваться в условиях острой нехватки оборотных средств, труднодоступных кредитов и постоянного снижения покупательной способности населения. Одним из условий выживания компаний на рынке является формирование конкурентных преимуществ. Организация способна сохранить позиционирование на рынке и создать свои преимущества за счет эффективного использования человеческих ресурсов, наращивания его капитала и развития его компетенций. Верность сотрудников своему предприятию, их готовность разделить цели и ценности организации и желание сохранить членство в компании и продолжать трудиться в ее интересах – это важнейшее условие эффективности всех ресурсов, не только человеческих [9; 10].

Для современных компаний необходимо целенаправленно формировать управленческую интеллигенцию, способную модернизировать производство, создавать новые бизнес-модели и бизнес-процессы, обеспечивающие высокую ценность и добавленную стоимость на разных менеджерских уровнях: высший, средний и низовой уровни управления, и определить области их компетенций.

В результате анализа деятельности предприятий выявлено, что у всех организаций разработаны долгосрочные программы развития (до 2020 г.). Интервьюирование показало, что управленческий персонал ориентируется на выбранный путь развития и те технологии, которые функционируют на предприятиях на сегодняшний день. К сожалению, в исследуемых компаниях существует разрыв между подразделениями, нет единой команды; большинство предприятий направлены на автономное выживание.

В условиях перехода к цифровой экономике существование предприятий корпоративного типа характеризуется революционными изменениями под влиянием цифровых инноваций. Условия внешнего окружения являются доминирующими факторами (особенно рыночные и конкурентные), влияющими на перспективы развития предприятия и его большую рентабельность.

Ключевые компетенции менеджерского звена в отдельности не способны обеспечить устойчивого конкурентного преимущества, оно достигается посредством интеграции компетенций менеджерского звена на каждом уровне управления в организации.

В процессе формирования управленческой интеллигенции важную роль играют багаж знаний, их постоянное обновление.

В ходе исследования процессов формирования управленческой интеллигенции предприятий Пензенской области были получены следующие результаты.

Подавляющему большинству предприятий г. Пензы приходится развиваться в условиях острой нехватки оборотных средств, труднодоступных кредитов и постоянного снижения покупательной способности населения.

Анализируя и сравнивая объем произведенной продукции с объемом отгруженной, мы пришли к выводу, что все исследуемые предприятия работают на конкретные заказы (сколько производится продукции, примерно столько же и реализуется). Многие компании стараются не работать про запас и не складировать продукцию.

На исследуемых промышленных предприятиях не только сокращается количество персонала, но и наблюдается его «старение». Так, на 1 декабря 2017 г. численность работающих на крупных и средних промышленных предприятиях г. Пензы составляла 140 774 чел. По сравнению с 2014 г. (147 300 чел.) численность персонала сократилась на 6 526 чел. (5,5 %). Причины этого заключаются в выходе на пенсию, снижении производства товарной продукции и модернизации производства. Сохранение численности персонала и его увеличение с 1 января 2014 г. по 1 января 2017 г. произошло на АО «ПО «Электроприбор»» (количество сотрудников возросло на 118 чел.), АО НПП «Рубин» (на 193 чел.), АО «Пензкомпрессормаш» (на 119 чел.). Незначительное сокращение работников произошло на ОАО «НИИПТхиммаш» (14 чел.).

Рассмотрим подробнее данную ситуацию на примере АО «ПО «Электроприбор»» (табл. 1). Данное предприятие – одно из крупнейших по численности в г. Пенза. Среди сотрудников преобладают люди в возрасте 40–59 лет (62,2 %), при этом численность работников в возрасте 30–39 лет с 2013 г. возросла на 80 чел. (увеличение составило 3,5 %). Число работающих пенсионеров (старше 60 лет) сократилось по сравнению с 2013 г. на 0,8 %. На АО «ПО «Электроприбор»» в период с 2014 по 2017 г. сложилась тенденция преобладания стареющего персонала, которая приводит к объективным сбоям в работе предприятия, ухудшению структуры трудового потенциала [11]. При этом руководители отмечают, что на предприятии слабый приток молодых специалистов (45,5 %). На уровне своей компании они видят лишь необходимость удержания и обучения сотрудников (11 %), проведение грамотной программы мотивации (6 %). Такое положение не может способствовать формированию оптимального будущего для организации. Предприятию необходимо освоить инновационные промышленные методы управления персоналом, разработать механизм привлечения людей извне и создать программу по передаче опыта на основе систем управления знаниями.

Результаты, полученные по стажу работы управленческого персонала на исследуемых предприятиях, характеризуются неоднородностью основы формирования навыков, способностей его профессиональной деятельности.

Таблица 1. Возрастная структура персонала АО «Ю «Электроприбор»» в период с 2014 по 2017 г.
Table 1. The age structure of the staff of JSC PO «Electropribor» in the period from 2014 to 2017

Возрастная группа / Age group	Годы / Years												Отклонение к 2014 г. / Deviation by 2014
	2014		2015		2016		2017		2016		2017		
	Количество человек / Number of people	Процент отклонения / Deviation percent	Количество человек / Number of people	Процент отклонения / Deviation percent	Количество человек / Number of people	Процент отклонения / Deviation percent	Количество человек / Number of people	Процент отклонения / Deviation percent	Количество человек / Number of people	Процент отклонения / Deviation percent	Количество человек / Number of people	Процент отклонения / Deviation percent	
До 30 лет / Up to 30 years	381	16,8	380	16,7	394	16,7	395	16,4	14	103,6			
30-39 лет / 30-39 years	393	17,2	390	17,2	443	18,8	459	19,3	66	116,7			
40-49 лет / 40-49 years	618	27,1	638	28,2	658	28,0	673	28,0	55	108,8			
50-59 лет / 50-59 years	815	35,8	809	35,7	812	34,5	818	34,2	3	100,3			
60 лет и старше / 60 years and also more	70	3,1	48	2,2	48	2,0	50	2,1	-20	-28,6			
Всего / Total	2 277	100	2 265	100	2 355	100	2 395	100	118	105,2			

На каждом предприятии формируются разные подходы работы управленческого персонала. Так, в одних компаниях руководители разных уровней управления имеют стаж работы от 3 до 5 лет. Их работа основывается на новых знаниях и перспективных подходах в развитии коллектива, но реализация их знаний постоянно вступает в противоречие с недостатком опыта в практической деятельности. В то же время управленческий персонал, имеющий опыт работы 20 и более лет, сталкивается с проблемами недостатка знаний в перспективных направлениях деятельности организации, что влияет на снижение эффективности их деятельности.

Результаты, полученные по стажу работы управленческого персонала, носят бинарный характер. С одной стороны, руководители разных уровней управления на всех исследуемых предприятиях имеют большой стаж работы, что свидетельствует о наличии у них профессионального и жизненного опыта, на основе которого сформированы и развиты конкретные навыки в работе; с другой – данный фактор влияет на установление консервативного подхода к формированию и развитию коллектива и самих менеджеров. В свою очередь это не позволяет внедрять инновационные методы работы, сдерживает инициативу и творчество сотрудников.

Управленческий персонал исследуемых промышленных предприятий имеет высшее образование (79 %) и высокий уровень квалификации (56 %). Данные показатели подтверждаются наличием мероприятий по повышению их квалификации, обучения данной категории управленческого персонала и наличию квалификационных удостоверений и дипломов.

На всех исследуемых предприятиях 73 % топ-менеджеров, 82 % начальников цехов и отделов, 42 % менеджеров низового звена считают, что выполняемая работа не полностью соответствует уровню образования и квалификации. Такая ситуация на исследуемых предприятиях характеризуется соответствием качества выпускаемой продукции нормам и требованиям стандартов, принятых на предприятии.

Обсуждение и заключения. Таким образом, проведенный опрос менеджеров разных звеньев управления промышленных компаний Пензенской области показал, что управленческая интеллигенция данных предприятий как социально-профессиональная группа только формируется. Она обладает типичными социально-профессиональными и личностными характеристиками, отличается высокой активизацией деятельности сотрудников к работе и тем, что основными мотивами являются достижение высоких результатов труда и полной самореализации.

Располагая высоким личностно-профессиональным ресурсом, управленческая интеллигенция как социально-профессиональная группа пока не накопила достаточно мощного социально-экономического ресурса. На

исследуемых компаниях Пензенского региона она пока не оформилась в реальное профессиональное сообщество, представляющее и отстаивающее свои интересы как среди других профессиональных групп, так и перед лицом государства.

Управленческая интеллигенция Пензенских промышленных компаний как социально-профессиональная группа обладает большим потенциалом роста и развития. В социальной структуре современной России она является представителем нового экономического уклада.

Рост и развитие данной социальной группы во многом будет зависеть от дальнейшей тенденции развития экономики Пензенской области. Общество и государство ориентируется на переход к цифровой экономике, а именно к экономике знаний, следовательно, и управленческая интеллигенция будет увеличиваться количественно и развиваться качественно.

Формированию и развитию управленческой интеллигенции как новой социально-профессиональной группы должна способствовать политика Пензенской области по развитию социально-инновационной деятельности.

Социально-профессиональная группа управленческой интеллигенции Пензенских промышленных компаний может стать одним из перспективных социальных институтов России, который заинтересован в развитии современной цифровой экономики и способен определять новые актуальные векторы.

Практическая значимость исследования заключается в разработке предложений и рекомендаций, направленных на использование ключевых компетенций, которые позволят предприятиям Пензенского региона своевременно концентрировать воздействия на формирование и развитие управленческой интеллигенции как новой социально-профессиональной группы в промышленной сфере и усилят мотивационную и инновационную активность персонала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ксенофонтова Х. З. Модель социальных инноваций – фактор развития потенциала управленческого персонала // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2011. № 24. С. 326–330. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17241397> (дата обращения: 15.12.2017).

2. Мансуров В. А., Юрченко О. В. Социология профессиональных групп: история становления и перспективы // Вестник института социологии. 2013. № 7. С. 92–103. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=vestnik&jn=vestnik&jid=242 (дата обращения: 23.11.2017).

3. Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 28–41. URL: http://www.isras.ru/socis_2006_9.html (дата обращения: 21.11.2017).

4. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139. URL: <http://ecsocman.hse.ru/ons/msg/16383847.html> (дата обращения: 24.11.2017).

5. Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Интеллигенция в региональном пространстве современного российского общества: понятие, структура, динамика развития // Вестник Института социологии. 2016. № 18. С. 13–23. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2016.18.3.409>

6. Лабунский Л. В. Развитие компетенции персонала – инструмент формирования эффективных трудовых отношений // Уголь. 2004. № 2 (934). С. 28–30. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16905510> (дата обращения: 20.12.2017).

7. Prahalad C. K., Hamel G. The core competence of the corporation // Harvard Business Review. 1990. Vol. 68, no 3. Pp. 79–91. URL: <https://hbr.org/1990/05/the-core-competence-of-the-corporation> (дата обращения: 21.12.2017).

8. Неретина Е. А. Системные инновации – основа устойчивых конкурентных преимуществ компании // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2014. № 3 (3). С. 69–74. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22950929> (дата обращения: 17.02.2018).

9. Полутин С. В., Седлецкий А. В. Влияние научно-технического прогресса на современное общество: региональный аспект // Регионология. 2013. № 1. С. 61–69. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1074> (дата обращения: 17.02.2018).

10. Полутин С. В., Седлецкий А. В. Предпосылки формирования инновационного поведения в современном обществе: региональный аспект // Регионология. 2015. № 2. С. 127–136. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1383> (дата обращения: 17.02.2018).

11. Ксенофонтова Х. З. Изучение формирования компетенций управленческого персонала на промышленных предприятиях Пензенской области // Вопросы инновационной экономики. 2011. № 5. С. 27–36. URL: <http://inec.enjournal.net/article/1026> (дата обращения: 17.02.2018).

Поступила 12.04.2018; принята к публикации 18.05.2018; опубликована онлайн 28.09.2018.

Об авторах:

Кошарная Галина Борисовна, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), доктор социологических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4495-3546>, k-galina1@yandex.ru

Ксенофонтова Халида Зейнтуллоевна, заведующий кафедрой экономики и экономических информационных систем ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)» (109004, Россия, г. Москва, ул. Земляной Вал, д. 73), кандидат социологических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5444-1157>, xenophontova@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Кошарная Галина Борисовна – общее руководство; определение замысла и методологии статьи; проведение критического анализа материалов.

Ксенофонтова Халида Зейнатуллоевна – сбор и обработка информации; критический анализ и доработка текста; курирование данных; сбор данных; подготовка начального варианта текста; доработка статьи; визуализация и представление данных в тексте; компьютерные работы.

Для цитирования:

Кошарная Г. Б., Ксенофонтова Х. З. Новая управленческая интеллигенция как социально-профессиональная группа на промышленных предприятиях Пензенской области // Регионология. 2018. Т. 26, № 3. С. 460–473. DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.460-473

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Ksenofontova Kh.Z. Model of social innovations - the factor of development of potential of the administrative personnel. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo* = Bulletin of V. G. Belinsky Penza State Pedagogical University. 2011; 24:326-330. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17241397> (accessed 15.12.2017). (In Russ.)
2. Mansurov V.A., Yurchenko O.V. The sociology of professional groups: The history and perspectives. *Vestnik instituta sotsiologii* = Bulletin of the Institute of Sociology. 2013; 7:92-103. Available at: http://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=vestnik&jn=vestnik&jid=242 (accessed 23.11.2017). (In Russ.)
3. Tikhonova N.E. The resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* = Sociological Studies. 2006; 9:28-41. Available at: http://www.isras.ru/socis_2006_9.html (accessed 21.11.2017). (In Russ.)
4. Coleman J. Social and human capital. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* = Social Sciences and Contemporary World. 2001; 3:122-139. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/ons/msg/16383847.html> (accessed 24.11.2017). (In Russ.)
5. Golenkova Z.T., Igitkhanyan E.D. Intellectuals in the regional space of modern Russian society: concept, structure, development dynamics. *Vestnik instituta sotsiologii* = Bulletin of the Institute of Sociology. 2016; 18:13-23. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2016.18.3.409>
6. Labunsky L.V. Personal' competition development is the measure to organize the effective labor relations. *Ugol* = Coal. 2004; 2(934):28-30. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16905510> (accessed 20.12.2017). (In Russ.)
7. Prahalad C.K., Hamel G. The core competence of the corporation. *Harvard Business Review*. 1990; 68(3):79-91. Available at: <https://hbr.org/1990/05/the-core-competence-of-the-corporation> (accessed 21.12.2017).

8. Neretina E.A., Ariskin V.G. System innovations as the basis for steady competitive advantages of a company. *Aktualnye problemy ekonomiki i menedzhmenta* = Modern Problems of Economy and Management. 2014. 3(3):69-74. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22950929> (accessed 17.02.2018).

9. Polutin S.V., Sedletskiy A.V. [Influence of the scientific and technical progress on modern society: the regional aspect]. *Regionologiya* = Regionology. 2013; 1: 61-69. Available at: <http://regionsar.ru/ru/node/1074> (accessed 17.02.2018). (In Russ.)

10. Polutin S.V., Sedletskiy A.V. Prerequisites for formation of innovative behavior in modern society: the regional aspect. *Regionologiya* = Regionology. 2015; 2:127-136. Available at: <http://regionsar.ru/ru/node/1383> (accessed 17.02.2018). (In Russ.)

11. Ksenofontova Kh.Z. The study of the formation of competencies of management personnel in industrial enterprises of Penza region. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki* = Russian Journal of Innovation Economics. 2011; 5:27-36. Available at: <http://inec.enjournal.net/article/1026> (accessed 17.02.2018). (In Russ.)

Submitted 12.04.2018; accepted for publication 18.05.2018; published online 28.09.2018.

About the authors:

Galina B. Kosharnaya, Head of the Department of Sociology and Personnel Management, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia), Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4495-3546>, k-galina1@yandex.ru

Khalidia Z. Ksenofontova, Head of the Department of Economics and Economic Information Systems, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University) (73 Zemlyanoy Val St., Moscow 109004, Russia), Ph. D. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5444-1157>, xenophontova@mail.ru

Contribution of the authors:

Galina B. Kosharnaya – general supervision; definition of the concept and methodology of the article; critical analysis of the materials.

Khalidia Z. Ksenofontova – collection and processing of information; critical analysis and revision of the text; data supervision; data collection; preparation of the initial version of the text; revision of the article; visualization and presentation of data in the text; computer work.

For citation:

Kosharnaya G.B., Ksenofontova Kh.Z. New Management Intelligentsia as a Socio-Professional Group at the Industrial Enterprises in the Penza Region. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 26(3):460-473. DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.460-473

All the authors have read and approved the final version of the manuscript.

Исследование инновационной подсистемы университетской кафедры как субстрата региональной инновационной системы

Н. И. Наумкин*

Е. П. Грошева

Н. Н. Шекшаева

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия),
* naumn@yandex.ru

Введение. Заявленный в России переход к цифровой экономике невозможен без наличия развитой национальной инновационной системы, состоящей из региональных инновационных систем и других ее субстратов. Эффективность ее функционирования определяется уровнем развития каждого структурного элемента национальной инновационной системы. Цель статьи – проанализировать инновационную систему университетской кафедры, входящей в систему вуза, региональных и национальной инновационных систем в целом.

Материалы и методы. Используются системный, субстратный и структурированный научные подходы, а также анализ известных исследований по изучаемой проблеме, в том числе предыдущие разработки авторов.

Результаты исследования. Выявлена иерархия инновационных систем, начиная с системы кафедры национального исследовательского университета и заканчивая национальной инновационной системой. Разработана модель инновационной подсистемы кафедры с выявленной инновационной инфраструктурой, направленная на получение как специфических одушевленных инновационных продуктов – выпускников университета обладающих компетентностью в инновационной инженерной деятельности, так и неодушевленных – материальных и нематериальных продуктов.

Обсуждение и заключения. Полученные результаты подтверждают важную роль каждой университетской кафедры в развитии национальной инновационной системы в целом и ориентируют ее работу на инновационный путь развития – творче-

© Наумкин Н. И., Грошева Е. П., Шекшаева Н. Н., 2018

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted reuse, distribution, and reproduction in any medium provided the original work is properly cited.

скую продуктивную интеллектуальную и научно-исследовательскую деятельность, что станет основанием для развития других кафедральных инновационных систем. Перспектива дальнейших исследований видится в обосновании расширения инфраструктуры инновационной системы кафедры, в том числе за счет создания новых секторов цифрового проектирования и производства инновационных продуктов.

Ключевые слова: инновационная система, компетентность в инновационной инженерной деятельности, инновационный продукт, инновационная деятельность, инфраструктура

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-013-00342).

Research on the Innovative Subsystem of the University Department as a Substratum of the Regional Innovative System

N. I. Naumkin*, E. P. Grosheva, N. N. Shekshaeva

National Research Mordovia State University (Saransk, Russia),

* naumn@yandex.ru

Introduction. The declared transition to the digital economy in Russia is impossible without a developed national innovative system consisting of regional innovative systems and its other substrata. The effectiveness of its functioning is determined by the level of development of each structural element of the national innovative system. The objective of the article is to analyze the innovative system of the university department, which is part of the university system as well as the regional and national innovative systems in general.

Materials and Methods. Systematic, substratum and structured scientific approaches were used as well as analysis of known pieces of research on the issues under study including the previous works by the authors.

Results. A hierarchy of innovative systems has been identified from the system of the department of a national research university to the national innovative system. A model of the innovative subsystem of the department with the identified innovative infrastructure has been developed. It is aimed at obtaining both specific animate innovative products: graduates of the university with competence in innovative engineering activities, and inanimate ones: tangible and intangible products.

Discussion and Conclusions. The obtained results reaffirm the important role of each university department in the development of the national innovative system as a whole, and direct its work towards an innovative path of development, i. e. the creative productive intellectual and research activities, which will become the basis for the development of other innovative department systems. Further research may deal with substantiation of the expansion of the infrastructure of the innovative system of the department including through the creation of new sectors of digital designing and development of innovative products.

Keywords: innovative system, competence in innovative engineering activity, innovative product, innovative activity, infrastructure

Acknowledgments. The work was performed with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research (project No. 18-013-00342).

Введение. Одними из основных документов, регламентирующих сегодня научно-технологическое развитие экономики страны, являются «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации», утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642, и Постановление Правительства Российской Федерации от 18 апреля 2016 г. № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы». Эти документы направлены прежде всего на обеспечение возможности вхождения экономики России в число стран с шестым технологическим (цифровым) укладом, что невозможно без наличия развитой национальной инновационной системы (НИС). Такая система построена на интеграции региональных инновационных систем (РИС), уровень развития которых и определяет в целом состояние НИС. В свою очередь РИС имеет собственную структуру (подсистемы), эффективность ее функционирования определяется их состоянием. В связи с этим для повышения эффективности реализации НИС и РИС необходимо выявить те субстраты – первоэлементы этих систем, которые определяют эту эффективность. На наш взгляд, таким важным субстратом по отношению к РИС служит университетская кафедра, и решение задачи повышения эффективности ее инновационной деятельности становится основанием для повышения эффективности НИС в целом. Таким образом, целью рассматриваемого исследования является разработка инновационной подсистемы университетской кафедры с выявлением ее инновационной инфраструктуры, обеспечивающей эффективность функционирования инновационной подсистемы вуза, РИС и НИС. Для этого необходимо решить следующие задачи: 1) конкретизировать определение национальной и региональной инновационных систем; 2) установить иерархию инновационных надсистемы, систем и подсистем; 3) разработать модель инновационной подсистемы университетской кафедры; 4) подтвердить эффективность функционирования инновационной подсистемы университетской кафедры и ее влияние на эффективность РИС и НИС.

Обзор литературы. Инновационные процессы в современном мире и стране приняли форму целостной инновационной системы – национальной инновационной системы. В ранее изданных работах нами представлена полная структура НИС, включающая субъекты (новаторов, инноваторов и инфраструктуру), объекты (инновации – инновационные продукты)¹, инновационную деятельность – двигатель инновационной системы² [1; 2].

¹ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 104 с.

² Подготовка студентов национальных исследовательских университетов к инновационной деятельности в процессе обучения техническому творчеству / Н. И. Наумкин, Е. П. Грошева, В. Ф. Купряшкин. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. 120 с.

Существуют различные классификации инновационных продуктов (ИП) такой системы. Так, например, Й. Шумпетер выделяет: 1) новый объект или новое его свойство; 2) новый способ изготовления существующего продукта; 3) новые способы распространения известных товаров; 4) предложение новых сырьевых ресурсов; 5) изменение технологии, устраняющей монополию³. С. В. Ермасов и Н. Б. Ермасова предлагают классифицировать их по 4 признакам: 1) сферам применения; 2) предмету осуществления; 3) типу экономического развития; 4) источнику идеи⁴. Ю. В. Яковец выделяет четыре вида инноваций: базисные, крупные, средние, мелкие⁵.

Инновационная деятельность (ИД) как двигатель НИС включает определенный типовой набор работ, прежде всего связанных с творческим подходом [3; 4]. Такая деятельность содержит инновационный и рыночный циклы⁶, отличающиеся друг от друга тем, что первый завершается изготовлением инновационных продуктов, а второй – выводом их на рынок.

А. Д. Гохштадт определяет инновационную деятельность как «вовлечение достижений науки и техники в хозяйственный (гражданско-правовой) оборот»⁷. Б. Л. Агранович трактует инновационную инженерную деятельность как разработку и создание новой техники и технологий, доведенных до вида товарной продукции, обеспечивающей экономической, социальной или другой эффект, а следовательно, являющейся конкурентоспособной [5]. А. А. Харин с соавторами в своем исследовании описывают инновационную структуру высшего образования страны, приводят ее качественный и количественный состав [6].

Интересен опыт зарубежных стран в развитии собственных инновационных систем. Так, например, в Чешской Республике для развития региональных инновационных систем используют такой инструмент, как инновационный ваучер. Р. Hlaváček анализируется реализация программы инновационных ваучеров и ее применение компаниями региона с целью определения ее влияния на рост экономического потенциала региона [7]. На практике наблюдается рост компаний, которые достигают лучших экономических результатов (повышается их эффективность, создаются

³ Шумпетер Й. Теория экономического развития.

⁴ Ермасов С. В., Ермасова Н. Б. Инновационный менеджмент. М.: Высшее образование, 2007. 505 с.

⁵ Яковец Ю. Предпосылки преодоления инновационного кризиса // Экономист. 1998. № 1. С. 32–37.

⁶ Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года: утв. Правительством Российской Федерации 05.08.2005 № 2473п-П7. URL: <http://www.sci-innrv.ru> (дата обращения: 21.04.2018).

⁷ Гохштадт А. Д. Инновационная деятельность как особый вид экономической деятельности // Патенты и лицензии. 2007. № 1. С. 56–62.

новые рабочие места). Можно сказать, что такая программа укрепляет развитие инновационных компаний и способствует секторной реструктуризации регионов.

Д. Чирiasi отмечает, что в Европейском союзе расходы на обучение сотрудников фирм без отрыва от производства напрямую направлены на развитие и внедрение инноваций и на рост квалифицированного человеческого капитала. В них инвестиции в обучение и в запас персонала НИОКР рассматриваются как эндогенные по отношению к количеству инновационных продаж, на которых они находятся, вероятно, чтобы иметь эффект, и в целом положительно влияют на развитие НИС [8].

Некоторые исследователи предполагают, что стандартизация является ключевой частью микроэкономической инфраструктуры, которая может служить основой для роста знаний и инноваций [9]. В последние годы были предприняты шаги на разных уровнях в направлении разработки стандартизованных подходов к сфере деятельности, связанной с инновациями, в том числе в области управления ими. Цель стандартизации – критический обзор европейской системы управления инновациями, разработанной в качестве технической спецификации Европейским комитетом по стандартизации (CEN) в перспективе модели Quadruple Innovation Helix и концепции треугольника знаний. Исследования имеют концептуальный характер. Модель Quadruple Innovation Helix и концепция треугольника знаний являются отправной точкой для дальнейших обсуждений по стандартизации управления инновациями.

В. Скуотто и С. Шукла описывают, как реализация стратегии имовации может повысить эффективность фирм на примере опыта работы компаний Lenovo (Китай) и RedBus.in (Индия). Стратегия имовации учитывает две макропеременные: сетевую инновационную систему и подход к использованию знаний. Имоватор объединяет аспекты как имитационных, так и инновационных стратегий. Он использует внешние ресурсы и возможности своей собственной сетевой системы, чтобы повысить эффективность бизнеса и увеличить технологические возможности. Для этого необходимы инновационные продукты с техническими улучшениями и меньшими издержками производства. В рассматриваемом примере Lenovo улучшила свои способности R&D благодаря взаимоотношениям с IBM, представила инновационные продукты (коммерческие ПК Think-brand и потребительские ПК Idea, а также серверы, рабочие станции и семейство мобильных интернет-устройств, включая планшеты и смартфоны). В то время как RedBus.in, поддерживая различные венчурные компании, столкнулась с высококонкурентным рынком и развила отношения с иностранными транснациональными корпорациями. В частности, RedBus.in использует возможности компании Amazon для создания хорошо спроектированной и масштабируемой облачной инфраструктуры [10].

Исследуя инновационные региональные инфраструктуры на примере Республики Мордовия, В. А. Иншаков с соавторами отмечает, что такая структура включает: бизнес-инкубаторы (АНО «Республиканский бизнес-инкубатор», ГКУ «Бизнес-инкубатор Республики Мордовия», инновационный бизнес-инкубатор «Молодежный»), центр трансфера технологий (ЦТТ при МГУ им. Н. П. Огарева), венчурный фонд (Региональный венчурный фонд инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере Республики Мордовия), две крупные интегрированные системы (Светотехнический кластер Республики Мордовия, Автономное учреждение «Технопарк – Мордовия»)⁸. Кроме того, в 2013 г. для оказания содействия в реализации новых инновационных проектов было создано агентство инновационного развития.

В дополнение к этому Д. В. Пивкин подчеркивает важность влияния на развитие этой инфраструктуры вузовской науки, представленной Мордовским государственным педагогическим институтом им. М. Е. Евсевьева и МГУ им. Н. П. Огарева. Автор отмечает, что в 2010 г. был создан ГБОУ РМ «Республиканский лицей для одаренных детей», чьи воспитанники постоянно входят в число призеров олимпиад и конференций по различным направлениям. Все это улучшило позиции Мордовии в рейтинге инновационного развития регионов России⁹.

Интересен подход к исследованию компонентов региональной инновационной системы социологов С. В. Полутина и А. В. Седлецкого, которые особое внимание обращают на необходимость развития инновационного потенциала региона, разработку и совершенствование социальных парадигм как предпосылок формирования инновационного поведения в современном обществе и др. [11–13].

С. Г. Ушкин, Л. Ю. Максимова, В. А. Иншаков проанализировали современное состояние региональной научно-инновационной сферы Республики Мордовия на основе материалов экспертного опроса руководителей предприятий, входящих в региональную инновационную систему; сформулировали перспективы и проблемы ее развития. Авторы указали на то обстоятельство, что в условиях отсутствия в регионе запасов сырья республика ориентирует экономику на активный рост наукоемких высокотехнологичных производств и выпуск конкурентоспособной продукции. Это позволило республике занять важное место среди инновационно развивающихся регионов страны [14].

⁸ Мониторинг научно-инновационной сферы Республики Мордовия : аналит. доклад / В. А. Иншаков [и др.]. Саранск, 2013. 40 с.

⁹ Пивкин Д. В. Объекты АПК как элемент республиканской инновационной системы // Ресурсосберегающие экологически безопасные технологии производства и переработки сельскохозяйственной продукции : материалы XIII междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. С. А. Лапшина. Сер.: «Лапшинские чтения». 2017. С. 502–505.

Таким образом, анализ литературы показал, что исследование инновационных надсистем, систем и подсистем актуально как у нас в стране, так и за рубежом. Большинство ученых занимаются изучением вопросов развития систем в целом, и только отдельные авторы – развитием их компонентов. Однако все исследователи сходятся в одном, что развитая инновационная система – залог технического прогресса общества в целом.

Материалы и методы. Для выполнения исследования были использованы основные компоненты взаимосвязанных между собой системного, субстратного и структурированного научных подходов¹⁰. Системный подход, как обеспечивающий выявление компонентов системы, их назначение, свойства, выполняемые функции и установление взаимосвязи между ними, позволил конкретизировать состав национальной (надсистема), региональной (система) и вузовской (подсистема) инновационных систем. Структурный подход наряду с системным, устанавливающий определенную взаимосвязь, взаиморасположение составных частей и строение системы, позволил выстроить строгую иерархию инновационных систем, начиная с системы университетской кафедры национального исследовательского университета и заканчивая НИС, обеспечивающими их высокую эффективность функционирования в целом.

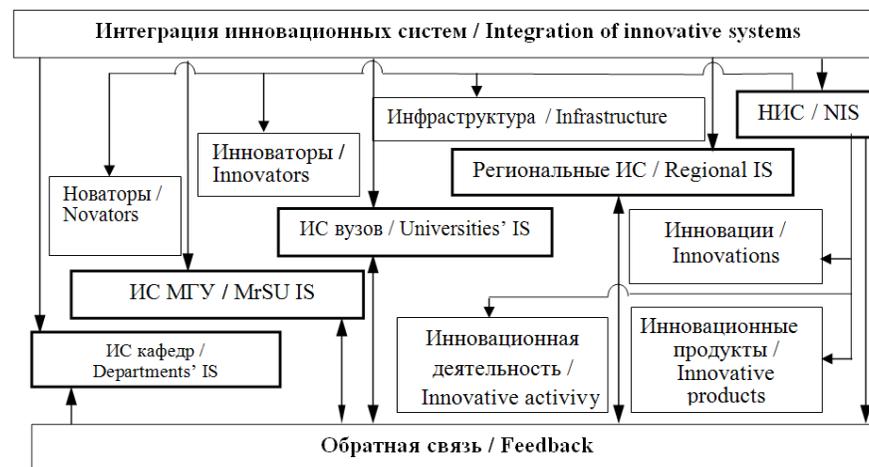
Субстратный подход¹¹ направлен на определение в исследуемом объекте, явлении или системе тех субстратов – «первозлементов», неделимых на более простые по отношению к рассматриваемой системе и в то же время обладающих общими свойствами системы. Основным результатом использования субстратного подхода заключается в установлении структуры системы, надсистемы и подсистемы. Так, например, в технике такими субстратами служат детали, при исследовании физических процессов – это элементарные частицы и поля, в химии – это атомы, остающиеся устойчивыми при образовании и превращении различных веществ, в биологии, в живых организмах – молекулы нуклеиновых кислот (ДНК и РНК) и белковых веществ, субстратом социальных форм движения является человек. С этой точки зрения субстратный подход позволяет ученому исследовать систему (надсистему или подсистему) как совокупность составных частей, обладающих определенными свойствами в их взаимодействии, взаимовлиянии, равновесии и движении с обменом веществом, энергией и информацией. В нашем случае – это выявление структуры инновационной системы университетской кафедры, а именно кафедры основ конструирования механизмов и машин ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарева».

¹⁰ Субстратный подход – методология и технология качественной оптимизации систем и процессов управления [Электронный ресурс]. URL: <https://delovoymir.biz/substratnyy-podhod-metodologiya-i-tehnologiya-kachestvennoy-optimizacii-sistem-i-processov-upravleniya.html>.

¹¹ Субстратный подход [Электронный ресурс]. URL: https://studopedia.ru/10_292436_substratnyy-podhod.html.

Результаты исследования. Как было отмечено выше, уровень развития экономики страны определяется прежде всего наличием развитой национальной инновационной системы. Под такой системой будем понимать совокупность взаимосвязанных субъектов и объектов инновационной деятельности, взаимодействующих в процессе создания инновационных продуктов¹². Естественно, в масштабах страны такая система (надсистема), будет включать системы и подсистемы. В предлагаемой статье мы постарались выстроить иерархию такой совокупности систем, начиная с НИС и заканчивая подсистемой университетской кафедры (рис. 1). Данная совокупность взаимосвязанных элементов функционирует на основе существующих гибких, управляемых, адаптивных связей на всех уровнях ее интеграции. Ранее нами была представлена полная структура НИС с указанием этих связей и описаны ее элементы¹³.

Субъекты НИС – это новаторы, инноваторы и ее инфраструктура. Новатором может являться как физическое (конструктор, изобретатель и др.), так и юридическое лицо (научная организация, учреждение и др.), творческим трудом которых создается новация. Инноватор трансформирует новацию в инновацию. Им также может быть как юридическое, так и физическое лицо, занимающееся предпринимательством.

Р и с. 1. Иерархия инновационных систем
F i g. 1. Hierarchy of innovative systems

¹² Подготовка студентов национальных исследовательских университетов к инновационной деятельности в процессе обучения техническому творчеству.

¹³ Там же.

Инфраструктура инновационной системы – это совокупность субъектов инновационной деятельности, способствующих ее осуществлению, включая предоставление услуг по созданию и реализации инновационной продукции. К ней относятся центры трансфера технологий, инновационно-технологические центры, технопарки, бизнес-инкубаторы, центры подготовки кадров для инновационной деятельности, венчурные фонды и др.

Объектами системы являются инновации. В свое время определение понятию «инновация» давали Й. Шумпетер¹⁴, Д. В. Чернилевский¹⁵, В. М. Полонский [15], Б. Л. Агранович [5] и другие ученые. Различают инновации-продукты – как цель инновационной деятельности, и инновационный процесс – как объект управления¹⁶.

Мы будем придерживаться определений, зафиксированных в «Новейшем словаре иностранных слов и выражений»¹⁷. Новация (с лат. novatio – «обновление, изменение») – результат творческой деятельности человека, представленный умозаключением, предложением, дополняющим существующую инновацию. Новация должна быть представлена таким образом, чтобы она могла выступать в виде товара на рынке, в том числе и в виде патента на изобретение, полезную модель, свидетельства на электронную программу и др. Новация, по мере ее использования, становится инновацией (от лат. innovation; in – «вхождение или внесение в пределы, в среду, проникновение в среду») – нововведением, чем-то новым, впервые вошедшим в употребление.

Далее мы будем придерживаться собственной классификации инноваций¹⁸ [16]. В ней выделяют производственные инновации, включающие технологические инновации и организационные и управленческие изменения. Технологические инновации – это разработка и внедрение технологически новых или технологически усовершенствованных продуктов и процессов на промышленных предприятиях; в отраслях сферы услуг – это новые или усовершенствованные услуги и способы в производстве (передаче) услуг. Они делятся на продуктовые и процессные. Продуктовые включают разработку и внедрение новых или усовершенствованных продуктов и услуг, процессные – разработку и внедрение новых или значительно усовершенствованных технологий изготовления.

Инновации создаются в результате инновационной инженерной деятельности (ИИД). Конкретизируем это понятие. В «Основных направле-

¹⁴ Шумпетер Й. Теория экономического развития.

¹⁵ Чернилевский Д. В., Филатов О. К. Технология обучения в высшей школе / Д. В. Чернилевский. М. : Экспедитор, 1996. 288 с.

¹⁶ Гохшанд А. Д. Инновационная деятельность как особый вид экономической деятельности.

¹⁷ Новейший словарь иностранных слов и выражений. М. : Совр. литератор, 2003. 976 с.

¹⁸ Подготовка студентов национальных исследовательских университетов к инновационной деятельности в процессе обучения техническому творчеству.

ниях политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года» инновационная деятельность формулируется как выполнение работ и (или) оказание услуг, направленных на: создание и организацию производства принципиально новой или с новыми потребительскими свойствами продукции (товаров, работ, услуг), создание и применение новых или модернизацию существующих способов (технологий) ее производства, распространения и использования. В качестве рабочего для дальнейших исследований примем определение, сформулированное нами в ранее опубликованных статьях: инновационная инженерная деятельность – это творческая продуктивная деятельность, представленная инновационными продуктами (материальными (МИП), нематериальными (НИП), одушевленными (ОИП)) [17; 18]. Инновационная инженерная деятельность является двигателем технического прогресса общества.

Как видно из рисунка 1, НИС включает в себя региональную инновационную систему, развитие которой обеспечивает эффективное функционирование НИС. Впервые термин «региональная инновационная система» ввел Ф. Кук. Под ним он понимал «набор узлов в инновационной цепочке, включающей в себя непосредственно генерирующие знания фирмы, а также организации, предприятия, использующие (применяющие) эти знания, и разнообразные структуры, выполняющие специализированные посреднические функции: инфраструктурное обеспечение, финансирование инновационных проектов, их рыночную экспертизу и политическую поддержку»¹⁹.

Структура РИС на примере структуры Республики Мордовия описана в разделе «Обзор литературы» и схематично представлена в работе Д. В. Пивкина²⁰. Отметим, что ее успешную деятельность в республике определяют: 1) постановления Правительства РМ от 20.05.2013 № 183 (ред. от 15.04.2016) «Об утверждении Государственной программы научно-инновационного развития Республики Мордовия на 2013–2018 годы», от 20.12.2010 № 498 (ред. от 05.08.2013) «О Комплексной программе развития и государственной поддержке малого и среднего предпринимательства в Республике Мордовия на 2011–2015 годы», от 04.07.2011 № 236 «Об утверждении Порядка предоставления субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства, осуществляющим разработку и внедрение инновационной продукции», от 14.11.2011 № 433 (ред. от 06.05.2013) «Об утверждении Порядка проведения конкурса на предоставление статуса резидента технопарка в сфере высоких технологий в Республике Мордовия» и др.; 2) законы РМ от 24.08.2011 № 43-3 (ред.

¹⁹ Цит. по: Пивкин Д. В. Объекты АПК как элемент республиканской инновационной системы.

²⁰ Там же.

от 19.06.2013) «О технопарке в сфере высоких технологий в Республике Мордовия», от 01.10.2008 № 94-3 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года» и др.

Существующая структура РИС позволила Мордовии в 2016 г., согласно выводам специалистов Высшей школы экономики, впервые войти в четверку в рейтинге инновационного развития регионов России. Данный результат стал возможен благодаря благоприятным социально-экономическим условиям инновационной деятельности, ее результативности, научно-техническому потенциалу республики и качеству инновационной политики региональных органов власти. Показателем деятельности РИС является ориентированность промышленности республики на производство инновационной, высокотехнологичной продукции – ее доля в общем объеме составляет 27 %, что является одним из самых высоких показателей в стране.

Таким образом, можно сделать вывод, что РИС Республики Мордовия создает все условия для развития и способствует увеличению объема выпуска инновационной продукции как цели любой инновационной системы.

С. Г. Ушкин, Л. Ю. Максимова, В. А. Иншаков отмечают, что одним из основных сдерживающих факторов развития РИС Республики Мордовия является дефицит инновационно-ориентированных кадров, особенно инженерно-технических направлений [14]. Следовательно, особое значение приобретает вузовская наука и инновационная подготовка обучающихся в них студентов. То же самое можно отметить и в масштабах страны. В связи с этим обратим внимание на следующий элемент НИС (рис. 1) – инновационную подсистему высшей школы (ИПС).

А. А. Харин с соавторами, анализируя состояние инновационной системы высшей школы России, отмечает, что вузы являются одним из ведущих элементов формирующейся НИС, играющих определяющую роль в процессах ее организации и функционирования. В НИС высшая школа как элемент инфраструктуры призвана готовить кадры к ИИД. Соответственно в ИПС высшей школы создана развернутая инновационная инфраструктура: региональные центры (подготовки в области инновационного предпринимательства – 16 шт., информационно-аналитические – 12 шт., инновационные – 10 шт., содействия развитию научно-технического предпринимательства – 12 шт.), 44 технопарка, 4 инновационно-промышленных комплекса, 25 учебно-научно-инновационных комплексов, фонд содействия развитию инновационной деятельности высшей школы. Кроме того, в вузах действуют свыше 2 000 различных инновационных подразделений (малые инновационные предприятия, лаборатории, секторы и др.).

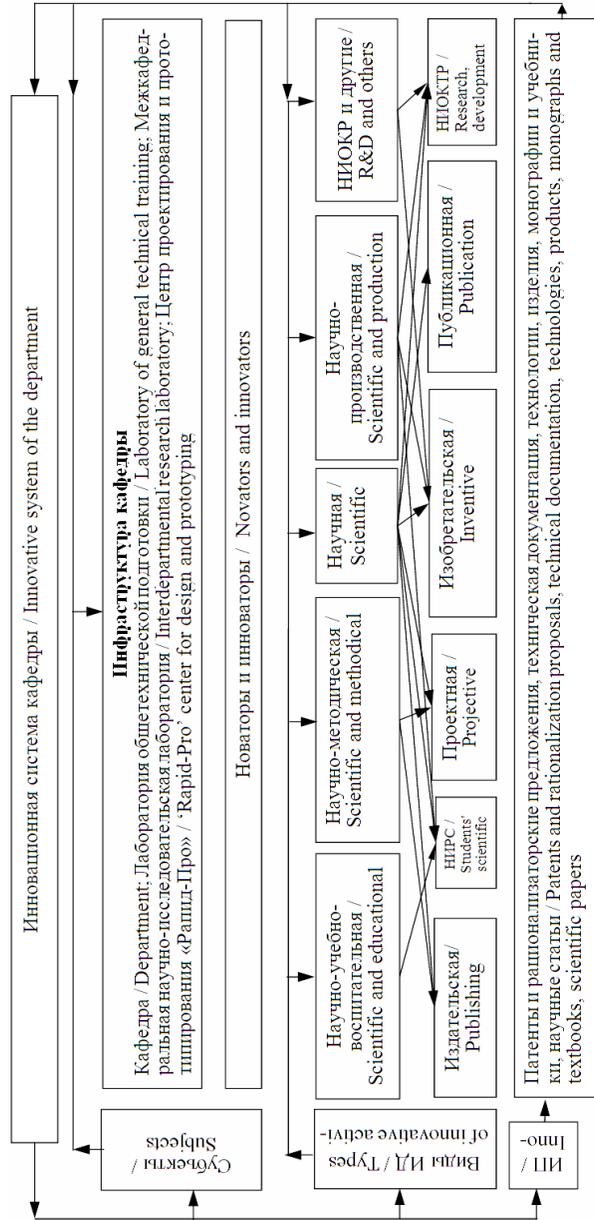
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарева» – один из ведущих научных центров Российской Федерации, в котором научные исследования ведутся

по 22 отраслям наук, по 7 (из 8) приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники Российской Федерации. В вузе сложились и развиваются 33 научно-педагогические школы. С целью интеграции научного, образовательного и производственного процессов в университете сформирована современная система научно-исследовательских, инновационных и внедренческих структур: функционируют 127 научно-исследовательских лабораторий и центров, в том числе 5 центров коллективного пользования, а также центр трансфера технологий, центр молодежного инновационного творчества, 7 молодежных инновационных центров, 10 студенческих конструкторских бюро. Университетом обеспечивается многоканальность финансирования научных исследований. Вуз является лидером ряда государственных и региональных научно-технических программ, что позволяет реализовывать полный инновационный цикл при создании научно-технических и образовательных продуктов. МГУ им. Н. П. Огарева – участник 12 технологических платформ, он служит базовой научной площадкой для реализации ключевых проектов в рамках инновационных территориальных кластеров «Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением» и «Волоконная оптика и оптоэлектроника», является резидентом АУ «Технопарк-Мордовия».

Университет, развивая свою инновационную подсистему, активно включает в хозяйственный оборот объекты интеллектуальной собственности. Вуз имеет более 150 поддерживаемых патентов, ежегодно получает более 60 охранных документов на объекты интеллектуальной собственности. В целях коммерциализации разработок ученых университета заключено более 30 лицензионных договоров. Инновационный пояс университета насчитывает 25 малых инновационных предприятий.

Основным структурным элементом подсистемы вуза, безусловно, является университетская кафедра. Докажем это утверждение на примере кафедры «Основы конструирования механизмов и машин».

Кафедра была создана в апреле 1999 г. для усиления общетехнической и инновационной подготовки студентов инженерных направлений университета. Ее инновационная подсистема сегодня имеет развитую эффективно функционирующую структуру, включающую субъектов – новаторов, инноваторов и инфраструктуру (см. рис. 2.), направленную на реализацию ИД преподавателей и научных сотрудников кафедры совместно со студентами с целью получения инновационных продуктов как объектов системы. Рассмотрим эти обстоятельства подробнее. Педагогическая деятельность во всех своих видах (учебно-методическая, обучающая, воспитательная, научно-исследовательская, опытно-конструкторская) изначально творческая, а значит продуктивная, порождающая новации и, в результате их введения в педагогический или производ-

Р и с. 2. Иновационная система кафедры основ конструирования механизмов и машин
 Fig. 2. Innovative system of the Department of the fundamentals of designing mechanisms and machines

ственный процесс, инновации. Однако для этого необходима соответствующая образовательная среда и соответствующие условия, поэтому особое внимание на кафедре уделяется развитию ее инфраструктуры.

Как видно из рисунка 2, в инфраструктуру кафедры входят такие ее субъекты, как: а) виртуальные секторы (реализации ФГОС ВО, проектирования новых технологий, педагогических инноваций, управления ИИД); б) учебная лаборатория общетехнической и инновационной подготовки, включающая 4 сектора (теории механизмов и машин, деталей машин и основ конструирования, прикладной механики, основ инновационной инженерной деятельности); в) межкафедральная научно-исследовательская лаборатория экспериментально-имитационного моделирования машинных технологий в сельском хозяйстве с секторами (синтеза новых технических решений, проектирования новых машин и узлов, изготовления опытных образцов сельскохозяйственной техники и узлов, испытания новой техники); г) центр проектирования и быстрого прототипирования «Рapid-Про», также имеющий секторальную структуру (моделирования и прототипирования, опытного производства, создания ТСО, обучения АТ и ФПК). Кроме того, на кафедре также успешно функционируют студенческое конструкторское бюро «Магистр» и студенческий научный кружок «Механик».

В рамках этих подразделений реализуется научная инновационная деятельность: 1) разработка научно-методических основ формирования у студентов компетентности в инновационной инженерной деятельности; 2) повышение функционирования самоходных малогабаритных почвообрабатывающих фрез (СМПФ); 3) расширение области использования и разработка новых аддитивных технологий. Их результатами становятся материальные, нематериальные и одушевленные инновационные продукты (см. рис. 2).

Для подтверждения эффективности функционирования представленной кафедральной инновационной подсистемы перечислим основные количественные и качественные показатели ИИД кафедры за последние 5 лет.

В области реализации грантов, научных конкурсов и НИР отметим следующие реализованные и реализуемые кафедрой мероприятия: а) грант программы конкурсного отбора одно- и двухлетних проектов по разработке и реализации программ развития студенческих конструкторских бюро и аналогичных общественных объединений студентов в рамках мероприятия 2.4. ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», утвержденной постановлением правительства Российской Федерации от 28 июля 2008 г. № 568; б) госбюджетные исследования при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках государственного задания (НИР 53/18-12 «Формирование у студентов национальных исследовательских университетов компетент-

ности в инновационной инженерной деятельности на основе погружения в инженерное творчество»; в) НИР «Реализация научно-методических подходов к инновационной подготовке студентов НИУ при обучении в научно-исследовательской среде»; г) грант РФФИ проект 18-013-00342 А «Обоснование методологического и научно-методического обеспечения формирования у студентов технических университетов компетентности в инновационной инженерной деятельности на основе многоуровневой интеграции основных компонентов инженерной подготовки» (на общую сумму 9 млн руб.).

Среди полученных на кафедре инновационных продуктов выделим: 1) патенты на изобретения, полезные модели, свидетельства на электронные программы (15 шт.); 2) рационализаторские предложения (9 шт.); 3) спроектированные и изготовленные опытные образцы самоходных почвообрабатывающих фрез (СМПФ – 6 шт.); 4) разработанные технологии проектирования и испытания СМПФ (6 шт.); 5) созданные и реализованные методические системы обучения ИИД (6 шт.); 6) разработанные новые педагогические технологии (деловые игры, обучения АТ, обучения в летних научных школах и др., – 12 шт.); 7) разработанные образовательные программы новых дисциплин для обучения ИИД и дополнительного образования (12 шт.); 8) изданные учебники (15 шт.) и учебные пособия (30 шт.) с грифом УМО; 9) подготовленные студенты – лауреаты премии Президента РФ (12 чел.); 10) подготовленные студенты – победители и призеры всероссийских и международных студенческих олимпиад (30 чел.); 11) количество ученых из сторонних организаций, подготовленных по программам ФПК (150 чел.) и др.

Таким образом, научно обоснованная и рационально выстроенная инновационная система университетской кафедры с инновационно-ориентированной инфраструктурой обеспечивает достойный вклад в развитие выше стоящих по иерархии инновационных систем.

Обсуждение и заключение. В результате выполненного исследования проведен анализ известных работ по рассматриваемой проблеме, позволивший выявить уровень состояния проблемы влияния развития инновационной системы на развитие экономики страны, региона, учреждения, подразделения.

Конкретизированы такие понятия, как национальная и региональная инновационные системы, а также образующие их субъекты, объекты и инфраструктура; описаны их состав, содержание, структура и уточнены определения. Показано, что основными инновациями, производимыми в результате инновационной деятельности, являются неодушевленные (материальные и нематериальные) и одушевленные инновационные продукты.

Использование в работе заявленных системного, субстратного и структурированного научных подходов позволило выстроить иерархию

инновационных надсистем, систем и подсистем, начиная от системы университетской кафедры (на примере кафедры основ конструирования механизмов и машин ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарева») до национальной инновационной системы страны. Исследована их структурная модель во взаимосвязи и взаимовлиянии с указанием всех основных элементов системы.

Разработана инновационная система кафедры основ конструирования механизмов и машин ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарева», представленная ее структурной моделью с указанием ее субъектов – новаторов, инноваторов, инфраструктуры, реализуемых видов инновационной деятельности, с указанием связей между объектами инфраструктуры и обратной связью между ее элементами. Эффективность ее функционирования подтверждена качественными и количественными показателями.

Практическая значимость представленного материала определяется прежде всего демонстрацией яркого примера того, как инновационная система каждого ее отдельного подразделения, в данном случае университетской кафедры, определяет в целом эффективность инновационной системы предприятия, организации, региона и страны, а также тем выявленным обстоятельством, что развитая инновационная система отдельной кафедры, являясь своеобразным субстратом НИС, в интеграции с другими подразделениями университета и региона в состоянии решать задачи получения инновационных продуктов в масштабах не только университета, региона, но и страны, обеспечивая в целом высокую эффективность функционирования НИС.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Разработка педагогической модели подготовки студентов национальных исследовательских университетов к инновационной деятельности при комплексном обучении этой деятельности / Е. А. Бобровская [и др.] // Интеграция образования. 2015. Т. 19, № 2. С. 39–47. DOI: <https://www.doi.org/10.15507/Inted.079.019.201502.039>

2. Грошева Е. П., Наумкин Н. И., Шекшаева Н. Н. Образованный компетентный в инновационной деятельности выпускник как главный инновационный продукт вуза // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=26499> (дата обращения: 21.04.2018).

3. Проектирование содержательного компонента встраиваемого модуля практической подготовки студентов к инновационной деятельности / Н. И. Наумкин [и др.] // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 4. С. 68–71. URL: http://izvestia.vspu.ac.ru/izvestia_2017_v277_N4.html (дата обращения: 21.04.2018).

4. Особенности проектирования методики формирования инновационной компетентности на основе использования встраиваемого модуля / Н. И. Наумкин

[и др.] // Интеграция образования. 2016. Т. 20, № 4. С. 493–506. DOI: <https://www.doi.org/10.15507/1991-9468.085.020.201604.493-506>

5. Агранович Б. Л., Чучалин А. И., Соловьев М. А. Инновационное инженерное образование // Инженерное образование. 2003. № 1. С. 11–14. URL: <http://www.ac-raee.ru/ru/magazine1.htm> (дата обращения: 21.04.2018).

6. Корпоративная инновационная система высшей школы и национальная инновационная система России / А. А. Харин [и др.] // Инновации. 2010. № 10. С. 10–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-innovatsionnaya-sistema-vysshey-shkoly-i-natsionalnaya-innovatsionnaya-sistema-rossii> (дата обращения: 21.04.2018).

7. Hlaváček P. Use of innovation vouchers for the regional innovation environment development // Economic Annals-XXI. 2017. Vol. 166, issue 7-8. Pp. 91–95. DOI: <https://www.doi.org/10.21003/ea.V166-18>

8. Ciriaci D. Intangible resources: the relevance of training for European firms' innovative performance // Economia Politica. 2017. Vol. 34, issue 1. Pp 31–54. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40888-016-0049-8>

9. Mavroeidis V., Tarnawska K. J. Toward a new innovation management standard. Incorporation of the knowledge triangle concept and quadruple innovation helix model into innovation management standard // Journal of the Knowledge Economy. 2017. Vol. 8, issue 2. Pp 653–671. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13132-016-0414-4>

10. Scuotto V., Shukla S. J. Being innovator or 'imovator': Current dilemma? // Journal of the Knowledge Economy. 2018. Vol. 9, issue 1. Pp 212–227. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13132-015-0336-6>

11. Полутин С. В., Седлецкий А. В. Анализ инновационного потенциала региона // Регионология. 2010. № 2. С. 110–117. URL: https://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2010_2.pdf (дата обращения: 21.04.2018).

12. Полутин С. В., Седлецкий А. В. Влияние научно-технического прогресса на современное общество: региональный аспект // Регионология. 2013. № 1. С. 61–70. URL: https://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2013_1.pdf (дата обращения: 21.04.2018).

13. Полутин С. В., Седлецкий А. В. Предпосылки формирования инновационного поведения в современном обществе: региональный аспект // Регионология. 2015. № 2. С. 127–137. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1381> (дата обращения: 21.04.2018).

14. Ушкин С. Г., Максимова Л. Ю., Иншаков В. А. Современное состояние научно-инновационной сферы региона: мнения экспертного сообщества // Регионология. 2015. № 2. С. 108–118. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1381> (дата обращения: 21.04.2018).

15. Полонский В. М. Инновации в образовании (методологический анализ) // Инновации в образовании. 2007. № 2. С. 4–14. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12794052> (дата обращения: 21.04.2018).

16. Practical training in innovative engineering activity / N. I. Naumkin [et al.] // Indian Journal of Science and Technology. 2015. Vol. 8, special issue 10. DOI: [https://doi.org/10.17485/ijst/2015/v8is\(10\)/84855](https://doi.org/10.17485/ijst/2015/v8is(10)/84855)

17. Структуризация компетентности в инновационной инженерной деятельности и интеграция ее компонентов / Н. И. Наумкин [и др.] // Интеграция образования. 2014. № 3. С. 25–32. DOI: <https://doi.org/10.15507/Inted.076.018.201403.025>

18. Скобякова И. Инновационное развитие экономики России // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2007. № 5. С. 17–21. URL: <http://suprpressa.ru> (дата обращения: 21.04.2018).

Поступила 11.06.2018; принята к публикации 03.07.2018; опубликована онлайн 28.09.2018.

Об авторах:

Наумкин Николай Иванович, заведующий кафедрой основ конструирования механизмов и машин ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат технических наук, доктор педагогических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1109-5370>, Researcher ID: L-4643-2018, naumn@yandex.ru

Грошева Елена Петровна, доцент кафедры основ конструирования механизмов и машин ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат педагогических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4654-4869>, gvmbio@mail.ru

Шекшаева Наталья Николаевна, доцент кафедры основ конструирования механизмов и машин ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат педагогических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6072-9501>, Researcher ID: N-6441-2016, shekshaeva@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Наумкин Николай Иванович – научное руководство; подготовка начального варианта текста статьи; окончательная доработка текста статьи.

Грошева Елена Петровна – проведение критического анализа материалов.

Шекшаева Наталья Николаевна – поиск аналитических материалов; редактирование начального проекта.

Для цитирования: Наумкин Н. И., Грошева Е. П., Шекшаева Н. Н. Исследование инновационной подсистемы университетской кафедры как субстрата региональной инновационной системы // Регионология. 2018. Т. 26, № 3. С. 474–493. DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.474-493

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bobrovskaya E.A., Naumkin N.I., Kupryashkin V.F., Shekshayeva N.N. Development of pedagogical model of training students in innovative activity at the national research universities practicing comprehensive teaching of this activity. *Integratsiya obrazovaniya* = Integration of Education. 2015; 19(2):39-47. (In Russ.) DOI: 10.15507/Inted.079.019.201502.039

2. Grosheva E.P., Naumkin N.I., Shekshaeva N.N. Educated graduate-competent in innovation as the main innovative product of the university. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern problems of science and education. 2017; 3.

Available at: <http://www.science-education.ru/article/view?id=26499> (accessed 21.04.2018). (In Russ.)

3. Naumkin N.I., Kondratieva G.A., Kotin A.V., Kilmyashkin E.A. Designing of the content component of built-in modules of practical training of students for innovative activities. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Izvestia VGPU. 2017; 4:68-71. Available at: http://izvestia.vspu.ac.ru/izvestia_2017_v277_N4.html (accessed 21.04.2018). (In Russ.)

4. Naumkin N.I., Grosheva E.P., Kondratyeva G.A., Panyushkina E.N., Kupryashkin V.F. Specifics of elaborating methodology to teach innovative competence using embeddable module. *Integratsiya obrazovaniya* = Integration of Education. 2016; 20(4):493-506. (In Russ.) DOI: 10.15507/1991-9468.085.020.201604.493-506

5. Agranovich B.L., Chuchalin A.I., Solovyev M.A. [Innovative Engineering Education]. *Inzhenernoye obrazovaniye* = Engineering Education. 2003; 1:11-14. Available at: <http://www.ac-raee.ru/ru/magazine1.htm> (accessed 21.04.2018). (In Russ.)

6. Kharin A.A., Rozhdestvenskiy A.V., Kolenskiy I.L., Zaraiskaja I.M. Corporate innovative system of the higher school and national innovative system of Russia. *Innovatsii* = Innovations. 2010; 10:10-18. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-innovatsionnaya-sistema-vysshey-shkoly-i-natsionalnaya-innovatsionnaya-sistema-rossii> (accessed 21.04.2018). (In Russ.)

7. Hlaváček P. Use of innovation vouchers for the regional innovation environment development. *Economic Annals-XXI*. 2017; 166(7-8):91-95, DOI: <https://www.doi.org/10.21003/ea.V166-18>

8. Ciriaci D. Intangible resources: the relevance of training for European firms' innovative performance. *Economia Politica*. 2017; 34(1):31-54. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40888-016-0049-8>

9. Mavroeidis V., Tarnawska K.J. Toward a New Innovation Management Standard. Incorporation of the Knowledge Triangle Concept and Quadruple Innovation Helix Model into Innovation Management Standard. *Journal of the Knowledge Economy*. 2017; 8(2):653-671. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13132-016-0414-4>

10. Scuotto V., Shukla S. J. Being Innovator or 'Imovator': Current Dilemma? *Journal of the Knowledge Economy*. 2018; 9(1):212-227. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13132-015-0336-6>

11. Polutin S.V., Sedletskiy A.V. [Analysis of the innovative potential of a region]. *Regionologiya* = Regionology. 2010; 2:110-117. Available at: https://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2010_2.pdf (accessed 21.04.2018). (In Russ.)

12. Polutin S.V., Sedletskiy A.V. [Influence of the scientific and technical progress on modern society: the regional aspect]. *Regionologiya* = Regionology. 2013; 1:61-70. Available at: https://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2013_1.pdf (accessed 21.04.2018). (In Russ.)

13. Polutin S.V., Sedletskiy A.V. Prerequisites of formation of innovative behavior in modern society: The regional aspect. *Regionologiya* = Regionology. 2015. 2:127-137. Available at: https://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2015_2.pdf (accessed 21.04.2018). (In Russ.)

14. Ushkin S.G., Maksimova L.Yu., Inshakov V.A. Modern State of the Science and Innovation Sector of a Region: Opinions of the Expert Community. *Regionologiya* =

Regionology. 2015; 2:108-118. Available at: <http://regionsar.ru/ru/node/1381> (accessed 21.04.2018). (In Russ.)

15. Polonskiy V.M. [Innovations in education (methodological analysis)]. *Innovatsii v obrazovanii* = Innovations in education. 2007; 2:4-14. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12794052> (accessed 21.04.2018). (In Russ.)

16. Naumkin N.I., Shabanov G.I., Shekshaeva N.N., Kupryashkin V.F., Grocheva E.P. Practical training in innovative engineering activity. *Indian Journal of Science and Technology*. 2015; 8(10). DOI: [https://doi.org/10.17485/ijst/2015/v8is\(10\)/84855](https://doi.org/10.17485/ijst/2015/v8is(10)/84855)

17. Naumkin N.I., Grosheva E.P., Shekshaeva N.N., Kupryashkin V.F. Structuring competence in innovative engineering activities and integrating its components. *Integratsiya obrazovaniya* = Integration of Education. 2014; 3:25-32. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15507/Inted.076.018.201403.025>

18. Skobyakova I. [Innovative development of Russian economy]. *Intellektualnaya sobstvennost. Promyshlennaya sobstvennost'* = Intellectual property. Industrial property. 2007; 5:17-21. Available at: <http://superpressa.ru> (accessed 21.04.2018). (In Russ.)

Submitted 11.06.2018; accepted for publication 03.07.2018; published online 28.09.2018.

About the authors:

Nikolai I. Naumkin, Head of the Department of the Fundamentals of Designing Mechanisms and Machines, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Engineering), Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1109-5370>, Researcher ID: L-4643-2018, naumn@yandex.ru

Elena P. Grosheva, Associate Professor, Department of the Fundamentals of Designing Mechanisms and Machines, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Pedagogy), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4654-4859>, gvmbio@mail.ru

Natalia N. Shekshaeva, Associate Professor, Department of the Fundamentals of Designing Mechanisms and Machines, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Pedagogy), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6072-9501>, Researcher ID: N-6441-2016, shekshaeva@yandex.ru

Contribution of the authors:

Nikolai I. Naumkin – scientific supervision; preparation of the initial draft of the text of the article; finalization of the text of the article.

Elena P. Grosheva – conducting a critical analysis of the materials.

Natalia N. Shekshaeva – search for analytical materials; revision of the initial project.

For citation:

Naumkin N.I., Grosheva E.P., Shekshaeva N.N. Research on the Innovative Subsystem of the University Department as a Substratum of the Regional Innovative System. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 26(3):474-493. DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.474-493

All the authors have read and approved the final version of the manuscript.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ / ECONOMIC SOCIOLOGY AND DEMOGRAPHY

УДК 314.145(470+571)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.494-511

ISSN 2413-1407 (Online)

Влияние демографической политики на показатели рождаемости в Российской Федерации и Республике Татарстан

А. Ф. Валидова

*Центр семьи и демографии Академии наук
Республики Татарстан (г. Казань, Россия),
avalidova@gmail.com*

Введение. Поиск решения проблемы обеспечения демографического роста относится к наиболее актуальным вопросам государственной политики. В 2007 г. демографическая политика России пополнилась новыми мерами по стимулированию рождаемости. Целью настоящей статьи является анализ эффективности программ демографической политики, нацеленных на поддержку семей и рождаемости, т. е. имеющих пронаталистские цели на примере Российской Федерации и Республики Татарстан.

Материалы и методы. Для определения степени воздействия мер по стимулированию рождаемости используется метод регрессионного анализа с построением временных рядов по возрастным показателям рождаемости по каждой возрастной группе.

Результаты исследования. Полученные данные показали, что устойчивая тенденция повышения коэффициента суммарной рождаемости в России и Татарстане начиная с 2007 г. практически полностью связана с рассматриваемыми мерами, тогда как число рождений зависит от многих других факторов. По результатам исследования было выявлено, что масштаб влияния мер по повышению рождаемости в Республике Татарстан несколько выше, чем по России в целом.

Обсуждение и заключения. Меры государственной поддержки снижают издержки, связанные с рождением ребенка, и могут поощрять женщин к рождению детей, что подтверждает гипотезу о положительном воздействии государственной политики на рождаемость. Для более точной оценки результативности мер демографической политики целесообразно учитывать изменение социально-экономических условий жизнедеятельности в регионе, а также последствия тех мер демографической политики, которые реализовывались ранее или продолжают

© Валидова А. Ф., 2018

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted reuse, distribution, and reproduction in any medium provided the original work is properly cited.

действовать. Результаты исследования обладают практической значимостью и могут быть использованы при разработке демографической политики в стране и регионе.

Ключевые слова: демографическая политика, рождаемость, репродуктивное поведение, программы по повышению рождаемости, семейная политика, демографический анализ региона

Impact of the Demographic Policy on Birth Rates in the Russian Federation and the Republic of Tatarstan

A. F. Validova

*Family and Demography Center, Tatarstan Academy
of Science (Kazan, Russia),
avalidova@gmail.com*

Introduction. The solution to the problem of ensuring demographic growth is one of the most pressing issues of the state policy. In 2007, Russia's demographic policy was supplemented by new measures to stimulate the birth rate. The objective of this paper is to analyze the effectiveness of the demographic policy programs aimed at supporting families and natality using the case studies of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan.

Materials and Methods. To identify the impact of measures to stimulate the birth rate, the method of regression analysis was used; time series based on age-specific birth rates for each age group were presented.

Results. The data obtained showed that the steady trend of increasing the total fertility rate in Russia and Tatarstan since 2007 was almost completely related to the measures under consideration, whereas the number of births was affected by many other factors. According to the results of the study, the impact of measures to increase the birth rate in the Republic of Tatarstan is slightly higher than in Russia as a whole.

Discussion and Conclusions. State support measures reduce the costs associated with the birth of a child and can encourage women to have children, which confirms the hypothesis of the positive impact of the state fertility policy. For a more accurate assessment of the effectiveness of the demographic policy measures, it is advisable to take into account the changing social and economic conditions of life in a region, as well as the consequences of the earlier or present-day demographic policy measures. The results of the study are of practical importance and may be used in the development of demographic policies in the country and in the region.

Keywords: demographic policy, birth rate, reproductive behavior, fertility programs, family policy, demographic analysis of a region

Введение. Среди долгосрочных факторов устойчивого развития экономики страны и региона на первое место выходит человеческий капитал. Существующие в стране институты и реализуемая государственная политика должны быть направлены на формирование и накопление человеческого капитала, который востребован экономикой и может успешно функционировать.

В связи с этим наиболее актуальным является изучение демографического положения в России и регионах. Важнейшей задачей в области социально-демографической политики Российской Федерации – страны с низким уровнем рождаемости – на сегодняшний день становится поддержание демографического роста.

В последние два десятилетия вопрос эффективности демографической политики является особенно важным для России, что связано с неизбежностью старения населения и быстрого роста нагрузки на трудоспособное население, уменьшением количества молодежи и численности женщин, находящихся на пике фертильности. Снижение уровня рождаемости в России, как и во многих странах Европы, определяется действием целого ряда социально-экономических факторов: появлением возможности карьерного роста для женщин, возможностью свободы выбора в вопросах репродуктивного поведения, профессиональной занятости в экономике. Желание иметь нескольких детей и занятость на рынке труда для женщины выступают альтернативными стратегиями.

Государство играет значительную роль в формировании репродуктивного поведения семей, создавая систему стимулов и сдерживающих факторов для реализации репродуктивных планов. В настоящее время основной акцент российской политики по повышению рождаемости сделан на создании стимулов для рождения и воспитания второго ребенка. Целью настоящей работы является определение степени влияния данной политики на изменение показателей рождаемости в стране и регионе. Приносит ли действующая политика ожидаемые результаты? Адекватны ли существующие меры поддержки семей с детьми в условиях социально-экономической ситуации современной России? Повлияли ли новые меры по стимулированию рождаемости на принятие решения о рождении детей? Ответам на эти вопросы посвящена данная статья в рамках научно-исследовательского проекта Центра семьи и демографии «Демографическая устойчивость Республики Татарстан: вызовы, риски, решения, 2017–2020».

Обзор литературы. На сегодняшний день в научной литературе не существует консенсуса по поводу степени влияния семейной политики на репродуктивно-родительские стратегии современных женщин. Согласно неоклассической экономической теории фертильности, основоположником которой является Г. Беккер, решения о рождении ребенка принимаются в процессе анализа выгод и издержек в условиях ограниченного дохода¹. Исходя из экономической теории репродуктивного поведения,

¹ Becker G. S. A Treatise on the family. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1981. URL: <https://brunofvieira.files.wordpress.com/2012/12/gary-becker-a-treatise-on-the-family.pdf> (дата обращения: 03.02.2018).

снижение желаемого числа детей обусловлено увеличивающейся ценой времени женщины. Рост косвенных затрат, связанных с рождением ребенка, и конкуренция этого события с другими этапами жизненного цикла нередко сдвигают вступление в родительство к более поздним срокам и могут приводить к снижению числа детей в целом².

Развивая данную модель, Г. Беккер и Г. Льюис ввели понятие качественного компонента и пришли к выводу, что увеличение располагаемого дохода семьи повышает либо количество детей, либо так называемое качество детей (имеются в виду большие затраты на ребенка)³. А. Готье и Й. Хатциус создали модель, в которой «спрос на детей» (т. е. желание заводить детей) повышается со снижением затрат на ребенка (в результате получения государственных субсидий) или же с увеличением располагаемого дохода (после получения пособий и выплат на ребенка) [1].

Теория рационального выбора, ставшая ключевой концепцией, объясняющей связь государственной политики по стимулированию рождаемости с репродуктивным поведением населения, базируется на двух предположениях: 1) индивидум владеет полным объемом информации об издержках и выгодах того или иного демографического поведения; 2) решение о браке, разводе, намерении иметь детей является экономически рациональным⁴. Данный подход, по мнению критиков модели, сильно упрощает реальность и игнорирует тот факт, что, во-первых, семьи не обладают полной информацией о выгодах и затратах, связанных с рождением ребенка; во-вторых, существуют другие факторы, влияющие на принятие решения родить ребенка (социальные нормы, личное отношение к деторождению, разное восприятие семейных ценностей) [2].

Таким образом, ряд теоретических и прикладных исследований говорит в пользу результативности финансовых мер по поддержке рождаемости, снижающих «альтернативную стоимость» рождения и воспитания ребенка [3; 4]. Однако по результатам других эмпирических работ финансовые меры поддержки семей с детьми не столь эффективны [5–7]. Некоторые авторы приходят к выводам, что влияние мер государственной политики приводит не столько к увеличению общего количества детей, сколько стимулирует более раннее планирование детей [8].

Модели рождаемости, разработанные для развитых стран, могут быть применимы для России и протестированы на российских данных, поскольку

² Blake J. Are babies consumer durables? A critique of the economic theory of reproductive motivation // Population Studies. 1968. Vol. 22. Pp. 5–25. DOI: <https://doi.org/10.2307/2173350>

³ Becker G. S., Lewis H. G. On the interaction between the quantity and quality of children // Journal of Political Economy. 1973. Vol. 81, no. 2. Pp. S279–S288. URL: https://www.jstor.org/stable/1840425?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 03.02.2018).

⁴ Cigno A. Economics of the family. Oxford, England : Clarendon Press, 1991. URL: <https://www.amazon.com/Economics-Family-Alessandro-Cigno/dp/0198287097> (дата обращения: 03.02.2018).

многие изменения в сфере рождаемости в нашей стране совпадают с теми, что происходят на Западе [9; 10]. Прогнозы и планы в области рождаемости в России схожи с общемировыми, однако имеют свою специфику. Немаловажен и тот факт, что в России демографический переход произошел в гораздо более короткие сроки и гендерный разрыв практически не изменился. В связи с этим особый интерес представляют прикладные исследования, сделанные по бывшим социалистическим странам (странам Восточной Европы) ввиду схожести социально-демографической ситуации постсоветских государств [11]. В странах бывшего социалистического блока на снижение рождаемости, кроме демографических причин, повлияли также социально-экономические, культурные и политические изменения, вызванные сменой уклада. В период экономической нестабильности финансовые меры поддержки семей с детьми утратили свою эффективность. В исследовании Т. Фрейки и С. Гетель-Бастена был впервые предложен систематический анализ семейной политики стран Центральной и Восточной Европы и выделены ее различные типы. Основным выводом работы указывается на недостаточную эффективность проводимых мер [12]. Семейную политику России авторы отнесли к категории пронаталистской, опирающейся на материальные стимулы. Другие работы по политике борьбы с низкой рождаемостью в посткоммунистических странах, напротив, говорят о некоторых положительных результатах [13]. Венгерские ученые определили, что различные меры по поддержке семей оказали влияние на разные категории женщин в Венгрии: увеличение оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком в большей степени повлияло на менее образованных женщин, тогда как на повышение налоговых вычетов на детей откликнулись женщины с высшим образованием [14].

Говоря об исследованиях демографической и семейной политики в современной России, хотелось бы отметить, что публикации в основном касаются общего круга вопросов естественного движения населения и поддержания демографического роста, прикладные работы по эффективности политики рождаемости немногочисленны⁵ [15; 16].

Российские исследования также неоднозначно оценивают результаты пронаталистских мер 2007 г. В. Елизаров и В. Левин приходят к заключению, что среди факторов, влияющих на репродуктивное поведение женщины, основными являются доход, гарантия занятости и доступ к услугам по уходу за детьми⁶. Нехватка детских дошкольных учрежде-

ний в России и низкое качество предоставляемых услуг препятствуют раннему выходу женщин на рынок труда после рождения ребенка⁷.

Л. Н. Овчарова в одной из своих работ оценивает стоимость и структуру «детского» пакета, предоставляемого государством родителям и детям, для наиболее типичных семей с детьми⁸. Автор приходит к выводу, что главный компонент «детского» пакета – страховые пособия по беременности и родам или по уходу за ребенком до достижения им 1,5 лет – положительно сказывается на доходах семьи сразу после рождения ребенка и в течение отпуска по уходу за ребенком. Однако в последствие семьи остаются без значимой поддержки со стороны государства. Указывая на недостаточное стимулирование рождений с помощью системы денежных пособий, Л. В. Овчарова тем не менее показывает, что в результате реформ 2007 г. семьям с детьми удалось повысить свое благосостояние. Это можно считать положительным сдвигом в семейной политике. Данная стратегия контрастирует с практически полным отсутствием системы социальной политики, которая могла бы мотивировать семьи на рождение детей.

Анализу результативности новой демографической политики посвящены исследования В. Н. Архангельского. Российский ученый проводит региональные сравнения результативности комплекса мер в области рождаемости, реализуемых с 2007 г. Для оценки вклада мер демографической политики и ее результативности автор использует динамику суммарных коэффициентов рождаемости и приходит к выводу, что меры демографической политики внесли в прирост рождаемости гораздо больший вклад, чем действия других возможных факторов⁹. Другие российские исследования более пессимистично оценивают результаты государственной политики: по мнению некоторых авторов, политика не привела к увеличению количества рождений, а лишь ускорила претворение в жизнь уже имеющихся репродуктивных планов семей, в то время как фертильность когорты осталась примерно на прежнем уровне [17; 18].

Материалы и методы. 2006–2007 гг. стали поворотными в государственной семейной и демографической политике России. Приоритетным направлением новой политики в области поддержки демографического роста явилось стимулирование вторых рождений. Данный факт связан со сложившейся

⁷ Синявская О. В., Сухова А. С. Институциональные услуги по уходу за детьми: неравенства в доступе // *Семья в центре социально-демографической политики* : сб. аналит. ст. М., 2009. С. 73–96.

⁸ Овчарова Л. Н. Детерминанты репродуктивного поведения населения и факторы семейного неблагополучия: результаты панельных исследований // *Научные доклады: независимый экономический анализ*. М., 2010. № 211.

⁹ Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Рыбаковский Л. Л. Результативность демографической политики России. М. : Экон-Информ, 2016. 307 с; Архангельский В. Н. Мнения о «помехах» к рождению детей в семье и о действительных трудностях реализации желаемого числа детей // *Демографические исследования*. 2010. № 3.

в постсоветской России тенденцией доминирования семей с одним ребенком, что и является важной причиной низкой рождаемости. В период с 1990 по 2005 г. Россия была на одном из последних мест по уровню естественного прироста населения (хуже ситуация наблюдалась только в Болгарии, Латвии и Украине). Введение в действие новой семейной и демографической политики в 2007 г. привело к значительному росту рождаемости, особенно заметному в первые два года после проведения реформы.

В рамках данной статьи автор задается целью проанализировать результативность действующей с 2007 г. семейной и демографической политики как в Российской Федерации в целом, так и на примере одного из регионов – Республики Татарстан. Общая численность населения в Республике Татарстан на начало 2017 г. составила 3 885 тыс. чел., среди них людей в трудоспособном возрасте насчитывалось 2 202 тыс. чел., т. е. 56 % от всего населения. Коэффициент демографической нагрузки на трудоспособное население по республике на сегодняшний день составляет 764,43 (лиц нетрудоспособного возраста на 1 000 жителей трудоспособного возраста), особенно высоким является демографическая нагрузка пожилыми людьми (428,3). В целом Республика Татарстан относится к регионам с более благоприятной демографической ситуацией, нежели в среднем по России. Так, суммарный коэффициент рождаемости в Республике Татарстан в 2015 г. составил 1,86, т. е. приблизился к уровню, необходимому для простого воспроизводства населения (табл. 1).

Для проведения демографического анализа нами будут использованы как абсолютные (число рождений), так и относительные показатели демографических событий. Последние рассчитываются как отношение демографических событий к общей численности населения. Известно, что на общие коэффициенты рождаемости оказывают влияние такие факторы, как половозрастной состав населения, брачное состояние и др. В связи с этим для характеристики интенсивности деторождения нами рассматриваются по возрастные демографические коэффициенты. В таблице 2 приведены возрастные коэффициенты рождаемости в Республике Татарстан на 2006 и 2015 гг. Выбор данного периода объясняется тем, что 2006 г. демонстрирует ситуацию с рождаемостью до введения мер демографической политики, а 2015 г. является последним годом, для которого имеются все статистические данные, необходимые для анализа влияния государственных мер.

Последним годом до введения новых мер был 2006 г., тогда прирост числа рождений по отношению к уровню 2000 г. составил 1,9 тыс. чел. За это же время суммарный коэффициент рождаемости в республике снизился на 0,041 (для сравнения по России этот показатель увеличился на 0,148).

Т а б л и ц а 1. Основные показатели рождаемости населения Республики Татарстан (2000–2015 гг.)

T a b l e 1. Main Birth Rates for the Population of the Republic of Tatarstan (2000–2015)

Годы / Years	Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей у одной женщины за всю жизнь) / Total fertility rate (the average number of children per woman in a lifetime)		Число рождений, тыс. чел. ¹⁰ / Number of births, thousand	
	Величина / Value	Прирост / Increase	Величина / Value	Прирост / Increase
2000	1,292		35,4	
2001	1,298	0,060	35,5	0,1
2002	1,366	0,068	37,9	2,4
2003	1,356	0,010	38,3	0,4
2004	1,343	-0,013	38,5	0,2
2005	1,263	-0,080	36,9	-1,6
2006	1,251	-0,12	37,3	0,4
2007	1,382	0,131	40,8	3,5
2008	1,479	0,097	44,3	3,5
2009	1,538	0,059	46,6	2,3
2010	1,601	0,063	48,8	2,2
2011	1,652	0,051	50,8	2,0
2012	1,796	0,144	55,4	4,6
2013	1,832	0,036	56,4	1,0
2014	1,844	0,012	56,5	0,1
2015	1,863	-0,019	56,6	0,1

¹⁰ Российский статистический ежегодник 2007. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b07_13/IssWWW.exe/Stg/d01/04-22.htm; Российский статистический ежегодник 2016. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_13/Main.htm (дата обращения: 13.03.2018).

Таблица 2. Возрастные показатели рождаемости в Республике Татарстан
Table 2. Age-specific Fertility Rates in the Republic of Tatarstan

Возраст / Age	Численность женщин в возрасте 15–49 лет, тыс. чел. ¹¹ / Number of women aged 15–49, thousand		Доля возрастных групп / Share of the age group		Возрастные коэффициенты рождаемости (среднее число деторождений за год на 1 000 женщин данного возраста) / Age-specific birth rates (average number of births per year per 1,000 women of this age)	
	2006	2015	2006	2015	2006	2015
15–19	168,37	92,18	0,16	0,09	19,4	16,1
20–24	156,07	120,08	0,14	0,12	83,9	85,9
25–29	140,24	173,87	0,13	0,18	82,5	131,0
30–34	131,88	156,39	0,12	0,16	47,3	91,1
35–39	126,75	140,14	0,12	0,14	18,7	43,5
40–44	156,20	131,11	0,14	0,13	3,1	9,4
45–49	170,38	125,61	0,16	0,13	0,1	0,5
Итого / Total	1 049,91	939,41	1	1		

В результате предпринятых государством новых мер по поддержке рождаемости населения в показателях рождаемости наблюдается положительная динамика: в 2015 г. по отношению к 2006 г. число рождений увеличилось на 15,8 тыс. чел., а суммарный коэффициент рождаемости по республике – на 0,481 (по России он снизился на 0,402) (рис. 1).

Начиная с 2007 г. наблюдается устойчивая тенденция повышения коэффициента суммарной рождаемости (см. рис. 1). Заметим, что рост данного показателя практически полностью связан с рассматриваемыми мерами, в отличие от показателя числа рождений, который зависит от многих факторов (численности репродуктивного контингента, структурных сдвигов и изменения возрастных показателей рождаемости).

Коэффициент суммарной рождаемости и возрастные показатели тесно связаны. Следовательно, важно определить вклад возрастных факторов в изменение коэффициента суммарной рождаемости.

¹¹ По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <http://tatstat.gks.ru> (дата обращения: 13.03.2018).

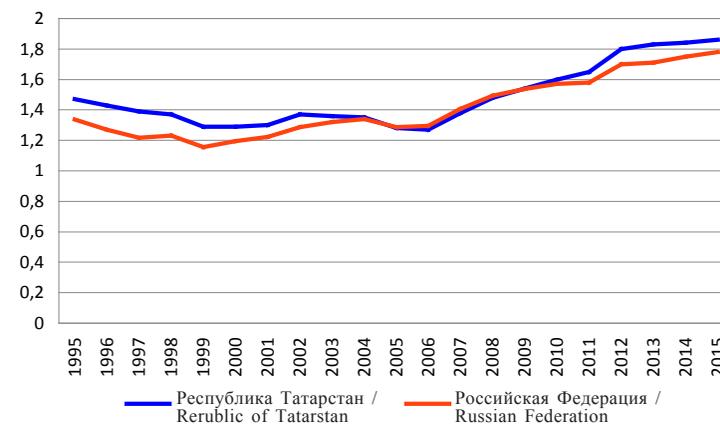

Рис. 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России и Татарстане
Fig. 1. Dynamics of the Total Fertility Rate in Russia and Tatarstan

Результаты исследования. Анализ, проведенный Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, показал, что наибольший вклад в рост коэффициента суммарной рождаемости внесли женщины в возрасте 25–44 лет. Их динамика в наибольшей степени коррелируется с динамикой суммарной рождаемости. Графики коэффициентов рождаемости возрастных категорий 15–19 и 20–24 лет не коррелируются с графиком суммарной рождаемости, так как рассматриваемые меры были направлены на второго и последующих детей и не захватили самые молодые возрастные группы. Графики суммарной рождаемости России и Татарстана очень схожи. В частности, показатели периода после 2006 г. позволяют сделать те же выводы для Республики Татарстан, что и для Российской Федерации.

Относительно оценки вклада мер государственной демографической политики в общее число рождений надо отметить, что в отличие от суммарного показателя рождаемости общее число рождений в значительной степени зависит от численности репродуктивного контингента, структурных сдвигов и изменения возрастных показателей рождаемости. Так, например, сравнение возрастных показателей рождаемости по Республике Татарстан указывает на смещение пика интенсивности рождений с возраста 20–24 лет, как это было в 2006 г., на возраст 25–29 лет в 2015 г., что связано в первую очередь с продолжающимся в настоящий период процессом «взросления материнства», характерным как для республики, так и в целом для России.

Для «очистки» прироста рождаемости от влияния вышеуказанных факторов сделаем прогноз возрастных показателей рождаемости с применением временных рядов для гипотетической ситуации отсутствия демографических мер. Как наиболее подходящий для применения линейного тренда нами взят период с 1999 по 2006 г. Прогноз носит интервальный характер. Интервал взят из таблицы распределения Стьюдента для вероятности равной 95 %, т. е. с данной вероятностью прогнозируемое значение находится в указанном интервале.

Трендовая функция будет иметь вид

$$y_t = a_0 + a_1 t,$$

где y_t – возрастные показатели рождаемости, t – порядковый номер года. Значение $t = 1$ будет соответствовать 1999 г., $t = 8$ – 2006 г.

Метод построения прогноза позволит определить, каково было бы ожидаемое количество рождений в 2015 г. в условиях отсутствия мер демографической политики.

Для расчета общей численности рождений при предположении, что демографические реформы не проводились, ожидаемое значение для каждой возрастной группы (значение тренда при $t = 17$ в таблице 3) умножим на численность женщин соответствующей возрастной группы в 2015 г. и просуммируем полученные значения. Таким образом, прогнозируемая численность рожденных составит 1 668,923 тыс. чел. (реальное число рождений в России в 2015 г. составило 1 914,7 тыс. чел.) Реальный рост числа рождений по отношению к 2006 г. составил 435,1 тыс. чел., а полученный прогнозируемый – 189,3 тыс. чел.

В таком случае разность между реальным и прогнозируемым приростом числа рождений с 2006 по 2015 г. составит «чистое влияние» демографических мер, которое равно 245,8 тыс. чел., т. е. 56,5 % от реального прироста численности рожденных.

Остальные 43,5 % прироста обусловлены другими факторами. Аналогичные вычисления для границ интервала дают большой разброс для крайних значений прогноза, что отчасти объясняется достаточно долгосрочным для данной ситуации прогнозом ($t = 17$ при длине временного ряда равной 8). Вычисления, проведенные нами на 2013 г. ($t = 15$), дают несколько иные результаты: чистое влияние демографических мер составило 46 % от реального прироста рождаемости по отношению к 2006 г. Полученные результаты интересно сравнить с выводами В. Н. Архангельского на тот же 2013 г. Так, вклад новых мер в прирост рождаемости с 2006 по 2013 г., по мнению ученого, составил свыше 56 %¹².

¹² Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Рыбаковский Л. Л. Результативность демографической политики России.

Таблица 3. Построение прогноза численности рождений в Российской Федерации и Республике Татарстан на 2015 г. для определения чистого эффекта демографических мер
Table 3. Predicted number of births in Russian Federation and Republic of Tatarstan for 2015 to estimate the contribution of the demographic policy

Возраст / Age	Численность женщин, тыс. чел. / Number of women, thousand	Тренд / Trend	Значение тренда для $t = 17$ / Trend value for $t = 17$	Прогнозируемое число рождений по трендовому значению, тыс. чел. / Projected number of births according to the trend value, thousand	Интервал прогноза / Interval of projection
<i>Российская Федерация / Russian Federation</i>					
15–19	3287,8	$27,90 - 0,02 \cdot t$	27,50	90 414,50	24,18–30,82
20–24	4137,3	$95,21 - 0,61 \cdot t$	84,83	350 967,15	70,05–99,61
25–29	6123,3	$63,77 + 2,24 \cdot t$	101,88	623 841,80	87,14–116,62
30–34	6116,5	$31,62 + 2,10 \cdot t$	67,47	412 680,25	58,60–76,34
35–39	5653,0	$9,81 + 1,16 \cdot t$	29,63	167 498,39	27,0–32,60
40–44	5282,3	$2,07 + 0,1 \cdot t$	4,28	22 608,24	4,04–4,52
45–49	4804,3	$0,08 + 0,01 \cdot t$	0,19	912,81	0–0,38
<i>Республика Татарстан / Republic of Tatarstan</i>					
15–19	92,18	$24,17 - 0,64 \cdot t$	13,18	1 215,81	9,89–16,47
20–24	120,08	$102,17 - 1,98 \cdot t$	68,51	8 227,34	53,3–83,74
25–29	173,87	$76,98 + 0,98 \cdot t$	93,75	16 301,23	81,4–106,03
30–34	156,39	$40,63 + 1,14 \cdot t$	60,08	9 396,03	50,09–69,28
35–39	140,14	$13,73 + 0,69 \cdot t$	25,60	3 587,94	21,37–29,83
40–44	131,11	$2,72 + 0,04 \cdot t$	3,48	457,08	2,59–4,23
45–49	125,61	0,1	0,1	12,56	0,1–0,1

Для определения степени воздействия мер по стимулированию рождаемости на уровне региона был использован тот же метод регрессионного анализа с построением временных рядов по возрастным показателям рождаемости по каждой возрастной группе. По аналогии с Российской Федерацией выбран временной период с 1999 по 2006 г. как наиболее подходящий для применения линейного тренда. В таблице 3 приведены также полученные значения для Республики Татарстан. Рост числа рождений, обусловленный проводимой политикой, составил 17,4 тыс. чел., вклад мер демографической политики на такой показатель, как число рождений, – 89,7 % (значение трендовой функции).

Это приближенные значения, вызванные вероятностным характером оценок, однако они все же позволяют сделать вывод, что масштаб влияния мер по повышению рождаемости в Республике Татарстан выше, чем по России в целом. Отличие масштаба влияния мер демографической политики на показатели рождаемости в Татарстане и России может быть обусловлено целым рядом других факторов: действием региональных программ, наличием благоприятных социально-экономических условий жизнедеятельности в регионе (уровень безработицы в Республике Татарстан один из самых низких в России), особенностями этнического и религиозного состава региона и другими факторами. В республике широко распространение получили целевые программы, направленные на решение социальных вопросов населения¹³.

В регионе реализуется «Комплексная программа демографического развития Республики Татарстан до 2010 и на перспективу до 2030 года», цель которой состоит в обеспечении «расширенного воспроизводства населения Республики Татарстан через реализацию последовательной и эффективной государственной социально-экономической политики, направленной на повышение качества жизни населения и минимизацию социального неравенства»¹⁴.

Обсуждение и заключения. Анализ показателей рождаемости в Российской Федерации и Республике Татарстан позволяет сделать некоторые выводы о результативности мер демографической политики, вступивших в силу в 2007 г. Для этого нами был проведен сравнительный анализ повозрастных демографических коэффициентов для двух периодов: период до 2007 г. и период активного проведения новой демографической политики (2007–2015 гг.). Сравнение возрастных по-

казателей рождаемости по Республике Татарстан указывает на смещение пика интенсивности рождений с возраста 20–24 лет, как это было в 2006 г., на возраст 25–29 лет в 2015 г. Календарь рождений сместился к старшим возрастам, что соответствует тенденции, наблюдаемой в экономически развитых странах.

Для оценки влияния вклада мер демографической политики был проведен анализ динамики суммарных коэффициентов рождаемости в Российской Федерации и Республике Татарстан. Выявлена устойчивая тенденция повышения коэффициента суммарной рождаемости в стране и в регионе начиная с 2007 г., в большей степени связанная с рассматриваемыми мерами. Результаты исследования указывают на существенную роль экономических факторов, влияющих на репродуктивное поведение российских женщин. Вывод об эффективности материальных стимулов в пронаталистских целях обладает практической значимостью и может быть использован при разработке демографической политики. Что касается изменения численности рождений, то в отличие от суммарного показателя рождаемости, оно в значительной степени зависит от численности репродуктивного контингента, структурных сдвигов и изменения возрастных показателей рождаемости.

Сравнение результатов регрессионного анализа с построением временных рядов по возрастным показателям рождаемости указывает на большую степень влияния политики по стимулированию рождаемости в Республике Татарстан, чем по России в целом. Однако следует отметить, что интерпретировать данные результаты необходимо с определенной долей осторожности, так как вычлнить эффект влияния мер государственной политики на рождаемость достаточно сложно – репродуктивное поведение в регионе может быть обусловлено в некоторой степени этническими, религиозными и другими факторами, а также экономической и социальной ситуацией в республике.

В заключение отметим, что для более точной оценки результативности мер демографической политики целесообразно учитывать, кроме мер самой политики, роль таких факторов, как изменение социально-экономических условий жизнедеятельности в регионе, а также последствия тех мер демографической политики, которые реализовывались ранее или продолжают действовать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Gauthier A. H., Hatzius J. Family benefits and fertility: An econometric analysis // *Population Studies*. 1997. Vol. 51, no. 3. Pp. 295–306. URL: https://www.jstor.org/stable/2952473?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 03.02.2018).

¹³ Ильдарханова Ф. А., Ильдарханова Ч. И., Шелуханова Л. В. Демографическая результативность федеральных и региональных программ помощи семьям с детьми (2006–2016 гг.): науч.-аналит. доклад. Казань: Изд-во АН РТ, 2016. 231 с.

¹⁴ Комплексная программа демографического развития Республики Татарстан до 2010 года и на перспективу до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://mert.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/14538> (дата обращения: 13.03.2018).

2. Gauthier A. H. The impact of family policies on fertility in industrialized countries: a review of the literature // *Population Research and Policy Review*. 2007. Vol. 26, issue 3. Pp. 323–346. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11113-007-9033-x>

3. Olivetti C., Petrongolo B. The economic consequences of family policies: Lessons from a century of legislation in high-income countries // *Journal of Economic Perspectives*, American Economic Association. 2017. Vol. 31, issue 1. Pp. 205–230. DOI: <https://doi.org/10.3386/w23051>

4. Blanchet D., Ekert-Jaffe O. The demographic impact of fertility benefits: Evidence from a micro-model and from macro-data // *The Family, the Market and the State in Ageing Societies* / J. Ermisch, N. Ogawa (Eds.). Oxford, England : Clarendon Press, 1994. Pp. 79–104. URL: <https://www.popline.org/node/288863> (дата обращения: 03.02.2018).

5. Zhang J., Quan J., Meerbergen P. van. The effect of tax-transfer policies on fertility in Canada, 1921–88 // *Journal of Human Resources*. 1994. Vol. 29, no 1. Pp. 181–201. DOI: <https://doi.org/10.2307/146061>

6. McDonald P. Low fertility and the state: The efficacy of policy // *Population and Development Review*. 2006. Vol. 32, no. 3. Pp. 401–510. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2006.00134.x>

7. Luci-Greulich A., Thévenon O. Does economic advancement ‘cause’ a re-increase in fertility? An empirical analysis for OECD countries (1960–2007) // *European Journal of Population*. 2014. Vol. 13, issue 2. Pp. 187–221. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-013-9309-2>

8. D’Addio A. C., d’Ercole M. Trends and determinants of fertility rates in OECD countries: the role of policies // *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. 2005. No. 27. DOI: <https://doi.org/10.1787/880242325663>

9. Kohler H.-P., Billari F. B., Ortega J. A. Low fertility in Europe: causes, implications and policy options // *The Baby Bust: Who will do the Work? Who Will Pay the Taxes?* / F. R. Harris (Ed.). Lanham, MD : Rowman & Littlefield Publishers, 2006. Pp. 48–109. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/summary?doi=10.1.1.357.4258> (дата обращения: 03.02.2018).

10. Sobotka T. Tempo-quantum and period-cohort interplay in fertility changes in Europe: Evidence from the Czech Republic, Italy, the Netherlands and Sweden // *Demographic Research*. 2003. Vol. 8. Pp. 151–214. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2003.8.6>

11. Sobotka T. Re-emerging diversity: Rapid fertility changes in Central and Eastern Europe after the collapse of the communist regimes // *Population*. 2003. Vol. 58, no. 4/5. Pp. 451–486. DOI: <https://doi.org/10.2307/3246652>

12. Frejka T., Gietel-Basten S. Fertility and family policies in central and eastern Europe after 1990 // *Comparative Population Studies*. 2016. Vol. 41, no. 1. Pp. 3–56. DOI: <http://dx.doi.org/10.12765/CPoS-2016-03en>

13. Frejka T., Zakharov S. The apparent failure of Russia’s pronatalist family policy // *Population and Development Review*. 2013. Vol. 39, issue 4. Pp. 635–647. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2013.00631.x>

14. Speder Z., Murinko L., Oláh L. Sz. Sailing close to the wind? The effects of third birth policies in post-communist Hungary // *Working Papers on Population, Family and Welfare*. 2017. No. 27. URL: <http://demografia.hu/en/publicationsonline/index.php/workingpapers/article/view/928/0> (дата обращения: 03.02.2018).

15. Митрофанова Е. С. Демографическое поведение поколения россиян в сфере семьи и рождаемости // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2011. Т. 15, № 4. С. 519–542. URL: <https://ej.hse.ru/2011-15-4/49834635.html> (дата обращения: 03.02.2018).

16. Захаров С. В. Целевые индикаторы демографической политики: правилен ли наш выбор? // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2011. № 9. С. 176–180. URL: <http://journal.econorus.org/jarchive.phtml> (дата обращения: 03.02.2018).

17. Захаров С. В. Скромные результаты пронаталистской политики на фоне долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 1 // *Демографическое обозрение*. 2016. Т. 3, № 3. С. 6–38. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i3.1745>

18. Frejka T., Zakharov S. Comprehensive analyses of fertility trends in the Russian Federation during the past half century. Rostok, Germany : Max Planck Institute for Demographic Research, 2012. 27 p. URL: <https://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2012-027.pdf> (дата обращения: 03.02.2018).

Поступила 21.03.2018; принята к публикации 13.06.2018; опубликована онлайн 28.09.2018.

Об авторе:

Валидова Асия Фаритовна, ведущий научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Россия, г. Казань, ул. Левобулачная, д. 36а), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5227-0940>, Scopus ID: 56150632800, Researcher ID: O-3406-2018, avalidova@gmail.com

Для цитирования:

Валидова А. Ф. Влияние демографической политики на показатели рождаемости в Российской Федерации и Республике Татарстан // *Регионоведение*. 2018. Т. 26, № 3. С. 494–511. DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.494-511

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Gauthier A.H., Hatzius J. Family benefits and fertility: An econometric analysis. *Population Studies*. 1997; 51(3):295-306. Available at: https://www.jstor.org/stable/2952473?seq=1#page_scan_tab_contents (accessed 03.02.2018).

2. Gauthier A.H. The impact of family policies on fertility in industrialized countries: a review of the literature. *Population Research and Policy Review*. 2007; 26(3):323-346. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11113-007-9033-x>
3. Olivetti C., Petrongolo B. The economic consequences of family policies: Lessons from a century of legislation in high-income countries. *Journal of Economic Perspectives, American Economic Association*. 2017; 31(1):205-230. DOI: <https://doi.org/10.3386/w23051>
4. Blanchet D., Ekert-Jaffe O. The demographic impact of fertility benefits: Evidence from a micro-model and from macro-data. *The family, the market and the state in ageing societies*. 1994. p. 79-104. Available at: <https://www.popline.org/node/288863> (accessed 03.02.2018).
5. Zhang J., Quan J., Meerbergen P. van The effect of tax-transfer policies on fertility in Canada, 1921-88. *Journal of Human Resources*. 1994; 29(1):181-201. DOI: <https://doi.org/10.2307/146061>
6. McDonald P. Low fertility and the state: The efficacy of policy. *Population and Development Review*. 2006; 32(3):401-510. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2006.00134.x>
7. Luci-Greulich A., Thévenon O. Does economic advancement 'cause' a re-increase in fertility? An Empirical Analysis for OECD Countries (1960-2007). *European Journal of Population*. 2014; 13(2):187-221. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-013-9309-2>
8. D'Addio A.C., d'Ercole M. Trends and determinants of fertility rates in OECD countries: the role of policies. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. 2005; 27. DOI: <https://doi.org/10.1787/880242325663>
9. Kohler, H.-P., Billari F.B., Ortega J.A. Low fertility in Europe: Causes, implications and policy options. *The Baby Bust: Who will do the Work? Who Will Pay the Taxes?* 2006. p. 48-109. Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/summary?doi=10.1.1.357.4258> (accessed 03.02.2018).
10. Sobotka T. Tempo-quantum and period-cohort interplay in fertility changes in Europe: Evidence from the Czech Republic, Italy, the Netherlands and Sweden. *Demographic Research*. 2003; 8:151-214. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2003.8.6>
11. Sobotka T. Re-emerging diversity: Rapid fertility changes in Central and Eastern Europe after the collapse of the communist regimes. *Population*. 2003; 58(4/5):451-486. DOI: <https://doi.org/10.2307/3246652>
12. Frejka T., Gietel-Basten S. Fertility and family policies in central and eastern Europe after 1990. *Comparative Population Studies*. 2016; 41(1):3-56. DOI: <http://dx.doi.org/10.12765/CPoS-2016-03en>
13. Frejka T., Zakharov S. The apparent failure of Russia's pronatalist family policy. *Population and Development Review*. 2013; 39(4):635-647. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2013.00631.x>
14. Speder Z., Murinko L., Olah L.Sz. Sailing close to the wind? The effects of third birth policies in post-communist Hungary. *Working Papers on Population, Family and Welfare*. 2017; 27. Available at: <http://demografia.hu/en/publicationsonline/index.php/workingpapers/article/view/928/0> (accessed 03.02.2018).

15. Mitrofanova E.S. Demographic behavior of Russians: Family in post-soviet period. *Ekonomicheskiy zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* = Higher School of Economics Economic Journal. 2001; 15(4):519-542. Available at: <https://ej.hse.ru/2011-15-4/49834635.html> (accessed 03.02.2018). (In Russ.)
16. Zaharov S.V. Goal indicators of demographic policy: Have we chosen the right path?. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* = The Journal of the New Economic Association. 2011; 9:176-180. Available at: <http://journal.econorus.org/jarchive.phtml> (accessed 03.02.2018). (In Russ.)
17. Zaharov S.V. The modest results of the pronatalist policy against the background of long-term evolution of fertility in Russia. Part 1. *Demograficheskoye obozreniye* = Demographic Review. 2016; 3(3):6-38. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i3.1745>
18. Frejka T., Zakharov S. Comprehensive analyses of fertility trends in the Russian Federation during the past half century. 2012. 27 p. Available at: <https://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2012-027.pdf> (accessed 03.02.2018).

Submitted 21.03.2018; accepted for publication 13.06.2018; published online 28.09.2018.

About the author:

Asiya F. Validova, Senior Research Officer, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Science (36a Levobulachnaya St., Kazan 420111, Russia), Ph. D. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5227-0940>, Scopus ID: 56150632800, Researcher ID: O-3406-2018, avalidova@gmail.com

For citation:

Validova A.F. Impact of the Demographic Policy on Birth Rates in the Russian Federation and the Republic of Tatarstan. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 26(3):494-511. DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.494-511

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Адаптация региональной миграционной политики к инновационности экономики, глобализации и демографическим вызовам

Т. Н. Обушенко*

Г. П. Гагаринская

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (г. Самара, Россия),
* tatyanaobushenko@mail.ru

Введение. Актуальность исследования вызвана тем, что воплощение теории глобализации усиливает воздействие внешней миграции на социальную атмосферу и экономическую ситуацию в регионе. Целью исследования является определение адаптированности миграционной политики современным вызовам в контексте повышения человеческого потенциала, инновационности производства, демографического роста, увеличения валового регионального продукта.

Материалы и методы. Исследования базировались на данных органов внутренних дел, миграционных служб, статистических органов, результатов социологических опросов. Теоретико-методической базой послужили зарубежные, а также отечественные экономические и социологические теории миграции. Использовались системный, демографический, исторический, географический подходы.

Результаты исследования. Рассмотрены современные формы конструктивного взаимодействия мигрантов, аппарата регионального управления, местной власти, общественных институтов. Определена степень влияния миграционных процессов на рынок труда и человеческий потенциал, растущие отрасли экономики. Дана оценка конкурентности региона по условиям труда и проживания мигрантов, развитости миграционной инфраструктуры. Установлены риски выполнения программ учебной миграции, бизнес-миграции, привлечения высококлассных

© Обушенко Т. Н., Гагаринская Г. П., 2018

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted reuse, distribution, and reproduction in any medium provided the original work is properly cited.

специалистов. Оценены объемы работы РФФИ в регионе, выявлены наиболее притягательные для иностранных инвесторов отрасли экономики. Рассчитаны показатели для оценки вклада иностранной рабочей силы в экономику региона. **Обсуждение и заключения.** Практическую значимость для селективной миграционной политики представляют результаты анализа перспектив привлечения в регион высококвалифицированных специалистов, предложения по развитию образовательной миграции, результаты расчетов по оценке вклада иностранной рабочей силы в экономику области. Перспективы исследования связаны с повышением фундаментальности изучения степени влияния миграционной политики на региональные общественные и экономические процессы.

Ключевые слова: селективная политика, миграционная привлекательность региона, глобализация, трудовой потенциал, миграционная инфраструктура, цифровые технологии, учебная миграция, бизнес-миграция, иностранные инвестиции

Adaptation of the Regional Migration Policy to the Innovativeness of the Economy, Globalization and Demographic Challenges

T. N. Obushenko*, G. P. Gagarinskaya

Samara State Technical University (Samara, Russia),
* tatyanaobushenko@mail.ru

Introduction. The relevance of the study is due to the fact that the embodiment of the theory of globalization enhances the impact of external migration on the social atmosphere and the economic situation in the region. The aim of the research is to determine the adaptability of migration policy to modern challenges in the context of enhancing human potential, innovativeness of production, demographic growth, and increasing gross regional product.

Materials and Methods. The research was based on the data from internal affairs bodies, migration services, statistical agencies, and the results of opinion polls. Foreign and Russian economic and sociological theories of migration formed the theoretical and methodological basis of the research. The systemic, demographic, historical, and geographical approaches were used.

Results. Modern forms of constructive interaction of migrants, the apparatus of regional administration, local authorities, and public institutions have been considered. The degree of influence of migration processes on the labor market and human potential, on the growing sectors of the economy has been identified. Estimation of the region's competitiveness on the working and living conditions of migrants, as well as on the development of the migration infrastructure has been given. The risks of implementing educational migration programs, business migration, and attracting high-class specialists have been identified. The work of the Russian Foundation for Basic Research in the region has been assessed; the most attractive sectors of the economy for foreign investors have been identified. The indicators for assessing the contribution of foreign labor to the economy of the region have been calculated.

Discussion and Conclusions. Practical significance for the selective migration policy is represented by the results of the analysis of the prospects for attracting highly qualified specialists to the region, proposals for the development of educational migration, and the results of calculations for assessing the contribution of foreign

labor to the economy of the region. Further research may be focused on the increase in the fundamental nature of studying the degree of influence of migration policy on regional social and economic processes.

Keywords: selective policy, migration attractiveness of a region, globalization, labor potential, migration infrastructure, digital technologies, educational migration, business migration, foreign investment

Введение. Власти региона проводят конструктивную миграционную политику¹, однако считать ее полностью оптимальной нельзя. На данный момент в области имеется ряд нерешенных проблем: наблюдаются деструктивные процессы, связанные с формированием этнических обществ и чрезмерно высоким давлением мигрантов на некоторые сегменты рынка труда и виды бизнеса; налицо противоречия в заявлениях на высококвалифицированных специалистов и наблюдающемся снижении инвестиционной активности области; отсутствие прогресса на международных рынках учебной миграции из-за неактивности современного менеджмента в этой сфере; мало исследованы вопросы эффективности привлечения трудовых мигрантов, методический инструментарий по оценке влияния иностранной рабочей силы на экономику региона нуждается в подходах, соответствующих мировой практике.

В этой связи стоит научная проблема поиска оптимального уровня системы мероприятий по региональному регулированию и стимулированию развития миграционных процессов, адаптированных к условиям глобализации мировой экономики, демографическим тенденциям, необходимости постоянного технологического совершенствования отраслей.

Результаты исследования дают возможность понять соответствие миграционной политики региональным особенностям и тенденциям рынка труда, соответствия рыночных условий и миграционных технологий для осуществления миграционной политики, а полученные выводы могут ориентировать в выборе стратегии адаптации региональной миграционной политики требованиям окружающей среды.

Целью данной статьи является определение проблем, с которыми сталкивается администрация региона в процессе реализации миграционной политики и адаптивности данной политики современным вызовам с позиций повышения человеческого потенциала, инновационности экономики, демографического роста, увеличения валового регионального продукта.

¹ См.: Об утверждении Плана мероприятий («дорожной карты») по реализации миграционной политики в Самарской области на период до 2025 года : Постановление Правительства Самарской обл. от 28.06.2017 г. № 411.

Обзор литературы. Российские исследователи Ж. А. Зайончковская², Л. Л. Рыбаковский³, А. В. Топилин⁴ рассматривают миграцию в качестве одного из важнейших регуляторов численности трудоспособного населения, который повышает разумную конкуренцию на рынке рабочей силы. Б. С. Хорев изучает миграцию с позиции воспроизводства и сохранения человеческих популяций, их численности, половозрастной структуры⁵. Позитивными последствиями работ В. И. Переведенцева⁶, Т. И. Заславской⁷ стало развитие методологии и методики исследований миграционных процессов. В нашей стране официальное определение трудовой миграции дано в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации⁸. Т. Н. Юдина под трудовой миграцией понимает «территориальное перемещение населения, связанное с целью трудоустройства на том или ином предприятии и получения за это соответствующего вознаграждения»⁹. Это определение часто используется в исследованиях по данной тематике. Современное изучение миграции (Г. Г. Силласте¹⁰, С. И. Ельникова¹¹) продолжает оставаться актуальным в связи с демографическими проблемами, ростом международной миграции, этническими диспропорциями и конфликтами.

В зарубежных миграционных исследованиях предположение о том, что миграция стимулируется рациональными экономическими соображениями, играло важную роль. Наличие различия в доходах или в уровне жизни между странами происхождения и принимающими странами выступало основным объяснением миграции¹² [1]. Распространение ми-

² Зайончковская Ж. А., Переведенцев В. И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964. 105 с.

³ Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграций. М., 1973. 159 с.

⁴ Воробьева О. Д., Топилин А. В. Миграция населения: теория и политика. М. : Экономическое образование, 2012. 366 с.

⁵ Хорев Б. С., Чапек В. Н. Проблемы изучения миграции населения. М. : Мысль, 1978. 256 с.

⁶ Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М. : Наука, 1975. 231 с.

⁷ Заславская Т. И., Рыбаковский Л. Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. № 1.

⁸ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г. // Гарант : информ.-правов. система. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/#ixzz54gu4Jpeq> (дата обращения: 28.12.2017).

⁹ Юдина Т. Н. Социология миграций : учеб. пособие. М. : Академический проект, 2005. 255 с.

¹⁰ Силласте Г. Г. Российская миграция: гендерная структура и социальная специфика // Аналитический вестник. 2015. № 39 (592).

¹¹ Ельникова С. И. Трансформация национальной идентичности трудовых мигрантов в соответствии с условиями страны пребывания. Проблемы миграции внутри и вокруг России // Аналитический вестник. 2015. № 39 (592).

¹² Kurekova L. Theories of migration: conceptual review and empirical testing in the context of the EU East–West flows. Paper prepared for the Interdisciplinary conference on Migration, Economic Change, Social Challenge, 6–9 April, University College London. 2011.

грантов в отдельных отраслях экономики и в отдельных географических районах объясняется расширением или сокращением экономики, расовым отношением работодателей к трудящимся-мигрантам и географическим распределением возможности трудоустройства. С течением времени модели занятости трудовых мигрантов стали связывать с факторами, относящимися к человеческому капиталу в форме навыков, знаний, опыта, образования и работоспособности мигрантов. Большое внимание авторами уделяется социальным контекстам, в которых принимаются решения о миграции и которые влияют на адаптацию мигрантов на рынке труда [1; 2]. Многоуровневые подходы обеспечили возможность выявления сложностей миграционного участия на рынке труда [3; 4]. На национальном уровне рассматриваются иммиграционная политика, дефицит рынка труда, культурные нормы, языковые факторы и наличие устоявшихся мигрантских сообществ. На мезоуровне определяются гендерные схемы [5]; анализ социальных категорий в миграции продвигается на основе изучения гендерных аспектов [6; 7]. Микроуровневые факторы миграции включают в себя карьерные устремления и процессы принятия решений самих мигрантов [8]. Географическое распределение группы меньшинств, антирасистский активизм и расизм являются важными факторами, объясняющими деятельность различных этнических групп на рынке труда [9]. Отмечаются сохраняющиеся пробелы в понимании воздействия национальности, класса, пола, инвалидности и сексуальной или религиозной ориентации для опыта работы на рынке труда.

Материалы и методы. Объектом исследования выбраны процессы международной трудовой миграции, их воздействие на социально-экономическое развитие региона. Предмет исследования – адаптированность региональной миграционной политики к международным миграционным процессам в условиях инновационности экономики, глобализации мирового хозяйства, депопуляции населения.

Теоретико-методической базой исследования послужили труды ведущих отечественных и зарубежных ученых в области миграции и социальной политики. При написании статьи использовалась действующая законодательная база, регламентирующая рынок труда, в том числе переселение соотечественников, процессы социальной адаптации и интеграции мигрантов, процессы укрепления единства народов Самарской области, отдельные вопросы, касающиеся оценки эффективности использования иностранной рабочей силы.

Информационной базой исследования послужили официальные данные Росстата, Самарстата, отчетно-аналитическая информация Министерства труда, занятости и миграционной политики Самарской области, открытые данные органов внутренних дел, миграционных служб. Информационной базой также выступили материалы стратегий, концепций, имеющих от-

ношение к обозначенной проблематике, социологических опросов еженедельника «Аргументы и Факты».

В работе применялись следующие научные методы исследования: экономические и социологические теории миграции, системный, демографический, исторический, географический подходы.

На основе экономического подхода исследовались проблемы влияния уровня жизни и безработицы в странах выезда и в Самарском регионе на миграционные процессы в области. На основе социологического подхода исследовались проблемы спроса на мигрантов, мотивации мигрантов, адаптации и интеграции мигрантов, поддержки мигрантов со стороны национальных диаспор, оказывающих при этом обратное деструктивное влияние на принимающее сообщество. Системный подход дал возможность выявить систему и структуру мероприятий, определяющих горизонты работы администрации региона по управлению миграционными процессами. Демографический подход позволил определить воздействие миграции на воспроизводство населения Самарской области и его возрастную структуру. На основе исторического подхода анализировалось историческое прошлое в миграционных потоках, исторические связи граждан иностранных государств и населения Самарской области. На основе географического подхода исследовались проблемы территориальной структуры миграции, в том числе учебной миграции, миграционного потенциала стран и регионов с учетом приграничного положения Самарской области.

Результаты исследования. 1. *Мотивы и причины миграции. Современная миграционная ситуация в регионе.* Население Самарской области на 1 января 2017 г. насчитывало 3 203 тыс. чел. Прогноз Министерства труда, занятости и миграционной политики по численности населения к 2030 г. составил 3 075,5 тыс. чел.¹³ (сокращение на 127,5 тыс. чел., или на 3,9 %). Концептуальный уточненный прогноз социально-экономического развития Самарской области сводится к следующему: к 2020 г. – увеличение численности до 3 220,4 тыс. чел., ежегодное положительное сальдо миграции – 5 тыс. чел.; к 2025 г. – увеличение населения до 3 239,4 тыс. чел., поддержание сальдо миграции на уровне 5–7 тыс. чел.; численность населения к 2030 г. – 3 250,0 тыс. чел.¹⁴. Продолжается старение жителей региона: в России средний возраст населения в 2017 г.

¹³ Прогноз баланса трудовых ресурсов по Самарской области на 2018–2020 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://trud.samregion.ru/Attachment.axd?id=2f4e23c4-6a2b-4802-91e3-8fb65f037732> (дата обращения: 07.05.2018).

¹⁴ Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/93ca7bce-cc0c-4406-b5b2-896057e68c6a/strateg_samara.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=93ca7bce-cc0c-4406-b5b2-896057e68c6a (дата обращения: 07.05.2018).

составил 39,7 лет, в Приволжском федеральном округе – 40 лет, в Самарской области – 40,7 лет.

Облегчение правил въезда в страну привело к увеличению масштабов миграции в регионе. В Самарскую область мигранты приезжают преимущественно в целях работы – 63,5 % (по России – 44,3 %), по личным причинам – вступление в брак, к детям, к родителям – 22,1, для получения образования – 3,5, в туристических целях – 2,8 (по России – 23,2 %), по иным причинам – 8,1 %.

Развитие динамичных и сложных региональных миграционных процессов до 2015 г. характеризовалось ростом общего оборота по прибытию населения в Самарскую область, ростом общего оборота по отъезду населения, превышением количества въехавших над численностью выехавших за пределы региона, превышением оборота региональной миграции над оборотом международной миграции, снижением объемов общего миграционного прироста, отрицательным сальдо региональной миграции, затуханием положительного сальдо миграции со странами СНГ. Общее число прибывших в регион насчитывает 58,5–72,9 тыс. чел., покинули область 50,3–70,9 тыс. чел. Внутрирегиональная миграция составляет 49,7 % от числа прибывших, внешняя миграция – 50,3 %. При этом доля мигрантов из других регионов составляет 35,9 %, доля международных мигрантов из стран СНГ и Балтии – 13,4, других зарубежных стран – 1 % (2016 г.).

В отношении со многими зарубежными странами сохраняется положительное сальдо, однако в 2016 г. показатель сократился на 20,5 %, а общее положительное сальдо снизилось в 4,2 раза по сравнению с 2012 г. – до 1 981 чел. В Самарской области коэффициент миграционного прироста в 2011 г. составил 26 чел. и превысил среднероссийское значение в 22 чел. В 2016 г. ситуация существенно изменилась – показатель миграции в области снизился до 6 чел., по России он составил 18 чел.

Миграционные процессы являются индикатором быстроты и чуткости реакции на весь комплекс социально-экономических проблем. Сохраняющиеся различия в уровне жизни населения вызывают миграционные процессы из бедных регионов в богатые [10]. На миграционную ситуацию оказывают влияние вооруженные конфликты на юго-востоке Украины, низкий уровень жизни и значительные показатели безработицы в ряде государств СНГ.

2. *Территориальная структура миграции. Оценка миграционного потенциала.* В начале 2000-х гг. в миграционных потоках лидерство принадлежало Турции, Вьетнаму, Китаю. К 2008 г. их позиции потеснили граждане Украины, Узбекистана, Таджикистана. В 2002 г. 41,7 % мигрантов составили граждане СНГ, 58,3 % – граждане других стран. В последующие годы наблюдается стабильная направленность к уве-

личению доли мигрантов, приезжающих из стран СНГ: к 2008 г. они составляли уже 82,5 %, приезжие из других стран – 17,5 %.

Процесс миграции имеет историческое прошлое. В советское время жители Кавказа и Средней Азии часто приезжали на территорию современной России в торговых целях, большой процент русских проживали в среднеазиатских республиках. Подобные процессы образуют для мигрантов ресурс адаптации. Национальные диаспоры – армянская, узбекская, азербайджанская, киргизская, таджикская, существующие на территории миграции, – оказывают информационную, а нередко и материальную поддержку, помогают с поиском работы [11].

Сегодня центром притяжения международной миграции Самарский регион является главным образом для граждан Украины, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, Армении. Прирост числа въехавших граждан прибалтийских государств и Германии в общем миграционном потоке остается незначительным (15 чел.). В миграционных потоках с Израилем и США наблюдается стабильная миграционная убыль.

При анализе уровня миграции необходимо учитывать приграничное положение Самарской области и Казахстана. Это государство можно рассматривать не только как источник мигрантов, но и как полноправного конкурента (особенно это касается мигрантов из Узбекистана) [12]. По мнению Г. И. Осадчей, тенденции мобильности граждан в ближайшем будущем сохранятся, спрос и конкуренция стран на трудовой ресурс будут прирастать [13].

3. *Трудовая миграция. Давление на рынок труда.* В 2002 г. на территории Самарской области осуществляло трудовую деятельность 2,810 тыс. чел. трудовых мигрантов. В период между 2002–2007 гг. число мигрантов возросло в 7 раз – до 20,702 тыс. чел., а в 2008 г. оно уже составляло 32,039 тыс. чел. Между 2009 и 2011 гг. наблюдался небольшой спад: в 2011 г. в регионе числилось всего 13,757 тыс. трудовых мигрантов. С 2012 г. начинается очередной период роста, а в 2015 г. была достигнута рекордная численность – 70,447 тыс. чел., что связано со строительством в г. Самаре стадиона к Чемпионату мира по футболу FIFA 2018. Последующее снижение темпов роста трудовой миграции обусловлено ужесточением миграционного законодательства. В предстоящие три года в регионе значительных колебаний присутствия трудовых мигрантов не прогнозируется: их численность составит примерно 65–66 тыс. чел.¹⁵

Самым перспективным месяцем для приезда трудовых мигрантов на сезонные работы являются март и апрель. В это время приезжие преимущественно работают в сферах сельского хозяйства, строительства, торговли,

¹⁵ Прогноз баланса трудовых ресурсов Самарской области на 2018–2020 гг.

а также в сфере услуг. Власти региона контролируют ситуацию с сезонными рабочими, отслеживают нелегальную миграцию. Часто сезонные мигранты проживают непосредственно на месте работы. Иногда между ними и работодателями случаются конфликтные ситуации: работодатель не оплачивает работу, мигранты ненадлежаще выполняют свои обязанности [14]. Иногда отсутствие финансовых возможностей выезда на родину служит побуждающим мотивом для мигрантов выйти на улицы и пополнить ряды преступников.

В США и Европе мигранты играют значительную роль в наиболее динамичных секторах экономики. Так, новые иммигранты составили 22 % в здравоохранении и STEM-профессиях (науке, технике, инженерии, математике)¹⁶.

В Самарской области трудовые мигранты работают в строительстве, на обрабатывающем производстве, в оптовой и розничной торговле, сельском хозяйстве, на транспорте, в сфере коммунальных, социальных и персональных услуг. В 2005 г. в строительстве работали 65 % трудовых мигрантов, в 2014 г. – 28,8 %. Ситуация в строительной отрасли влияет на изменения общего объема привлеченных из-за границы работников. Наибольший удельный вес иностранной рабочей силы отмечается по профессиональной группе «рабочие на строительных работах» – 14 %, по группе «неквалифицированные рабочие общие для всех отраслей экономики» – 8 %.

Домохозяйства и индивидуальные предприниматели региона для выполнения оплачиваемых работ используют труд мигрантов в следующих сферах: в строительстве и ремонте квартир, домов и прочих построек (34,6 тыс. домохозяйств и индивидуальных предпринимателей), выращивании сельскохозяйственных культур, обработке земли, декоративном садоводстве, животноводстве, рыболовстве (12,7 тыс.), для уборки помещений (1,9 тыс.), для работы на транспорте (4,2 тыс.), в социальной сфере (услуги няни, домашнего учителя, репетитора, сиделки и др., включая услуги по обеспечению безопасности, охране, услуги повара, официанта) (3,3 тыс.).

Аутсорсинг низкоквалифицированной работы, участие многонациональной сети подрядчиков и субподрядчиков размыл вопросы отчетности и ответственности работодателей¹⁷. Мигранты во многих

¹⁶ Is migration good for the economy? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecd.org/els/mig/OECD%20Migration%20Policy%20Debates%20Numero%202.pdf> (дата обращения: 18.12.2017).

¹⁷ Who's the boss: restoring accountability for labour standards in outsourced work / C. Ruckelshaus [и др.]. 2014. 56 p. URL: <http://www.nelp.org/content/uploads/2015/02/Whos-the-Boss-Restoring-Accountability-Labor-Standards-Outsourced-Work-Report.pdf> (дата обращения: 18.12.2017).

странах подвергаются очень высокому уровню эксплуатации, поскольку работодатели пользуются уязвимостью их положения [15].

Анализ показал, что со стороны работодателей нет серьезных претензий к иностранным рабочим: мигранты трудятся много и добросовестно, не жалуются и не требуют особых условий¹⁸.

Наблюдаются деструктивные процессы интенсивного формирования этнических обществ, которые по своей численности и влиянию с течением времени вытесняют местных жителей из ресторанного бизнеса, становятся владельцами кафе, шашлычных, имеют почти полный контроль над строительно-ремонтным, транспортным бизнесом, рыночной торговлей, некоторыми видами бытовых услуг.

Привлечение иностранных работников может приводить к уменьшению вознаграждения заменяемым ими сотрудникам, хотя аналитики кадровых агентств утверждают, что работодатели предпочитают профессионалов вне зависимости от страны происхождения и гражданства. Разница в оплате труда зависит не от национальности, а от уровня профессиональной подготовки и объема выполняемых работ. Отношения между работником и работодателем регламентируются действующим законодательством в сфере труда. По мнению аналитиков, на заработки приезжают менее подготовленные граждане стран СНГ, высококвалифицированные специалисты не испытывают проблем с трудоустройством у себя на родине¹⁹.

Соотношение заработной платы и прожиточного минимума – важный социальный контролируемый показатель (табл. 1). Для получения разрешения на временное проживание мигранту необходимо доказать свои доходы, которые должны быть не ниже прожиточного минимума на каждого члена семьи. Анализ данной ситуации в Самарской области показал, что заработная плата мигрантов в целом не ниже прожиточного минимума и приближена к средней заработной плате по региону.

4. *Влияние миграции на формирование трудового потенциала.* Процесс глобализации в данной сфере проявляется увеличением миграционной активности населения [16]. В страны Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) мигранты прибывают со сформированными навыками и способностями, дополняют запас человеческого капитала принимающей страны. Представители иностранных государств (в частности США) предполагают, что квалифицированные иммигранты способствуют активизации научных исследований и инноваций, технологическому прогрессу²⁰.

¹⁸ Гастарбайтеров на территории региона прибывает. Онлайн-опрос еженедельника «Аргументы и Факты» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.samara.aif.ru/society/details/127045> (дата обращения 21.01.2018).

¹⁹ Там же.

²⁰ Is migration good for the economy?

Таблица 1. Заработная плата по видам экономической деятельности с наибольшим присутствием мигрантов (Самарская обл.), руб.

Table 1. Wages by the type of economic activity with the largest presence of migrants (Samara Region), rubles

Вид экономической деятельности / Type of economic activity	Годы / Year			
	2008		2016	
	Заработная плата, руб. / Wages, rubles	% к прожиточному минимуму* / % to the minimum subsistence level	Заработная плата, руб. / Wages, rubles	% к прожиточному минимуму* / % to the minimum subsistence level
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по всей экономике / Average monthly nominal accrued wages of employees of organizations throughout the economy	14 675	266	28 295	265
Строительство / Construction activities	12 121	221	20 914	196
Обработывающие производства / Processing industries	16 294	297	32 216	302
Торговля / Trade	11 348	207	20 610	193
Сельское хозяйство / Agriculture	6 690	122	18 363	172
Транспорт и связь / Transport and communication	16 558	302	31 882	299
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг / Provision of other communal, social and personal services	9 914	181	24 168	227

* Прожиточный минимум трудоспособного населения (за 4-й квартал) в 2008 г. составил 5 447 руб., в 2016 г. – 10 642 руб. / The subsistence minimum of the able-bodied population (for the 4th quarter) in 2008 was 5,447 rubles, in 2016 - 10,642 rubles

Таблица 2. Образовательный статус работников, занятых в экономике в Самарской области (2016 г.), %

Table 2. Educational status of the migrant workers employed in the economy in the Samara Region (2016), %

Образование / Education	Занятые в экономике области / Employed in the economy of the region	Прибывшие мигранты / Arrived migrants
Высшее, включая неполное высшее / Higher education, including incomplete higher education	36,8	25,6
Среднее и начальное профессиональное / Secondary and primary vocational education	43,7	24,2
Среднее общее / Secondary general education	13,0	19,2
Основное общее / Basic general education	2,8	5,8
Не имеют образование / No education	0,1	25,0*

* Включая людей с начальным общим и затруднившихся указать образование / Including people with primary general education and those who could not specify their education.

Мониторинг потока международных мигрантов призван не допускать ухудшения совокупного человеческого потенциала региона. В Самарской области образовательный статус коренного населения и иммигрантов различается значительно.

Результаты опроса показали, что работающие местные граждане более образованные, чем приезжающие мигранты (табл. 2). Разброс показателей высок: от 25,6 % мигрантов с высшим и неполным высшим до 25 % работников без образования. В ближайшей перспективе планируется ввести балльную оценку квалификации и социальных навыков прибывающих мигрантов. На данный момент показатели и баллы разрабатываются.

Интересен анализ возрастного состава мигрантов. Работники в возрасте до 40 лет составляют 71,2 % среди трудовых мигрантов Самарской области и 47 % среди всех работающих граждан региона (табл. 3). Мигранты более сконцентрированы в молодых и экономически активных возрастных группах по сравнению с коренным населением.

Т а б л и ц а 3. Возрастная структура работников, занятых в экономике Самарской области (2016 г.), %

Table 3. Age structure of workers employed in the economy of the Samara Region (2016), %

Возраст / Age	Занятые в экономике области / Those employed in the economy of the region	Трудовые мигранты / Labor Migrants
До 30 лет / Under 30	20,1	42,0
30-39 лет / 30-39	26,9	29,2
40-49 лет / 40-49	23,9	20,1
50-59 лет / 50-59	23,1	8,1
Старше 60 лет / 60 and over	6,0	0,6

По официальным статистическим данным в Самарской области мужчины составляют 90,27 %, женщины – 9,73 % от числа трудовых мигрантов, работающих по разрешению и патенту.

Для женской части миграционных потоков муниципальным службам требуется решение вопросов финансирования социальных программ обучения детей, обеспечения местами в детских садах и школах, вопросов доступа к медицине детей мигрантов, женщин, в том числе для ведения беременности и оказания акушерской помощи.

5. *Взаимодействие мигрантов, органов исполнительной власти, местного самоуправления, институтов гражданского общества.* Большинство жителей Самарской области относятся к мигрантам спокойно, хотя встречаются и единичные факты проявления ксенофобии. С целью поддержания положительной динамики в 2014 г. в регионе была запущена подпрограмма адаптации и интеграции мигрантов, прибывающих в Самарскую область²¹.

Власти производят финансирование дополнительных уроков русского языка для детей из семей мигрантов, проводят олимпиады по русскому языку среди школьников, для которых русский не является родным языком. Самарским больницам компенсируют расходы на оказание экстренной помощи мигрантам, у которых нет медицинской страховки. До настоящего времени за лечение незастрахованных больных платили сами медицинские учреждения. В рамках укрепления единства российской нации

²¹ Подпрограмма «Социальная адаптация и интеграция мигрантов, прибывающих в Самарскую область, на 2014–2020 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/464006627> (дата обращения: 15.12.2017).

и этнокультурного развития народов в Доме дружбы народов проводятся международные дни родного языка, межнациональные детские праздники, день прессы областных национальных газет, конференции и круглые столы по вопросам укрепления межэтнических и межконфессиональных отношений²². Открытие многофункционального миграционного центра с системой единого окна и электронной очереди предоставило возможности для быстрого и удобного проведения платежей и уведомлений; создание коммерческих служб, позволяющих легально и удобно получить услуги в более сжатые сроки, свидетельствует о развитии миграционной инфраструктуры в регионе. В области работает также центр трудоустройства иностранных граждан и трудовых мигрантов.

Проблемы интеграции тесно связаны с удовлетворением потребностей мигрантов в жилье. Нередко им приходится снимать одну квартиру на несколько семей, временно жить у родственников и пр.

Миграционные проблемы содействуют формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и исполнительной властью. При этом совершенствуются сами формы взаимодействия; проводятся выездные совещания с работодателями, привлекающими иностранную рабочую силу; контролируется обеспеченность бесплатным жильем, средствами индивидуальной защиты, соблюдение правил техники безопасности, обеспечение питанием за счет средств работодателя, организация транспортировки работников, наличие заключенных договоров добровольного медицинского страхования с каждым мигрантом. В муниципальных образованиях в состав рабочих групп включают представителей национально-культурных организаций и религиозных конфессий, к работе подключаются образовательные учреждения, учреждения культуры, досуговые центры.

6. *Цифровые технологии для миграционной инфраструктуры.* Развитие информационных технологий содействовало внедрению автоматизированных систем в трудовые процессы региональных миграционных органов: автоматизировано заполняются уведомления, заявления, сведения, листки статистического учета. Формируются открытые базы данных по основным направлениям работы миграционных органов, размещаемых на сайтах, в информационных бюллетенях. Управление по вопросам миграции размещает на сайте сервисы «онлайн запись на прием», «проверка действительности разрешений на работу и патентов», «подача ходатайства высококвалифицированными специалистами» и др. В интернете трудовой мигрант может ознакомиться с адресами центров сдачи экзаменов, стоимостью обучения, электронно записаться на уроки, получить демонстрационные варианты

²² Государственная программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Самарской области» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/8494531/> (дата обращения: 10.12.2017).

тестов. Как полагает О. В. Троицкая, за информационными технологиями – будущее миграционного управления²³.

7. *Селективная политика. Инвестиции.* Концепция современной селективной миграционной политики региона:

– временные трудовые мигранты на низкооплачиваемые не престижные у местного населения рабочие места с неблагоприятными условиями труда;

– высококвалифицированные специалисты для восходящих отраслей (аэрокосмических, геоинформационных, суперкомпьютерных, химических, медицинских технологий, машиностроения и нанотехнологий). Привлечение высококвалифицированных специалистов построено на следующих принципах: оценка компетентности специалиста самим работодателем (подтверждается высокая оценка установленным уровнем заработной платы, которую работодатель обязан платить специалисту), отсутствие квотирования на привлечение, разрешение на работу выдается на период выполнения работ, обеспечение гарантий получения медицинской помощи;

– определенные категории работников – деятели культуры и искусства, представители топ-менеджмента крупных международных компаний, отдельных профессий авиастроения, туристической отрасли привлекаются согласно специальному ежегодно корректируемому перечню;

– инвесторы, предприниматели. Бизнес-иммиграция – иммиграция предпринимателей, инвестирующих в экономику региона свои финансовые средства. Иностранцев граждан и юридических лиц приглашают открывать бизнес для создания новых рабочих мест, использования передовых технологий в предпринимательской деятельности. В Самарский регион инвестируют предприятия Франции, Германии, Китая, Южной Кореи и др. В области работают компании Alcoa Inc, Schneider Electric, Robert Bosch, Renault – всего свыше 450 иностранных и совместных предприятий. Большинство инноваций связано с автомобильным кластером (производство автокомпонентов), созданы предприятия по глубокой переработке сельхозпродукции, производству стройматериалов, удобрений, бытовой и строительной химии, производству продуктов питания. Одни проекты уже завершены, другие находятся в стадии реализации. В Ставропольском районе рядом с АВТОВАЗом создана ОЭЗ «Тольятти» для возведения и эксплуатации промышленной инфраструктуры и привлечения компаний-резидентов для создания производств на территории

²³ Троицкая О. В. Будущее миграционного управления: «умные границы» и информационные технологии // Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития Евразийского интеграционного проекта : материалы IX междунар. науч.-практ. форума. М. : Экономическое образование. 2017. Т. 1. С. 262–266.

площадки. В 2017 г. ОЭЗ представлены 20 резидентов (заявленные инвестиции – 23,7 млрд руб., рабочие места – 5 662).

Миграционная привлекательность региона – это интегральный показатель, который определяется по совокупности показателей, характеризующих уровень жизни населения, инвестиционной активности, экономического и социального развития региона, показателей экологической, криминогенной ситуации, климатических характеристик, лояльности миграционного законодательства, властей и населения принимающей стороны.

В Самарской области наблюдается спад инвестиций: в 2015 г. уровень объема инвестиций составил 88,3 % к предыдущему году, в 2016 г. – 78,3 %. Таким образом, появляется необходимость возрождения экономических кластеров на базе их технологического инновационного обновления [17]. Недостаточное присутствие высокотехнологичных секторов производства, способных генерировать хорошо оплачиваемые рабочие места, делают маловероятным в ближайшее время приток высококвалифицированных работников²⁴ [18].

Мигранты, работающие по найму, оценивают привлекательность региона по наличию вакантных рабочих мест, показателям стоимости аренды жилья, патента и других услуг, связанных с временной трудовой деятельностью (табл. 4).

Регион отличается иммиграционной привлекательностью для граждан бывших среднеазиатских республик. Качество жизни населения области находится на высоком уровне по показателям образованности и квалификации, обеспеченности автомобилями, жильем и собственностью, мощностями инфраструктуры.

8. *Программа переселения соотечественников.* В России процесс переселения соотечественников происходит во внеконкурентной среде: из 85 субъектов в данной программе²⁵ участвуют 57 субъектов. По количеству переселившихся Самарская область занимает лидирующее место в Приволжском федеральном округе: в регион переселились 6 909 участников и членов семей при контрольной цифре 2 778 чел.

Объем финансирования программы переселения соотечественников – 59 127,2 тыс. руб. Средства необходимы на первичное обустройство граждан, на покупку/аренду жилья, открытие собственного дела [19].

²⁴ Данилова З. А. Регулирование и прогнозирование трудовой миграции в регионе // Миграционные мосты в Евразии. С. 233–238.

²⁵ Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом : утв. указом Президента РФ от 22.06.2006 г. № 637 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135348/9cf95e1cef34d74eca9a5792671e8c9e40db0c88 (дата обращения: 14.12.2017).

Таблица 4. Показатели, обуславливающие привлекательность региона для трудовых мигрантов (2018 г.)

Table 4. Indicators that determine the attractiveness of the region for labor migrants (2018)

Показатель / Indicator	Значение показателя / Value of indicator
Вакантные рабочие места, ед. / Number of vacant jobs	25 738
Стоимость фиксированного набора товаров, руб. / Cost of a fixed set of goods, rubles	13 764,6
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб. / Average monthly nominal accrued wages, rubles.	29 657
Доступность жилья: стоимость аренды жилой комнаты, руб. / Housing affordability: cost of renting a residential room, rubles	4 500 – 7 500
Стоимость патента, руб. / Cost of the patent, rubles	3 642
Стоимость сертификата, подтверждающего знания русского языка, истории, законодательства, руб. / Cost of the certificate confirming knowledge of the Russian language, history, legislation, rubles	4 200 – 4 500
Стоимость медицинского освидетельствования мигрантов, руб. / Cost of medical examination of migrants, rubles	2 450
Стоимость полиса добровольного медицинского страхования, руб. / Cost of a voluntary medical insurance policy	От 900 руб. на 3 месяца до 3 600 руб. в год (для взрослого) / From 900 rubles for 3 months to 3,600 rubles per year (for adults)

Переселенцам компенсируются также затраты на развитие личного подсобного хозяйства, проводится поддержка агропромышленного комплекса, выделяются деньги на обучение.

Высшее образование имеют 52,6 %, среднее профессиональное – 41,3 % участников программы. Регионом ведется информационная работа по привлечению соотечественников из числа научных работников и студентов. Основная часть участников программы задействованы в сфере услуг, производства, финансовой деятельности, образовании, транспорте и связи, строительства, здравоохранения, торговли.

9. *Учебная миграция.* Современный рынок труда представляет собой сложный неоднородный механизм, существующий в тесной связи с экономическими, политическими и социальными институтами [20].

Государство выделяет финансирование на подготовку в своих учебных заведениях иностранных студентов, а выпускники школ, владеющие иностранными языками, получают возможность продолжить обучение в зарубежных вузах. В последние 20 лет образовательные стандарты России и стран СНГ развивались по разным сценариям²⁶. Самарские вузы не имеют значительных достижений по количеству иностранных студентов. В 2015 г. в регионе обучались 3 588 иностранных студентов, что составляет 1,5 % от их общего числа в России: 3 394 студента (94,6 %) – из стран бывшего СССР, 116 – из стран Африки и Ближнего Востока, 45 – из стран Азии, 30 – из Южной Америки, 2 – из Европы, 1 студент из Северной Америки²⁷. В Самарском университете им. акад. С. П. Королева насчитывается 8 % студентов из ближнего и дальнего зарубежья, план на 2020 г составляет 13 % студенческого контингента. Медицинский университет за последние годы успешно окончили более 1 000 иностранных граждан из 30 стран.

Расширению представительства иностранных студентов в российских вузах препятствуют ограничения в признании дипломов российских вузов в зарубежных странах (за исключением СНГ), сужение признания российских дипломов на национальных рынках труда, постепенное переключение молодежи из постсоветских стран на обучение в западных странах, а также в быстро развивающихся странах Азии²⁸.

Политика в отношении учебной миграции и экспорта образовательных услуг региона заключается в следующем: рост числа иностранных студентов, смягчение миграционного законодательства для студентов и преподавателей, создание инфраструктуры рынка экспорта образовательных услуг, сертификация и аккредитация образовательных учреждений, развитие потенциала вузовских кадров, создание и продвижение региональных вузовских брендов.

10. *Эффективность миграционной политики.* Исследования показали, что влияние мигрантов на казну государств – членов ОЭСР в среднем близко к нулю. Наиболее высоко это влияние в Швейцарии и Люксембурге, где иммигранты предоставляют чистую выгоду в государственный бюджет (около 2 % ВВП)²⁹. Эффективность привлечения внешних трудовых мигрантов в международной практике рассчитывается путем сопоставления выплачиваемых мигрантами налогов в бюджет государства и получаемых ими социальных выплат [21].

²⁶ Глазьев С. Приоритетная задача ЕАЭС – единый рынок труда // Известия. 2016. 23 марта. URL: <http://izvestia.ru/news/607260> (дата обращения: 14.12.2017).

²⁷ Академическая мобильность иностранных студентов в России. Сер.: Факты образования. 2016. Вып. 7 (июль).

²⁸ Международная миграция и устойчивое развитие России / В. С. Малахов [и др.]. М.: Дело, 2015. 120 с. (Научные доклады: социальная политика).

²⁹ Is migration good for the economy?

Эффективность миграции в регионе рассматривается по методике с позиций воздействия миграционного процесса на демографию, региональный рынок труда, бюджет Самарской области, экономический рост³⁰. Методика далеко не бесспорна, расчет доли валового регионального продукта ведется по удельному весу мигрантов в численности занятых в экономике.

В 2005 г. миграционный прирост покрывал естественную убыль населения на 101,9 %, в 2008 – на 104,9, в 2012 – на 86,2, в 2016 – лишь на 46,3 %.

Иммиграция не оказывает значительного воздействия на соотношение безработных и трудовых мигрантов, исследования специалистов также подтверждают слабое влияние безработицы на приезд трудовых мигрантов [22].

На основе анализа влияния иностранной рабочей силы на экономику региона (табл. 5) видно, что доля трудовых мигрантов в общей численности работников не велика и составляет 3,84 %.

Доля высококвалифицированных специалистов демонстрирует позитивный, но незначительный результат (1,3 %).

Показателями экономического эффекта внешней миграции для Самарской области выступают произведенная иностранной рабочей силой стоимость валового регионального продукта, доходы регионального бюджета от уплаты НДФЛ с иностранных граждан, доходы от уплаты патента.

Переход на патентную занятость привел к увеличению налоговых поступлений: в 2016 г. бюджет Самарской области пополнился на 551,344 тыс. руб. от продажи патентов, что в 3,4 раза больше, чем в 2014 г. Вклад иностранной рабочей силы в валовой региональный продукт оценивается в объеме 47 628,29 млн руб.

Обсуждение и заключения. Миграционные проблемы содействуют формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и исполнительной властью, к работе подключаются представители национально-культурных организаций и религиозных конфессий, образовательные учреждения, досуговые центры, учреждения культуры.

Самарская область всегда была мультинациональным регионом, в котором используется накопленный богатый опыт международных мероприятий этнокультурного развития народов. Региональные власти создают

Т а б л и ц а 5. Влияние иностранной рабочей силы на экономический рост Самарской области

T a b l e 5. The impact of foreign labor on the economic growth of the Samara Region

Показатель / Indicator	Годы / Year		
	2014	2015	2016
Доля иностранной рабочей силы в численности занятых в экономике, % / Share of foreign labor in the number of people employed in the economy, %	3,99	4,15	3,84
Число безработных на 1 работающего трудового мигранта / Number of unemployed per 1 working migrant worker	0,26	0,32	0,34
Удельный вес привлекаемых высококвалифицированных специалистов в общей численности иностранной рабочей силы, % / Share of the employed highly qualified specialists in the total number of foreign labor, %	0,37	0,63	1,3
Вклад в производство валового регионального продукта (ВРП), млн руб. / Contribution to the production of gross regional product (GRP), million rubles	45 851,0	51 473,27	47 628,29
Вклад в доходную часть консолидированного бюджета Самарской области, тыс. руб. / Contribution to the revenues of the consolidated budget of the Samara Region, thousand rubles	161,189	505,285	551,344

конкурентные условия для трудящихся мигрантов: свободные рабочие места, достойные условия проживания, обильный рынок продуктов, товаров и услуг, наличие благоприятной миграционной инфраструктуры на базе цифровых технологий. Для семей мигрантов изыскивается финансирование социальных программ, туры на базе цифровых технологий. Для семей мигрантов изыскивается финансирование социальных программ.

Регионом осуществляются превентивные меры по соблюдению работодателями норм миграционного и трудового законодательства: организации труда и отдыха, медицинского обслуживания, проживания иностранных работников. Особое внимание властей уделено видам деятельности, в которых преобладает ощутимо высокое давление иностранцев – строительство, обрабатывающие производства, оптовая розничная торговля, сельское хозяйство с высокой добавленной стоимостью, транспорт, предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг. Также

³⁰ Об утверждении Методики оценки эффективности использования иностранной рабочей силы в Самарской области : Постановление Правительства Самарской области от 17.04.2015 г. № 192 [Электронный ресурс]. URL: <http://volga.news/article/341024.html> (дата обращения: 20.01.2018).

следует отметить положительное влияние программы переселения соотечественников в регион.

Существенным отличием современного этапа региональной миграционной политики является то, что в ней государство применяет селективный подход и напрямую связано с дифференцированным механизмом привлечения, отбора и использования иностранной рабочей силы.

Недостаточное присутствие высокотехнологичных секторов производства, способных генерировать хорошо оплачиваемые рабочие места, делают маловероятным в ближайшее время большой приток в регион высококвалифицированных работников. Развитию образовательной миграции будет способствовать смягчение миграционного законодательства для студентов и преподавателей, создание инфраструктуры рынка экспорта образовательных услуг, сертификация и аккредитация образовательных учреждений, развитие потенциала вузовских кадров, создание и продвижение региональных вузовских брендов.

Уровень инвестиционной активности в регионе недостаточный. Иностранные инновации связаны с автомобильным кластером, переработкой сельхозпродукции, производством стройматериалов, удобрений, бытовой и строительной химии, производством продуктов питания.

В целом доля иностранной рабочей силы в численности занятых в экономике незначительна (3,84 %), в демографическом аспекте компенсационная роль миграции в последние годы снижается. Проведенный анализ показал, что иммиграция не оказывает значительного воздействия и на уровень безработицы коренного населения.

Основные результаты исследования могут быть использованы в последующих фундаментальных изучениях степени влияния миграционной политики на предстоящие темпы и соотношения демографического, экономического развития региона, качество трудовых ресурсов, инновационность производства и другие региональные общественные и экономические процессы. Некоторые выводы и рекомендации, изложенные в исследовании, могут содействовать увеличению внимания к обнаруженной проблематике, повышению эффективности деятельности региональных властей в сфере трудовой миграции. Исследовательская работа предназначена научным работникам и специалистам сферы мобильности трудовых ресурсов, занятости населения, демографам, социологам, прогнозистам, а также всем, кого интересует эффективность миграционной политики.

Для регионов страны полезным окажется опыт Самарской области по решению проблем социального страхования мигрантов, поиска источников финансирования медицинской помощи и образования для прибывающих жен и детей мигрантов, а также опыт интеграции цифровых технологий в миграционную инфраструктуру. Результаты,

полученные в ходе исследования, могут использоваться при разработке прогнозных документов реализации миграционной политики в Самарской области.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Boswell C. Combining economics and sociology in migration theory // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2008. Vol. 34, issue 4. Pp. 549–566. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691830801961589>
2. Greve B. Labour migration and labour market integration: causes and challenges // *Migration and Welfare in the New Europe* / E. Carmel, A. Cerami, T. Papadopoulos (eds.). Bristol : Policy Press, 2011. DOI: <https://doi.org/10.1332/policypress/9781847426444.003.0005>
3. Kamenou N., Netto G., Fearful A. Ethnic minority women in the Scottish labour market // *British Journal of Management*. 2012. Vol. 24, issue 3. Pp. 398–413. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8551.2012.00811.x>
4. Migration, ethnicity and progression from low-skilled work / G. Netto [et al.] // *Social Policy and Society*. 2015. Vol. 14, issue 4. Pp. 509–522. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1474746414000499>
5. Hoang L. A. Gender identity and agency in migration decision-making: evidence from Vietnam // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2011. Vol. 37, issue 9. Pp. 1441–1457. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2011.623618>
6. Lutz H. Gender in the migratory process // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010. Vol. 36, issue 10. Pp. 1647–1663. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2010.489373>
7. Salway S. Labour market experiences of young UK Bangladeshi men // *Ethnic and Racial Studies*. 2008. Vol. 31, issue 6. Pp. 1126–1152. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870701568916>
8. Christensen K., Guldvik I. Migrant care workers: Searching for new horizons. Surrey : Ashgate, 2014. 226 p. URL: <https://www.routledge.com/Migrant-Care-Workers-Searching-for-New-Horizons/Christensen-Guldvik/p/book/9781472415462> (дата обращения: 20.01.2018).
9. Virdee S. “Race”, employment and social change: a critique of current orthodoxies // *Ethnic and Racial Studies*. 2006. Vol. 29, issue 4. Pp. 605–628. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870600665243>
10. Обущенко Т. Н. Горизонтальное и вертикальное выравнивание бюджетной обеспеченности регионов // *Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Сер.: Экономика*. 2012. № 2 (22). С. 69–75. URL: http://www.tolgas.ru/site/upload/Vestnik_22.pdf (дата обращения: 20.01.2018).
11. Ворона М., Карпова Г. Право на инклюзию: анализ проблем трудовой миграции на региональном уровне // *Журнал исследований социальной политики*. 2013. Том 11, № 2. С. 171–188. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3437> (дата обращения: 20.01.2018).

12. Гришанова А. Г. Миграционный потенциал населения России. Проблемы миграции внутри и вокруг России // Аналитический вестник Совета Федерации. 2015. № 39 (592). С. 29–31. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d59a121da25cf62a52.pdf> (дата обращения: 20.01.2018).

13. Осадчая Г. И. Формирование единого рынка труда Евразийского экономического союза: эффекты для России // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 53–64. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517110071>

14. Дмитриев А. В., Пядухов Г. А. Интеграция трудовых мигрантов в мегаполисе: локальные модели, контекст идентичности (методология и методы исследования) // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 49–55. URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_5/Dmitriev_Pyadukhov.pdf (дата обращения: 20.01.2018).

15. Precarious lives: Forced labour, exploitation and asylum / Н. Lewis. Bristol : Policy Press, 2014. 208 p. URL: <https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/distributed/P/bo19141932.html> (дата обращения: 20.01.2018).

16. Житин Д. В., Краснов А. И., Шендрик А. В. Географические особенности миграционных связей Европы // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 3. С. 75–92. DOI: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-3-5>

17. Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Лачининский С. С. Пространственные возможности и ограничения модернизации российской экономики: пример Северо-Западного макрорегиона // Экономика региона. 2015. № 3 (43). С. 25–38. URL: <http://economyofregion.com/archive/2015/56/2649> (дата обращения: 20.01.2018).

18. Коровкин А. Г. Динамика занятости и рынка труда в РФ в перспективе до 2030 г. // Проблемы прогнозирования. 2013. № 4. С. 79–96. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2013/fp/4/07.pdf> (дата обращения: 20.01.2018).

19. Рязанцев С. В. Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 105–111. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518010117>

20. Софронов Д. А. Система содействия трудоустройству выпускников вузов региона // Регионология. 2016. № 4. С. 192–201. URL: <https://regionsar.ru/en/node/1492> (дата обращения: 20.01.2018).

21. Рыжкова Н. Г. Анализ эффективности использования труда иностранных работников // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 4 (169). С. 64–67. URL: <http://www.fin-izdat.ru/journal/analiz/detail.php?ID=23267> (дата обращения: 20.01.2018).

22. Лапин Н. Н. Влияет ли безработица на вселяемость вынужденных мигрантов в восточные регионы России? // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 72–77. URL: http://www.isras.ru/socis_2003-4.html?&printmode (дата обращения: 20.01.2018).

Поступила 23.04.2018; принята к публикации 28.05.2018; опубликована онлайн 28.09.2018.

Об авторах:

Обущенко Татьяна Николаевна, доцент кафедры экономики и управления организацией ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»

(443100, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244), кандидат экономических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8779-2623>, tatyanaobushenko@mail.ru

Гагаринская Галина Павловна, заведующий кафедрой экономики и управления организацией ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (443100, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244), доктор экономических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5174-0824>, eyo080505@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Обущенко Татьяна Николаевна – сбор и обработка информации; подготовка первоначального варианта текста; проведение критического анализа материалов.

Гагаринская Галина Павловна – разработка методологии исследования; критический анализ и доработка текста.

Для цитирования:

Обущенко Т. Н., Гагаринская Г. П. Адаптация региональной миграционной политики к инновационности экономики, глобализации и демографическим вызовам // Регионология. 2018. Т. 26, № 3. С. 512–537. DOI: [10.15507/2413-1407.104.026.201803.512-537](https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.512-537)

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Boswell C. Combining economics and sociology in migration theory. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2008; 34(4):549-566. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691830801961589>
2. Greve B. Labour migration and labour market integration: causes and challenges. *Migration and Welfare in the New Europe*. 2011. DOI: <https://doi.org/10.1332/policypress/9781847426444.003.0005>
3. Kamenou N., Netto G., Fearful A. Ethnic minority women in the Scottish labour market. *British Journal of Management*. 2012; 24(3):398-413. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8551.2012.00811.x>
4. Netto G., Hudson M., Noon M., Sosenko F., de Lima P., Kamenou-Aigbekaen N. Migration, ethnicity and progression from low-skilled work. *Social Policy and Society*. 2015; 14(4):509-522. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1474746414000499>
5. Hoang L.A. Gender identity and agency in migration decision-making: evidence from Vietnam. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2011; 37(9):1441-1457. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2011.623618>
6. Lutz H. Gender in the migratory process. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010; 36(10):1647-1663. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2010.489373>
7. Salway S. Labour market experiences of young UK Bangladeshi men. *Ethnic and Racial Studies*. 2008; 31(6):1126-1152. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870701568916>

8. Christensen K., Guldvik I. Migrant Care Workers: Searching for New Horizons. Surrey: Ashgate, 2014. Available at: <https://www.routledge.com/Migrant-Care-Workers-Searching-for-New-Horizons/Christensen-Guldvik/p/book/9781472415462> (accessed 20.01.2018).

9. Virdee S. "Race", employment and social change: a critique of current orthodoxies. *Ethnic and Racial Studies*. 2006; 29(4):605-628. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870600665243>

10. Obushenko T.N. [Horizontal and vertical alignment of regional budgets]. *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo universiteta servisa. Seriya: Ekonomika* = Vestnik of Volga region State University of Service. Series "Economics". 2012; 2:69-75. Available at: http://www.tolgas.ru/site/upload/Vestnik_22.pdf (accessed 20.01.2018). (In Russ.)

11. Vorona M., Karpova G. [The right for inclusion: An analysis of the problems of labour migration at the regional level]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoj politiki* = The Journal of Social Policy Studies. 2013; 11(2):171-188. Available at: <https://jsps.hse.ru/article/view/3437> (accessed 20.01.2018). (In Russ.)

12. Grishanova A.G. [Migration potential of the Russian population. Issues of migration within and around Russia]. *Analiticheskij vestnik Soveta Federatsii* = Analytical Bulletin of the Council of the Federation. 2015; 39(592):29-31. Available at: <http://council.gov.ru/media/files/41d59a121da25cf62a52.pdf> (accessed 20.01.2018). (In Russ.)

13. Osadchaya G.I. [Formation of common labor market of the Eurasian economic union: implications for Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* = Sociological Studies. 2017; 11:53-64. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517110071>

14. Dmitriev A.V., Pyadukhov G.A. [Integration of labor migrants in a megalopolis: local models, context of identity (methodology and research methods)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2013. 5:49-55. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_5/Dmitriev_Pyadukhov.pdf (accessed 20.01.2018). (In Russ.)

15. Lewis H., Dwyer P., Hodgkinson S., Waite L. Precarious Lives: Forced Labour, Exploitation and Asylum. Bristol: Policy press, 2014. Available at: <https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/distributed/P/bo19141932.html> (accessed 20.01.2018). (In Russ.)

16. Zhitin D.V., Krasnov A.I. Shendrik A.V. [Geography of European migration]. *Baltiyskij region* = Baltic Region. 2016; 8(3):75-92. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-3-5>

17. Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M., Lachinsky S.S. [The spatial recourses and limitations of the Russian economy modernization: The example of the North-West macro region]. *Ekonomika regiona* = Economy of Region. 2015; 3(43):25-38. Available at: <http://economyofregion.com/archive/2015/56/2649> (accessed 20.01.2018). (In Russ.)

18. Korovkin A.G. [Employment and labor market dynamics in the Russian Federation until 2030]. *Problemy prognozirovaniya* = Issues of Prognostication. 2013; 4:79-96. Available at: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2013/fp/4/07.pdf> (accessed 20.01.2018). (In Russ.)

19. Ryazantsev S.V. [Integration of migrants in the context of Russia's foreign migration policy]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* = Sociological Studies. 2018; 1:105-111. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518010117>

20. Sofronov D.A. [The employment assistance system for the region's university graduates]. *Regionologiya* = Regionology. 2016; 4:192-201. Available at: <https://regionsar.ru/en/node/1492> (accessed 20.01.2018). (In Russ.)

21. Ryzhkova N.G. [To question of the estimation to efficiency of the use the labour foreign workman]. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika* = Economic Analysis: Theory and Practice. 2010; 4(169):64-67. Available at: <http://www.fin-izdat.ru/journal/analiz/detail.php?ID=23267> (accessed 20.01.2018). (In Russ.)

22. Lapin N.N. [Does unemployment influence tendency among involuntary migrations to settle in Russia's eastern regions?]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* = Sociological Studies. 2003; 4:72-77. Available at: http://www.isras.ru/socis_2003-4.html?&printmode (accessed 20.01.2018). (In Russ.)

Submitted 23.04.2018; accepted for publication 28.05.2018; published online 28.09.2018.

About the authors:

Tatiana N. Obushenko, Associate Professor, Department of Economics and Organization Management, Samara State Technical University (244 Molodogvardeyskaya St., Samara 443100, Russia), Ph. D. (Economics), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8779-2623>, tatyanaobushenko@mail.ru

Galina P. Gagarinskaya, Head of the Department of Economics and Organization Management, Samara State Technical University (244 Molodogvardeyskaya St., Samara 443100, Russia), Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5174-0824>, eyo080505@mail.ru

Contribution of the authors:

Tatiana N. Obushenko – information collection and processing; preparation of the initial version of the text; critical analysis of the materials.

Galina P. Gagarinskaya – development of the research methodology; critical analysis and revision of the text.

For citation:

Obushenko T.N., Gagarinskaya G.P. Adaptation of the Regional Migration Policy to the Innovativeness of the Economy, Globalization and Demographic Challenges. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 26(3):512-537. DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.512-537

All the authors have read and approved the final version of the manuscript.

Социально-экологическая система региона: тенденции и противоречия (на примере Астраханской области)

Е. В. Островская¹ Н. В. Дулина² Е. В. Каргаполова^{3*} Ю. Г. Миронова³

¹ ФГБУ «Каспийский морской научно-исследовательский центр»
(г. Астрахань, Россия)

² ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
(г. Волгоград, Россия)

³ ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»
(г. Астрахань, Россия),

* k474671@list.ru

Введение. Актуальным представляется исследование причин, влияющих на формирование экологической ситуации в различных регионах России. Цель статьи – выявить тенденции и противоречия трансформации социально-экологической системы региона (на примере Астраханской области).

Материалы и методы. Материалами для изучения послужили социологические исследования, проведенные в Астраханской области в 2010–2016 гг. Среди методов применялись интервьюирование, анализ статистической информации. Исследование проводилось с точки зрения системного подхода, объединяющего в себе экологическую и социальную составляющие.

Результаты исследования. Проведен анализ причин неблагоприятной экологической ситуации, сложившейся в Астраханской области. Обнаружена недостаточная осведомленность жителей имеющимся уровнем загрязнения воздуха и воды, которые обычно характеризуют экологические аспекты качества жизни людей, оказывая непосредственное влияние на их здоровье, работоспособность, а также на развитие территориальной общности. Выявлено несоответствие позитивной оценки качества воздуха и воды и реального положения дел в регионе.

© Островская Е. В., Дулина Н. В., Каргаполова Е. В., Миронова Ю. Г., 2018

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted reuse, distribution, and reproduction in any medium provided the original work is properly cited.

Обсуждение и заключения. Полученные данные позволяют сделать вывод о разбалансировке социально-экологической системы Астраханской области, ее неустойчивом состоянии. Практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования для прогнозирования изменений в социально-экологической системе региона, разработки методических рекомендаций управления ею.

Ключевые слова: социально-экологические системы, экологические угрозы, качество воздуха, качество воды, незащищенность людей, общественное мнение, Астраханская область

Socio-Ecological System of a Region: Trends and Contradictions (the Case Study of the Astrakhan Region)

E. V. Ostrovskaya^a, N. V. Dulina^b, E. V. Kargapolova^c, Yu. G. Mironova^c

^a Caspian Marine Scientific and Research Center (Astrakhan, Russia)

^b Volgograd State University (Volgograd, Russia)

^c Astrakhan State University (Astrakhan, Russia),

* k474671@list.ru

Introduction. The study of the causes affecting the formation of the ecological situation in various regions of Russia seems to be of relevance. The purpose of the paper is to identify trends and contradictions in the transformation of the socio-ecological system of a region by means of a case study of the Astrakhan Region.

Materials and Methods. The materials used were the pieces of sociological research conducted in the Astrakhan Region in 2010–2016. Among the methods used were: questioning, interviewing, and analysis of statistical information. The study was conducted in terms of the systemic approach that combines the ecological and social components.

Results. The analysis of the causes of the unfavorable ecological situation in the Astrakhan Region has been carried out. The study has revealed lack of awareness among the residents of the existing level of air and water pollution, which usually characterize the ecological aspects of the quality of life of people, directly affecting their health, work efficiency, and development of the territorial community. Discrepancy between the positive assessment of air and water quality and the real state of affairs in the region has been revealed.

Discussion and Conclusions. The data obtained allow to draw a conclusion about the imbalance of the socio-ecological system of the Astrakhan Region and its unstable state. The practical significance of the study is in the possibility of using the results of the research to predict changes in the socio-ecological system of a region and in the development of methodological recommendations on how to manage it.

Keywords: socio-ecological systems, environmental threats, air quality, water quality, insecurity of people, public opinion, Astrakhan Region

Введение. В управлении природопользованием в последнее время большое внимание уделяется экологической безопасности, под которой обычно понимается «совокупность состояний, процессов и действий, обеспечивающая экологический баланс в окружающей среде и не при-

водящая к жизненно важным ущербам (или угрозам таких ущербов), наносимым природной среде и человеку»¹. Академик Н. Ф. Глазовский рассматривал экологическую безопасность как один из трех компонентов устойчивого развития, связывая ее с двумя другими его компонентами: экономическим ростом и социальным развитием². Индикатором безопасности естественной экосистемы считается сохранение целостности естественного биотопа основного биоценоза и его способность к регенерации при антропогенном воздействии (устойчивость), а искусственной экосистемы – качество жизни и здоровье населения³.

В настоящее время существуют два основных подхода к обеспечению экологической безопасности: техногенный (ресурсный) и биосферный⁴. В рамках первого сформировалось направление природоохранной деятельности как системы нормирования и регулирования показателей состояния окружающей среды по довольно узкому (несколько десятков) набору индикаторов, управления отходами, внедрения ресурсосберегающих и отходоперерабатывающих технологий и т. д.⁵. Административные методы природоохранного управления исторически были приоритетными для России⁶. Второй подход нацелен на определение области устойчивости экосистемы, что «позволит найти допустимую величину возмущения – нагрузки на экосистему, определить пороги устойчивости конкретных экосистем»⁷.

В исследованиях западных ученых, посвященных устойчивости (resilience), или как еще часто переводят – прочности, эластичности, – уязвимости (vulnerability) и способности к адаптации (adaptability) систем, с конца 1980-х – начала 1990-х гг. фокус постепенно смещается с изучения чисто экологических или чисто социальных систем на интегри-

¹ Геоэкология и природопользование. Понятийно-терминологический словарь / под ред. В. В. Козина, В. А. Петровского. Смоленск : Ойкумена, 2005. 576 с.; Хоружая Т. А. Оценка экологической опасности. М. : Книга сервис, 2002. 208 с.

² Природопользование и устойчивое развитие. Мировые экосистемы и проблемы России / под ред. В. М. Котлякова, А. А. Тишкова, Г. В. Стасюка. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2006. С. 23.

³ Большеротов А. Л. Система оценки экологической безопасности строительства. М. : Изд-во Ассоциации строит. вузов, 2010. 216 с.

⁴ Коробкин В. И., Передельский Л. В. Экология : учеб. для вузов. Ростов н/Д : Феникс, 2003. 576 с.

⁵ Абдуллаев Н. А., Фоменко Г. А. Научно-методические основы создания инновационной системы в природоохранной сфере. Контрольно-надзорная деятельность. М. : Наука, 2010. 388 с.; Природоохранные институты в современной России / науч. ред. Г. А. Фоменко. М. : Наука, 2010. 447 с.

⁶ Матишов Г. Г., Никитин Б. А., Сочнев О. Я. Экологическая безопасность и мониторинг при освоении месторождений углеводородов на Арктическом шельфе. М. : Газоил пресс, 2001. 232 с.; Фоменко Г. А. Управление природоохранной деятельностью: Основы социокультурной методологии. М. : Наука, 2004. 390 с.

⁷ Израэль Ю. А. Экология и контроль природной среды. Л. : Гидрометеоздат, 1984. 560 с.

рованную концептуализацию и модели социально-экологических систем (СЭС)⁸, где взаимодействия человека и социума с окружающей средой рассматриваются в едином понятийном пространстве [1–4].

Основной целью данной работы является исследование сложной экологической ситуации, сложившейся в Астраханской области, с точки зрения системного подхода, объединяющего в себе экологическую и социальную составляющие, что открывает, на наш взгляд, новые возможности для более глубокого понимания проблемы. В практическом плане это достигается интерпретацией результатов проведенных в Астраханской области социологических исследований, изучающих общественное мнение по экологическим вопросам, в терминах концепции социально-экологических систем.

Обзор литературы. Одной из основных в последние годы становится тема поведения и эволюции социально-экологических систем под угрозой многообразных негативных воздействий или стрессоров, в том числе хозяйственной деятельности человека. Изучение устойчивости, которое начиналось с анализа мультистабильных (гомеостатических) состояний экологических систем [5], теперь нацелено на понимание циклов адаптивных изменений в СЭС, где сопротивляемость (persistence) и принятие нового (novelty) взаимосвязаны, и, в конечном счете, на изучение их трансформации, которая может быть лавинообразной, когда малозаметные и быстрые изменения провоцируют значительные и медленные [6]. Адаптивные циклы объясняют систематические циклические изменения, сквозь которые система обычно проходит: рост и консервация (потребление ресурсов, относительная стабильность, медленные, предсказуемые изменения) и освобождение и реорганизация (высвобождение ресурсов, хаотичные, непредсказуемые, быстрые изменения). Структура сложной системы является многоуровневой, со множеством связей и взаимодействий между уровнями, последствия (эффекты) которых для существования системы пока остаются малоизученными (рис. 1).

Подобным же образом новая концептуализация чувствительности основана на моделях «риск/опасность» (risk/threat) и «воздействие-и-освобождение / восстановление» (impact–release) в экологических и социальных системах. Такой комплексный подход позволяет анализировать как процессы, происходящие в СЭС, так и их способность отвечать на опасности, которые могут проистекать как из самих этих систем, так и из внешнего для них мира (быть для них внешними) [7; 8].

⁸ Berkes F., Folke C. Linking social and ecological systems: Management practices and social mechanisms for building resilience. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 459 p.; Gallopin G. C., Gutman P., Maletta H. Global impoverishment, sustainable development and the environment: a conceptual approach // International Social Science Journal. 1989. No. 121. Pp. 375–397.

Р и с. 1. Упрощенная модель панархии систем (по Л. Гандерсону и К. Холлинг) /
Fig. 1. Simplified model of panarchy of systems (according to L. H. Gunderson and C. S. Holling)

Необходимость включить в рассмотрение данные исследований климатических изменений последних лет привели к определенной смене приоритетов в изучении СЭС в сторону понимания их способности к адаптации и механизмов адаптации⁹. В литературе идеи адаптации, адаптивности и способности к адаптации (adaptability) появились гораздо раньше, чем концепции устойчивости и связанных с ней прочности (robustness) и уязвимости (vulnerability). В биологических науках проблема адаптации (на различных уровнях, от особи до видов) ставилась еще Ч. Дарвином, в общественных – стала обсуждаться в экологии культуры 1940–50-х гг.¹⁰ В исследованиях последних лет адаптация определяется как процесс структурных изменений в системе в ответ на

⁹ Resilience and sustainable development: Building capacity in a world of transformation / C. Folke [et al.] // Scientific background paper on resilience for the process of the World Summit on Sustainable Development, the Environmental Advisory Council to the Swedish government, 2002.

¹⁰ Steward J. Theory of culture change. Urbana : University of Illinois Press, 1955. 248 p.; White L. A. The science of culture: A study of man and civilization. NY : Farrar, Straus and Giroix, 1949. 363 p.

изменения внешней среды, адаптивность характеризуется степенью, с которой отдельная динамическая структура справляется с изменяющейся средой, и, наконец, способность системы адаптироваться к будущим изменениям среды, в которой данная система существует [1; 9]. Если система не адаптируется к изменениям, она трансформируется, т. е. меняет структуру и, соответственно, вектор своего развития [9; 10]. Многоуровневая устойчивость является важной для понимания взаимодействия между сопротивлением (persistence) системы воздействиям и ее изменением, и между адаптацией системы и ее трансформацией, подразумевая под последней переход через определенное пороговое состояние. При этом устойчивость не становится препятствием для развития инноваций, как это может показаться, а, напротив, включает динамичную способность системы противостоять влиянию негативных стрессоров и сохранять возможность поддержания и улучшения экосистемных функций, социального развития и благосостояния людей посредством самоорганизации и обучения¹¹ [9; 11].

В пору своего становления теория СЭС применялась для относительно небольших экосистем и живущих в них местных сообществ. Однако к настоящему времени уже очевидно, что в связи с ускорением и усилением человеческой деятельности на планете она стала одним из природообразующих факторов на глобальном уровне, следовательно, рассматривать природное и социальное в отрыве друг от друга нерационально даже для чисто аналитических целей¹² [1]. Проведенные в последние годы исследования в области как естественных, так и общественных наук все более ясно демонстрируют, что устойчивость экосистем на разных уровнях, и планетарной экосистемы на глобальном, невозможна без соответствующих социальных изменений – широкомасштабного внедрения новых ресурсосберегающих технологий, изменений паттернов потребления, повышения роли охраны и восстановления природных систем и т. д.¹³ [12].

Этот новый акцент на адаптации и адаптивности СЭС привел к возникновению понятий «адаптивного управления» (adaptive management, позднее – adaptive governance [11; 13; 14]) и «управления устойчивостью» (resilience management). Оба понятия имеют достаточно близкий смысл и подразумевают такое управление СЭС, которое поддерживало бы ее

¹¹ Resilience and sustainable development: Building capacity in a world of transformation.

¹² Holling C. S. Resilience and stability of ecological systems // Annual Review of Ecology and Systematics. 1973. No. 4. Pp. 2–23.

¹³ Ostrom E. Sustainable social-ecological systems: An impossibility? // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2007. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/c546/a1a26b8f89c849e803fe2dae404734aedc46.pdf> (дата обращения: 25.05.2013).

в желаемом состоянии и удерживало бы от нежелаемого. Понятия «управление» и «желаемое состояние» подразумевают активное вовлечение социума в поддержание функций экосистем и одновременно позволяют осознать, что, в принципе, именно социальная составляющая СЭС ответственна за идентификацию пороговых состояний (видимо, на принципах приемлемости-неприемлемости таких состояний для самого социума) и за поддержание или переход таких порогов, т. е. за вектор развития экосистем. Известно, что управление может улучшить или ухудшить устойчивость систем, например, ригидные механизмы контроля, направленные на стабилизацию, в конечном итоге, размывают устойчивость и ускоряют кризис в СЭС¹⁴. [9]. Для поддерживающего и укрепляющего устойчивость управления необходимы гибкие механизмы, разрешающие инновации и дающие возможность открыто учиться на предшествующем опыте [10]. Кроме того, необходимо четко осознавать, устойчивость чего к чему и, конечно, для чего мы хотим поддерживать [15].

В практическом смысле концепция СЭС направлена на понимание и оценку (в том числе и в количественном выражении) пороговых состояний экосистем, указывая тем самым момент (или скорее промежуток) времени, когда изменения становятся необратимыми и экосистема переходит в качественно новое состояние. Таким образом, данная концепция предоставляет широкие возможности не только для анализа существующей ситуации, но и для прогнозирования последующего развития ситуации при различных социально-экономических и климатических сценариях. Это позволяет добавить анализу систем временную перспективу, увидеть более полную картину происходящих в ней изменений и расширить спектр возможностей для принятия решений и управления, обеспечивая таким образом необходимую связь между наукой и практикой. Важность подобных прогнозов связана с принимаемыми сегодня решениями об использовании экосистем, поэтому вмешательство в их деятельность приводит к разнобразным, проявляющимся не одновременно, переменам¹⁵. Некоторые изменения могут стать очевидными по прошествии небольшого периода времени после воздействия, в то время как другие могут иметь отложенные и не сразу очевидные последствия долговременного характера (как, например, влияние зарегулирования речного стока на биоразнообразии Каспийского моря) [16].

Таким образом, концепция социально-экологических систем ставит во главу угла взаимозависимость и постоянное взаимодействие между социумом и экосистемой, в которой он существует, принимая во внимание нелинейную динамику их развития в пространственно-временном континууме.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Природопользование и устойчивое развитие. Мировые экосистемы и проблемы России.

Рассмотрим приведенные выше теоретические положения на примере социально-экологической системы конкретного российского региона – Астраханской области. С одной стороны, состояние экосистемы и, прежде всего, качество воды и воздуха, оказывают непосредственное влияние на здоровье, работоспособность людей и, соответственно, на развитие территориальной общности в целом. Учет природных факторов в более широком контексте с использованием концепта «глобальное природно-экологическое поле» позволяет существенно уточнить реальную картину жизнедеятельности людей¹⁶ [17]. С другой стороны, субъективные оценки населением экологической системы могут изменяться под воздействием не только объективных состояния окружающей среды, но и более широкого перечня факторов (социальное самочувствие, материальное положение, качество жизни и т. п.)¹⁷. Таким образом, социально-экологическую систему региона можно рассматривать как часть более широкой системы – социокультурной.

Материалы и методы. В качестве методов использовались анализ статистической информации, а также результатов мониторингового социологического исследования под руководством Е. В. Каргаполовой в Астраханской области методом интервью по месту жительства по типовый методике Всероссийской научно-исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (руководители и разработчики инструментария на федеральном уровне – Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, ЦИСИ ИФ РАН). Работа проводилась в несколько этапов: первый этап проходил в декабре 2009 г. (n = 1000), второй – в мае – июне 2012 г. (n = 600), третий – в апреле – мае 2016 г. Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотируемые признаки: «пол», «возраст», «тип поселения», «этническая структура». Погрешность выборки составила 3 %. Обработка и анализ данных производились с помощью программного комплекса SPSS 17.0.

Инструментарий типовой методики включает в себя вопросы интервью, посвященные различным аспектам жизнедеятельности региона¹⁸ [18]. В данной статье мы анализируем ответы астраханцев на вопросы о качестве воды и воздуха, социальных опасностях, самооценке здоровья и материального положения.

¹⁶ Социокультурное пространство региона: методология исследования / Н. В. Дулина [и др.]. Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2011. С. 54.

¹⁷ Токарев В. В., Дулина Н. В. Мониторинг общественно-политической ситуации в Волгоградской области: опыт прикладного исследования. Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2011. 253 с.; Миронова Ю. Г. Экологическая ситуация в регионе: социальные факторы и механизмы формирования. Астрахань : Астрахан. гос. ун-т, 2009. 102 с.

¹⁸ Астраханская область в процессах модернизации на социокультурной карте России (опыт системного анализа) / Д. П. Ануфриев [и др.]; под общ. ред. Е. В. Каргаполовой. Астрахань : АГАСУ, 2017. 378 с.

Проведен также сравнительный анализ результатов исследования, полученных в Астраханской области, и опросов, прошедших в других регионах России по аналогичной методике (в частности, в Курской и Тюменской областях)¹⁹ [19]. Это позволяет повысить достоверность полученных результатов.

Результаты исследования. Для объективной оценки состояния социально-экологической системы Астраханской области мы проанализировали статистическую информацию о состоянии атмосферного воздуха и воды. Благоприятным, с точки зрения экологии, является тот факт, что с 1990 г. по 2016 г. сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты Астраханской области (как и всех регионов Южного федерального округа) снизился, но при этом сократилось и использование свежей воды: в округе в целом, в Адыгее, Калмыкии, Краснодарском крае, Ростовской области – в два раза, по Волгоградской области – практически втрое. В Астраханской области за исследуемый период использование свежей воды снизилось с 2 335 млн куб. м. до 794 млн куб. м., т. е. в 2,9 раза. Это самая значительная динамика среди субъектов ЮФО²⁰.

По выбросам загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, по округу в целом произошло снижение в два раза. Незначительный в количественном выражении рост выбросов произошел в Адыгее и Калмыкии. В Ростовской, Волгоградской областях и Краснодарском крае наблюдается уменьшение данного показателя в масштабах, соотнесенных с показателями по округу в целом. В Астраханской области выбросы в атмосферу за период 1990–2014 гг. увеличились почти на 20 %, а в период 2005–2013 гг. – практически на треть. Необходимо отметить, что и в 2016 г. Астраханская область продолжает оставаться единственным субъектом Южного федерального округа, в котором уровень выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух превышает уровень 1990 г.²¹

Таким образом, неблагоприятная экологическая обстановка в Астраханской области является проблемой-вызовом ее существованию как социально-экологической системы, несмотря на спад производства и реализацию природоохранных мероприятий федерального и региональ-

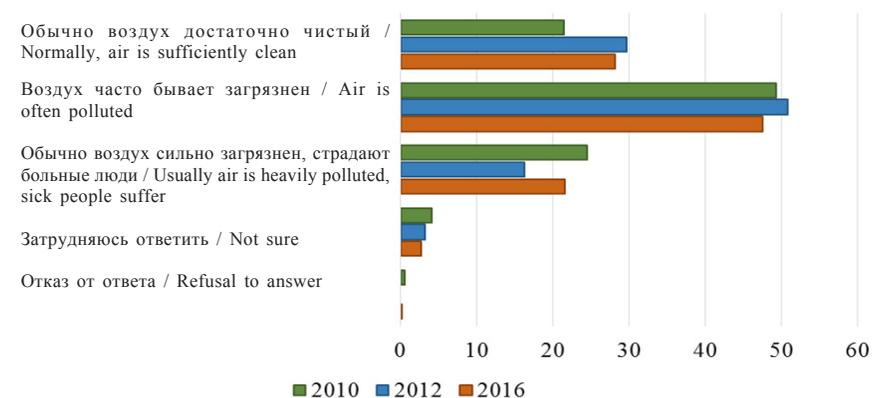
¹⁹ Курская область на социокультурной карте России : моногр. / Е. А. Когай [и др.]. Курск : Курская городская типография, 2015. 236 с.; Социокультурный портрет Тюменской области: коллектив. моногр. / науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Юдашкин. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2011. 356 с.

²⁰ Регионы России: социально-экономические показатели. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/bgd/regl/b10-14p/Main.htm> (дата обращения: 28.09.2017); Регионы России: социально-экономические показатели. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/bgd/regl/b17-14p/Main.htm> (дата обращения: 28.09.2017).

²¹ Там же.

ного уровней. При этом общественное мнение отражает региональную экологическую обстановку на конкретном этапе, однако степень объективности этого процесса зависит от степени участия населения в решении экологических проблем региона и уровня его осведомленности²².

В ходе проведения мониторингового социологического исследования была получена оценка качества воздуха и воды населением. Так, в 2010 г. только около четверти жителей области считали воздух в регионе чистым. В 2012 г. эта категория существенно увеличилась – на 8 %. В 2016 г. данная категория осталась неизменной. В 2012 г. снизилась также доля тех астраханцев, которые считают, что воздух обычно сильно загрязнен (с 24 до 16 %). По результатам трех волн около половины (47–51 %) астраханцев считают, что воздух обычно загрязнен (см. рис. 2).

Р и с. 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, чистый ли воздух в Вашем городе/селе или он сильно загрязнен?» (% ответивших)

F i g. 2. Distribution of answers to the question “Do you think that the air in your city / village is clean or is it heavily polluted?” (% of respondents)

Женщины за весь период исследования более критичны в оценке воздуха в регионе, чем мужчины. Наиболее оптимистичны в оценке воздуха граждане, не состоящие в браке, наиболее пессимистичны – разведенные люди и вдовцы/вдовы. Что касается типа поселения, то наиболее оптимистично по поводу чистоты воздуха высказались жители деревень и малых городов, наиболее пессимистично жители областного центра –

²² Миронова Ю. Г. Экологическая ситуация в регионе: социальные факторы и механизмы формирования.

г. Астрахани. Чем выше уровень материального положения, тем меньше пессимизма в оценке состояния воздуха в регионе. При этом объективно индекс загрязнения атмосферного воздуха (ИЗА), по данным Государственных докладов о состоянии окружающей среды в Астраханской области за соответствующие годы, составил в 2012 г. 9,8²³, что почти в 1,5 раза выше, чем в 2009 г. (6,3)²⁴. В 2016 г. ИЗА снизился более, чем в два раза по сравнению с 2012 г., составив 4,2²⁵.

Таким образом, увеличение доли оптимистичных оценок состояния воздуха в регионе входит в противоречие с информацией о росте выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и ее загрязнении. Увеличение этой доли наблюдается как у мужчин, так и у женщин, но в большей степени – у мужчин. Среди групп, дифференцированных по состоянию в браке, эта тенденция не наблюдается только у разведенных. По типу поселения данная тенденция затронула все группы и в большей степени – жителей малых городов и поселков городского типа, в меньшей – областного центра и деревень. Среди возрастных групп данная тенденция не просматривается только среди взрослого населения. По материальному положению увеличение доли позитивных оценок состояния воздуха в большей степени фиксируется среди «зажиточных» и «необеспеченных», а среди «нищих» и «богатых» практически не изменяется²⁶.

За период мониторингового исследования увеличилась также доля позитивных оценок состояния воды, что снова входит в противоречие с информацией о качестве поверхностных вод в Астраханской области, которые используются для водоснабжения и, по данным государственных докладов, во все три периода характеризуются как «грязные»²⁷. Таким образом, наблюдаются некоторые различия между оценками и мнениями

²³ Доклад об экологической ситуации в Астраханской области в 2013 году [Электронный ресурс]. Астрахань. 2014. URL: <https://nat.astrobkl.ru/service/doklady> (дата обращения: 07.04.2015).

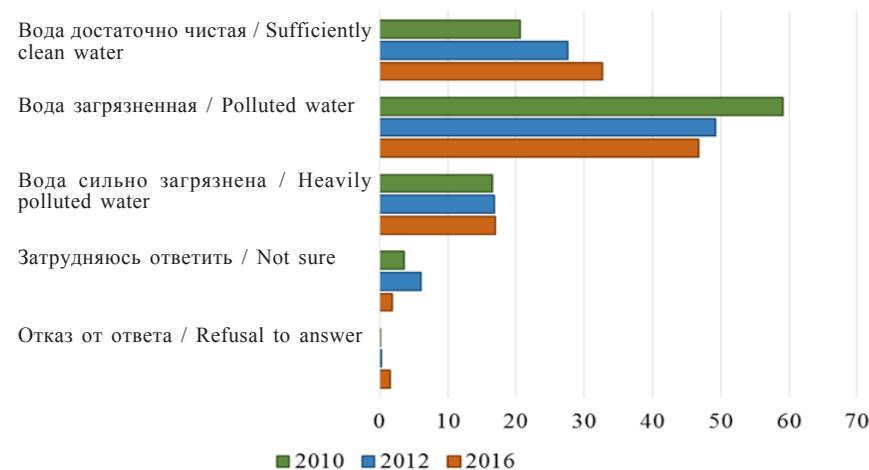
²⁴ Доклад об экологической обстановке на территории Астраханской области в 2010 году [Электронный ресурс]. Астрахань. 2011. URL: <https://nat.astrobkl.ru/service/doklady> (дата обращения: 27.03.2014).

²⁵ Доклад об экологической ситуации в Астраханской области в 2016 году [Электронный ресурс]. Астрахань. 2017. URL: <https://nat.astrobkl.ru/service/doklady> (дата обращения: 14.07.2017).

²⁶ Здесь и далее: «богатые» – это респонденты, которые на вопрос «Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение сегодня – Ваше, Вашей семьи?» выбрали вариант ответа «Практически ни в чем себе не отказываем», «зажиточные» – «Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи», «обеспеченные» – «В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг», «необеспеченные» – «На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна», «бедные» – «На повседневные затраты уходит вся зарплата», «нищие» – «Денег не хватает на повседневные затраты». Характеристика дана по: Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФ РАН, 2010. 111 с.

²⁷ См., напр., доклады об экологической ситуации в Астраханской области в 2010, 2013, 2016 гг. URL: <https://nat.astrobkl.ru/service/doklady> (дата обращения: 14.07.2017).

населения по качеству воды и оценками, приведенными в официальных документах. Так, по данным проведенных нами опросов, если в 2010 г. воду считал достаточно чистой каждый пятый, в 2012 г. – каждый третий-четвертый, то в 2016 г. – уже каждый третий астраханец. При этом доля астраханцев, которые наиболее категоричны в оценке качества воды, остается неизменной – это примерно каждый шестой, а уменьшается количество тех жителей региона, которые выбрали вариант «вода загрязнена» (с 59 до 47 %) (см. рис. 3).

Р и с. 3. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, чистой ли воду Вы пьете и используете при приготовлении пищи?» (% ответивших)

F i g. 3. Distribution of answers to the question “Do you think that the water you drink and use when cooking is clean?” (% of respondents)

Более критичными в оценке качества воды, также как и состояния воздуха, оказались женщины. Хотя при оценке состояния воздуха гендерные различия проявлялись в большей степени. Наиболее оптимистично оценивают качество воды не состоящие в браке, жители малых городов и «богатые». Увеличение позитивных оценок качества воды в равной степени коснулось и мужчин, и женщин, затронуло все группы, дифференцированные по состоянию в браке, но в большей степени – в браке не состоящих. По типу поселения данная тенденция больше всего фиксируется среди жителей деревень, но практически не прослеживается среди населения поселков городского типа. Увеличение доли оптимистов затронуло практически все группы астраханцев, дифференцированные по возрасту и материальному положению.

Тенденцию увеличения доли оптимистичных оценок качества воздуха и воды интересно сопоставить с динамикой субъективных оценок астраханцами своего здоровья. Так, в 2010 г. на вопрос «Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?» 28,3 % астраханцев ответили «нормальное здоровье, пока не жалуюсь». В 2012 г. эта категория увеличилась до 45 %, в 2016 г. – несколько снизилась, но продолжает оставаться наиболее значительной: здоровыми себя считают 40 % респондентов. Хотя в 2010 г. наиболее значительной была категория опрошенных, выбравших вариант «временами болею» (44 %). В 2012 г. эта категория снизилась до 31 %, в 2016 г. повысилась, составляя 38 %, но не достигла значения 2016 г. Вариант «часто болею» в 2010 г. выбрали 12 % астраханцев, в 2012 – 11, в 2016 г. – 10 %. Вариант «хронический больной» за весь период исследования стабильно выбирает примерно каждый десятый астраханец (10 % – в 2010 г., 9 – в 2012 и 10 % – в 2016 г.), вариант «инвалид» – 4 % в 2010 г., 2 – в 2012, 1 % – в 2016 г. Таким образом, динамика субъективной оценки состояния здоровья у астраханцев, как и оценки состояния воздуха и воды, имеет позитивную направленность.

Одна из возможных причин такой значительной структурной трансформации социально-экологической системы региона кроется в изменении структуры социальных рисков-опасностей, которая, в свою очередь, является структурным элементом социального самочувствия населения (более подробно мы говорим об этом в некоторых ранее изданных работах²⁸ [18]). Экологическая угроза за весь период исследования в регионе входит в пятерку самых острых социальных опасностей. Однако при этом ее значимость в структуре социальных опасностей, достигнув максимума в 2012 г., к 2016 г. существенно снизилась. На первое место в 2016 г. вышла социальная опасность бедности, причем вышла с таким значительным отрывом, что остальные острые социальные опасности, включая и экологические проблемы, и преступность, и произвол чиновников и правоохранительных органов, «померкли» на ее фоне, отошли далеко на второй план.

Необходимо также подчеркнуть, что снижение экологической угрозы как риска-опасности социально-экологической системы, а также увеличение позитивных оценок состояния воздуха и воды наблюдается и в других регионах России, в которых проводилось социологическое исследование по аналогичной методике²⁹. Как отмечают авторы монографии, подготовленной по результатам опросов в Тюменской области, «оценка

²⁸ Астраханская область в процессах модернизации...

²⁹ Курская область на социокультурной карте России

экологической угрозы прямо связана с уровнем образования человека и отступает на второй план перед прямыми угрозами: преступностью, бедностью, произволом чиновников»³⁰.

Обсуждение и заключения. В заключение можно сделать вывод о разбалансировке социально-экологической системы Астраханской области, ее неустойчивом состоянии. Это проявляется в разрыве между объективным состоянием экологической составляющей системы и ее оценкой со стороны населения, в которой игнорируется ухудшение экологической обстановки в регионе. Выявленная тенденция требует дальнейшего изучения и не может однозначно интерпретироваться.

С одной стороны, население области демонстрирует поведение, типичное для потребительского общества, когда экономические интересы преобладают над всеми остальными [19]. С другой стороны, возможно, что население настолько озабочено проблемой бедности и выживания, что экологическая угроза отступает на второй план. Данные мониторинга свидетельствуют о том, что по самооценке материального положения с 2012 по 2016 г. доля «бедных» выросла с 14 до 19 %, «необеспеченных» – с 17 до 23 %³¹. По данным статистики реальные денежные доходы населения региона в 2015 и 2016 гг. снизились по сравнению с 2014 г. С 2013 по 2016 г. доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума увеличилась с 12 до 16 % от общей численности населения³². Когда на первом плане стоят проблемы выживания, то горизонт планирования минимален, снижается уровень притязаний. Поскольку население – часть всей этой системы – то отклонение становится для него уже нормой.

Имеются все предпосылки к сохранению неустойчивого состояния системы в целом. В терминах модели панархии СЭС Астраханской области, скорее всего, находится в фазе накопления изменений (см. рис. 1), где происходит постепенное расшатывание системы, а, возможно, – близка к границе фазы реорганизации, которая в экологическом плане означает переход экосистемы региона к более устойчивому состоянию за счет ее упрощения. Это подтверждается и снижением рыбных запасов, угрозами биоразнообразию региона и многими другими негативными явлениями в окружающей среде, о которых уже давно бьют тревогу экологи. Становится понятным, что в таких условиях одними административными мерами по экологическому регулированию не обойтись³³. Как никогда

³⁰ Социокультурный портрет Тюменской области.

³¹ Астраханская область в процессах модернизации... С. 185–186.

³² Регионы России: социально-экономические показатели. 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (дата обращения: 28.09.2017).

³³ Израэль Ю. А. Экология и контроль природной среды; Ostrom E. Sustainable social-ecological systems: An impossibility?

становится необходимым внедрение принципов адаптивного управления, о котором говорилось в теоретической части статьи. Одним из приоритетных направлений по внедрению таких принципов представляется воспитание экологической культуры, что является средством активного вовлечения социума в поддержание функций экосистемы региона. Однако предметная разработка методических рекомендаций по внедрению принципов адаптивного управления является задачей другого уровня, для решения которой требуется, прежде всего, привлечение потенциала аппарата административного управления.

Таким образом, практическая значимость исследования заключается в анализе экологических процессов в Астраханской области с точки зрения системного подхода, позволяющего интегрировать социальную и экологическую составляющие. Результаты могут быть востребованы для прогнозирования изменений в социально-экологической системе региона. Кроме того, представляется возможным использование результатов при разработке программ управления экологической ситуацией в регионе, воспитания экологической культуры населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. The globalization of socio-ecological system: an agenda for scientific research / O. R. Young [et al.] // *Global Environmental Change*. 2006. No. 16. Pp. 304–316. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2006.03.004>
2. Нелинейные взаимодействия и их моделирование в социально-экологических системах / С. Н. Волкова [и др.] // *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. 2016. № 2. С. 77–80. URL: <http://www.journal-kgsha.ru/current-issues> (дата обращения: 14.06.2018).
3. Моисеенко Т. И. В. И. Вернадский и экологические проблемы современности // *Вестник Тюменского государственного университета*. Экология. 2013. № 12. С. 10–20. URL: <https://vestnik.utmn.ru/nature/vypuski-arhiv/biogeochemistry/2013/114116/> (дата обращения: 14.06.2018).
4. Урсул А. Д., Урсул Т. А. Экология, безопасность, развитие: теоретико-методологические проблемы. Статья первая // *Геополитика и безопасность*. 2011. № 3 (15). С. 29–37. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22284038> (дата обращения: 14.06.2018).
5. Gunderson L. H., Holling C. S. *Panarchy: Understanding transformations in human and natural systems*. Washington : Island Press, 2002. 536 p. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0006-3207\(03\)00041-7](https://doi.org/10.1016/S0006-3207(03)00041-7)
6. Hamilton C. Why we resist the truth about climate change? // *Climate controversies: Science and politics*. Brussels, 28 October 2010. URL: <http://climatecontroversies.ulb.ac.be/wp-content/uploads/slides/hamilton.pdf> (дата обращения: 14.06.2018).

7. Mapping vulnerability to multiple stressors: climate change and globalization in India / K. O'Brien [et al.] // *Global Environmental Change*. 2004. Vol. 14, no. 4. Pp. 303–313. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2004.01.001>

8. Science and technology for sustainable development special feature: a framework for vulnerability analysis in sustainability science / B. L. Turner [et al.] // *Proceedings of the US National Academy of Sciences*. 2003. Vol. 100, no. 14. Pp. 8074–8079. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1231335100>

9. Resilience thinking: Integrating resilience, adaptability and transformability / C. Folke [et al.] // *Ecology and Society*. 2010. Vol. 15, no. 4. Pp. 20–28. URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol15/iss4/art20> (дата обращения: 14.06.2018).

10. Pahl-Wostl C. *Water governance in the face of global change: From understanding to transformation*. Cham : Springer International Publishing, 2015. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-21855-7>

11. Hasselman L. Adaptive management; adaptive co-management; adaptive governance: what's the difference? // *Australasian Journal of Environmental Management*. 2016. Vol. 24, no. 1. Pp. 31–46. DOI: <https://doi.org/10.1080/14486563.2016.1251857>

12. Clifton D. Progressing a sustainable world: A socio-ecological resilience perspective // *Journal of Sustainable Development*. 2010. No. 3 (4). Pp. 74–96. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.678.7611&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 14.06.2018).

13. Adaptive governance of social-ecological systems / C. Folke [et al.] // *Annual Review of Environment and Resources*. 2017. Vol. 30, no. 1. Pp. 441–473. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.energy.30.050504.144511>

14. Governance for drought resilience. Land and water drought management in Europe / H. Bressers, N. Bressers, C. Larrue (Eds.). Heidelberg : Springer Open, 2016. 266 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-29671-5>

15. From Metaphor to Measurement: Resilience of What to What? / S. Carpenter [et al.] // *Ecosystems*. 2001. Vol. 4, issue 8. Pp. 765–781. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10021-001-0045-9>

16. Островская Е. В. Экологическая безопасность и проблемы адаптивного управления природными ресурсами Каспийского моря // *Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе*. 2011. № 10. С. 10–13. URL: <http://www.vniioeng.ru/inform/green/sod46> (дата обращения: 14.06.2018).

17. Естрина О. В. Природно-экологическое поле региона // *Известия Волгоградского государственного технического университета*. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. 2011. Вып. 10, № 3. С. 106–108. URL: <http://vstu.ru/uploadiblok/files/izvestiya/archive/6/2012-03.pdf> (дата обращения: 14.06.2018).

18. Каргаполова Е. В. Социальные опасности: региональное измерение // *Primo Aspectu*. 2017. № 1 (29). С. 9–16. URL: [http://vstu.ru/uploadiblok/files/primo-aspectu/Primo%20aspectu%20%E2%84%96%201%20\(129\)%20-%202017.pdf](http://vstu.ru/uploadiblok/files/primo-aspectu/Primo%20aspectu%20%E2%84%96%201%20(129)%20-%202017.pdf) (дата обращения: 14.06.2018).

19. Давыденко В. А., Ромашкина Г. Ф. Оценки восприимчивости к компонентам социального пространства и к уровням экологических угроз // Социальное пространство. 2017. № 3. (10). С. 1–18. URL: <http://sa.isert-ran.ru/article/2308/full> (дата обращения: 14.06.2018).

Поступила 05.07.2018; принята к публикации 27.07.2018; опубликована онлайн 28.09.2018.

Об авторах:

Островская Елена Васильевна, директор ФГБУ «Каспийский морской научно-исследовательский центр» (414045, Россия, г. Астрахань, ул. Ширяева, д. 14), кандидат географических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0847-430X>, eostrovskaya@mail.ru

Дулина Надежда Васильевна, профессор кафедры социологии ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» (400062, Россия, г. Волгоград, пр-т Университетский, д. 100), доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@volsu.ru

Каргаполова Екатерина Владимировна, профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» (414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а), доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2892-3953>, Researcher ID: O-6734-2017, k474671@list.ru

Миронова Юлия Германовна, заведующий кафедрой социологии ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» (414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1291-258X>, lysjakova@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Островская Елена Васильевна – проведение критического анализа теоретического материала; анализ концепции; подготовка первоначального варианта текста; интерпретация результатов эмпирического исследования.

Дулина Надежда Васильевна – критический анализ и доработка текста; формализованный анализ данных; анализ научной литературы по проблематике статьи; курирование полученных данных.

Каргаполова Екатерина Владимировна – научное руководство; организация и проведение эмпирического исследования, интерпретация его результатов; окончательная доработка текста статьи.

Миронова Юлия Германовна – подготовка начального варианта текста; формализованный анализ данных; анализ научной литературы по проблематике статьи.

Для цитирования:

Социально-экологическая система региона: тенденции и противоречия (на примере Астраханской области) / Е. В. Островская [и др.] // Регионоведение. 2018. Т. 26, № 3. С. 538–557. DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.538-557

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Young O.R., Berkhout F., Gallopin G.C., Janssen M.A., Ostrom E., Leeuw S. van der. The globalization of socio-ecological system: an agenda for scientific research. *Global Environmental Change*. 2006; 16:304-316. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2006.03.004>

2. Volkova S.N, Sivak E.E., Pashkova M.I., Shleenko A.V. [Nonlinear interactions and their model-ing in social-ecological systems]. *Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj selskokhozyajstvennoj akademii* = Bulletin of Kursk State Agricultural Academy. 2016; 2:77-80. Available at: <http://www.journal-kgsha.ru/current-issues> (accessed 14.06.2018). (In Russ.)

3. Moiseenko T. I. [V.I. Vernadsky and modern ecological problems]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekologiya* = Bulletin of Tyumen State University. Ecology. 2013; 12:10-20. Available at: <https://vestnik.utmn.ru/nature/vypuski-arhiv/biogeochemistry/2013/114116> (accessed 14.06.2018). (In Russ.)

4. Ursul A.D., Ursul T.A. [Environment, security, development: Theoretical and methodological problems (part I)]. *Geopolitika i bezopasnost* = Geopolitics and Security. 2011; 3(15):29-37. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22284038> (accessed 14.06.2018). (In Russ.)

5. Gunderson L.H., Holling C.S. Panarchy: Understanding transformations in human and natural systems. Washington: Island Press; 2002. 536 p. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0006-3207\(03\)00041-7](https://doi.org/10.1016/S0006-3207(03)00041-7)

6. Hamilton C. Why we resist the truth about climate change? *Climate controversies: Science and politics*. Brussels, 28 October 2010. Available at: <http://climatecontroversies.ulb.ac.be/wp-content/uploads/slides/hamilton.pdf> (accessed 14.06.2018). (In Russ.)

7. O'Brien K., Leichenko R., Kelkar U., Venema H., Aandahl G., Tomkins H., Javed A., Bhadwal S., Barg S., Nygaard L., West J. Mapping vulnerability to multiple stressors: climate change and globalization in India. *Global Environmental Change*. 2004; 14(4):303-313. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2004.01.001

8. Turner B.L., Kasperson R.E., Matson P.A., McCarthy J.J., Corell R.W., Christensen L., Eckley N., Kasperson J.X., Luers A., Martello M.L., Polsky C., Pulsipher A., Schiller A. Science and technology for sustainable development special feature: a framework for vulnerability analysis in sustainability science. *Proceedings of the US National Academy of Sciences*. 2003; 100(14):8074-8079. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1231335100>

9. Folke C., Carpenter S.R., Walker B., Scheffer M., Chapin T., Rockstrom J. Resilience thinking: Integrating resilience, adaptability and transformability. *Ecology and Society*. 2010; 15(4):20-28. Available at: <http://www.ecologyandsociety.org/vol15/iss4/art20> (accessed 14.06.2018).

10. Pahl-Wostl C. Water governance in the face of global change: From understanding to transformation. Cham: Springer International Publishing. 2015. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-21855-7>

11. Hasselman L. Adaptive management; adaptive co-management; adaptive governance: what's the difference? *Australasian Journal of Environmental Management*. 2016; 24(1):31-46. DOI:10.1080/14486563.2016.1251857

12. Clifton D. Progressing a sustainable world: A socio-ecological resilience perspective. *Journal of Sustainable Development*. 2010; 3(4):74-96. Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.678.7611&rep=rep1&type=pdf> (accessed 14.06.2018).

13. Folke C., Hahn T., Olsson P., Norberg J. Adaptive governance of social-ecological systems. *Annual Review of Environment and Resources*. 2017; 30(1):441-473. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.energy.30.050504.144511>

14. Bressers H., Bressers N., Larrue C. Governance for drought resilience. Land and water drought management in Europe. Heidelberg: Springer Open; 2016. 266 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-29671-5>

15. Carpenter S., Walker B., Anderies J.M., Abel N. From metaphor to measurement: Resilience of what to what? *Ecosystems*. 2001; 4(8):765-781. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10021-001-0045-9>

16. Ostrovskaya E.V. [Environmental safety and challenges for adaptive management of natural resources in the caspian sea region]. *Zashhita okruzhayushhey sredy v neftegazovom komplekse* = Environmental protection in the oil and gas sector. 2011; 10:10-13. Available at: <http://www.vniioeng.ru/inform/green/sod46> (accessed 14.06.2018). (In Russ.)

17. Estrina O.V. [Natural-environmental field of region]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya Problemy sotsialno-gumanitarnogo znaniya* = Bulletin of Volgograd State Technical University. Series: Issues of Social and Humanitarian Knowledge. 2011. 10(3):106-108. Available at: <http://vstu.ru/uploadiblok/files/izvestiya/archive/6/2012-03.pdf> (accessed 14.06.2018). (In Russ.)

18. Kargapolova E.V. [Social risk : the regional dimension]. *Primo Aspestu*. 2017; 1(29):9-16. Available at: [http://vstu.ru/uploadiblok/files/primo-aspectu/Primo%20aspectu%20%E2%84%96%20\(129\)%20-%202017.pdf](http://vstu.ru/uploadiblok/files/primo-aspectu/Primo%20aspectu%20%E2%84%96%20(129)%20-%202017.pdf) (accessed 14.06.2018). (In Russ.)

19. Davydenko V.A., Romashkina G.F. [Assessments of susceptibility to the components of social space and to the levels of environmental threats]. *Sotsialnoye prostranstvo* = Social Area. 2017; 3(10):1-18. Available at: <http://sa.isert-ran.ru/article/2308/full> (accessed 14.06.2018). (In Russ.)

Submitted 05.07.2018; accepted for publication 27.07.2018; published online 28.09.2018.

About the authors:

Elena V. Ostrovskaya, Director of the Caspian Marine Scientific and Research Center (14 Shiryayeva St., Astrakhan 414045, Russia), Ph. D. (Geography), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0847-430X>, eostrovskaya@mail.ru

Nadezhda V. Dulina, Head of the Department of Sociology, Volgograd State University (100 Universitetskiy Prospect, Volgograd 400062, Russia), Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@volsu.ru

Ekaterina V. Kargapolova, Professor, Department of Sociology, Astrakhan State University (20a Tatishcheva St., Astrakhan 414056, Russia), Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2892-3953>, Researcher ID: O-6734-2017, k474671@list.ru

Yulia G. Mironova, Head of the Department of Sociology, Astrakhan State University (20a Tatishcheva St., Astrakhan 414056 Russia), Ph. D. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1291-258X>, lysjakova@mail.ru

Contribution of the authors:

Elena V. Ostrovskaya – critical analysis of theoretical material; analysis of the concept; preparation of the original version of the text of the article; interpretation of the results of the empirical research.

Nadezhda V. Dulina – critical analysis and revision of the text; formalized data analysis; analysis of scientific literature on the subject matter of the article; supervision of the data obtained.

Ekaterina V. Kargapolova – scientific supervision; organization and conduct of empirical research; interpretation of the results of the empirical research; finalization of the text of the article.

Yulia G. Mironova – preparation of the initial version of the text; formalized data analysis; analysis of scientific literature on the subject matter of the article.

For citation:

Ostrovskaya E.V., Dulina N.V., Kargapolova E.V., Mironova Yu.G. Socio-Ecological System of a Region: Trends and Contradictions (the Case Study of the Astrakhan Region). *Regionologiya* = Regionology. 2018; 26(3):538-557. DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.538-557

All the authors have read and approved the final version of the manuscript.

Discussion and Conclusions. A high level of professional identity is inherent in more teachers with longer work experience, but the problem of age changes makes the professional recruitment of personnel into the school system urgent. The results obtained may serve as a stimulus for a more extensive study of the regional issues of modern teaching, including its 'social portraits', and may also be useful to the regional authorities dealing with the elaboration of education development programs.

Keywords: social well-being, professional well-being, teaching profession, region, reform of the education system

Acknowledgments. The paper has been prepared within the framework of the project of the Russian Foundation for Basic Research "The Social Portrait of Rural Teachers: Problems, Contradictions, Professional Deadlocks" (No. 18-011-00786 A).

Введение. Социальное самочувствие населения является своеобразным маркером эффективности реформ, проводимых в российском обществе, в здравоохранении, образовании, социальном и пенсионном обеспечении, особенно чувствительных для социальной сферы в целом. Несмотря на некоторое улучшение восприятия населением реформ в сфере образования¹, системные изменения в данной области к настоящему времени не завершены: как правило, область социальных практик отличается от социально проектируемых изменений в силу их идеального, а не реального состояния². Кроме того, все чаще ученые склоняются к необходимости учета социокультурного фона при модернизации образования, переходу от ее технократического этапа к социокультурному, требующему учета местного опыта в самоорганизации образовательных сообществ и школ [1].

Для нашей страны исследование социальных проблем учительства в российских регионах весьма значимо, поскольку российская глубинка всегда имела свои особенности. Концентрация населения в мегаполисах с их ресурсами и высоким темпом развития не снижает, а скорее повышает внимание научной общественности к изучению проблем периферии с учетом исторических изменений состояния социума. Данное обстоятельство в условиях структурных изменений, усиливающейся центростремительной миграции в российском обществе обостряет социальные проблемы школьного образования, связанные с социальным и профессиональным существованием учительства.

Проведение реформ в системе российского образования в настоящее время оценивается экспертами двояко. С одной стороны, они говорят об укреплении и модернизации материально-технической базы школы, повышении качества профессиональной подготовки учителей, развитии

¹ Школьный учитель. О школьном образовании и роли учителя [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/13786> (дата обращения: 20.04.2018).

² Розин В. М. Социальное проектирование (история вопроса) // Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации / отв. ред. В. М. Розин. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. С. 19.

негосударственного сектора образования. С другой стороны, современное российское образование по-прежнему сталкивается с проблемами системного характера, имеет множество недостатков (несовершенную систему оценивания, коррупцию, нехватку квалифицированных кадров) и поэтому требует дальнейшего реформирования. В связи с этим возникает вопрос о взаимосвязи эффективности реформ с такими показателями, как качество педагогических кадров, уровень и качество их жизни, готовность учителей выступить участниками процесса модернизации системы образования.

Таким образом, изучая социальное и профессиональное самочувствие учителей, мы можем проследить успешность проводимых за последние 25 лет реформ и спрогнозировать дальнейшие процессы в системе российского образования.

Цель статьи – на региональном уровне изучить содержательные и динамические характеристики формирования и проявления социального и профессионального самочувствия учительства как особой социально-профессиональной группы.

Обзор литературы. В отечественной социологии образования исследования, касающиеся проблем учительства как особой социально-профессиональной группы, берут начало в 1960-х гг. Важное место здесь занимают труды новосибирской школы социологов под руководством В. Н. Шубкина, посвященные престижности различных профессий, в том числе учителя³. Вплоть до середины 1990-х гг. количество социологических исследований, касающихся проблем учительства (структурных диспропорций, статусной рассогласованности, низкого уровня социального самочувствия и др.), постоянно увеличивалось. Содержание работ социологов по проблемам учительства этого периода представляло собой обобщение результатов социологических исследований и было направлено на практическое использование полученной информации⁴. К данному этапу относится также масштабное исследование, проведенное в 1993 г. коллективом НИИ регионологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева среди учителей Республики Мордовия, результатом которого стала монография «Учитель и общество»⁵.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. постепенно расширяется география проведения научных работ, связанных с проблемами учительства: появляются исследования учителей Якутии [2], Красноярского края [3], Московской [4] и Свердловской областей [5] и др.

С середины 2000-х гг. интерес социологов к учителям заметно снизился. Это связано с социальным заказом системе образования на

³ Шубкин В. Н. Социальные опыты. М.: Мысль, 1970. 256 с.

⁴ Собкин В. С. Российская школа на рубеже 90-х: социологический анализ. М.: Центр социологии образования РАО, 1993. 147 с.

⁵ Учитель и общество: Итоги анкетного опроса / НИИ регионологии. Саранск, 1993. 160 с.

активную стадию модернизации и реформирования профессионального (в первую очередь, высшего) образования. Тем не менее в рамках изучения изменений, происходящих в средней общеобразовательной школе, актуализируется проблематика, обусловленная как структурными характеристиками (старение кадров) российского учительства, так и сложностью адаптации учителей к многочисленным реформам и инновациям в системе образования [6; 7].

Следует отметить, что содержательные и динамические характеристики такого социально-профессионального сообщества, как школьные учителя, вновь актуализируются в рамках не только отечественного, но и мирового научного дискурса. Проблематика публикаций иностранных авторов различна: ученых из стран Западной Европы и США в первую очередь интересуют проблемы «субъективного характера» (профессионального выгорания [8], профессиональной изоляции⁶, нарушения профессиональной идентификации [9; 10], низкого социального статуса учительства [11] и др.), исследователей из развивающихся стран Африки и Азии – объективные вопросы кадрового и материального обеспечения, в первую очередь – в удаленных от центра районах [12; 13].

Работы отечественных ученых (в том числе авторов из стран постсоветского пространства) имеют свою специфику, обусловленную динамикой социальных реформ в сфере образования. Так, из поля зрения исследователей постепенно уходит экономическая проблематика, связанная с бедственным положением учителей на рубеже XX–XXI вв., на первый план выступает социально-психологическая: активно изучаются вопросы профессиональной идентичности, трудности профессиональной мотивации⁷ [14]. Не теряет своей актуальности также проблема социального самочувствия социально-профессиональных групп, занятых в сфере образования [15–18]. Например, анализ динамики социальных ориентиров и социального самочувствия российских учителей был проведен Д. В. Зерновым, А. А. Иудиным и А. А. Овсянниковым. Сравнительные результаты всероссийского опроса учителей в 2000 г. с результатами опроса учителей г. Нижнего Новгорода, проведенного в 2013 г., авторы замечают, что несмотря на улучшение качества жизни, учителя считают свое положение в обществе «не соответствующим той социальной роли учительства, которую оно выполняет и призвано выполнять» [7, с. 55].

К похожим выводам приходят И. Н. Смирнова и А. А. Смирнова. Исследуя особенности социального самочувствия учителей российской

провинции на примере Ивановской области, они констатируют: несмотря на общую достаточно высокую оценку своего социального самочувствия, учителя по-прежнему остаются низкостатусной и малоходной профессиональной группой, а «новые особенности системы реформирования образования только усиливают дифференциацию в положении учителей (по типу образовательного учреждения, стажу работы, доходу, возрасту, месту проживания)» [16, с. 53].

Таким образом, в научной литературе вопросы изучения социального самочувствия учителей как особой социально-демографической группы получили широкое освещение. Вместе с тем проблемы, связанные с изучением социального и профессионального самочувствия российских учителей на уровне региона сохраняют свою актуальность и требуют дальнейшего анализа.

Материалы и методы. Эмпирическая база исследования включает в себя количественные данные двух социологических опросов: «Учитель и общество»⁸, проведенного на территории Республики Мордовия в 1993 г., и исследования 2017 г., проведенного по аналогичной методике. В качестве объекта исследования выступили учителя Республики Мордовия. За 25 лет реформ объект исследования претерпел существенные изменения, прежде всего в количественных параметрах, поэтому авторы при определении выборочной совокупности учитывали как социально-демографическую, так и пространственную динамику генеральной совокупности. Вместе с тем социальные цели учительского сообщества, связанные с построением особых социокультурных пространств в городской и сельской подсистеме общества не потеряли своей актуальности.

Сравнительной базой послужил анкетный опрос учителей, работающих в городских и сельских школах Республики Мордовия. Выборка – квотная территориальная со случайным отбором первичных единиц опроса. Репрезентирующими признаками были место проживания, пол, возраст, стаж работы и национальность. В 1993 г. были опрошены 1 142 учителя школ, из них 75 % проживали в сельской местности. В 2017 г. опрос был проведен по квотно-территориальной выборке (n = 400) с сохранением ее структуры, а также учитывающий изменившиеся пропорции городских и сельских учителей (42 % против 58 %)⁹. Последний опрос выступает поисковым этапом для более масштабного исследования, планируемого в 2018–2019 гг. в рамках выполнения проекта РФФИ.

⁸ Учитель и общество...

⁹ В обоих случаях объем выборочной совокупности составляет не менее 5 % объема генеральной совокупности (в 1993 г. объем генеральной совокупности равнялся 12 тыс., в 2017 г. – 6 тыс. учителей). Таким образом, несмотря на существенное различие объема выборки, мы можем сопоставить полученные результаты.

В данной статье затронут лишь один из интересующих нас вопросов, а именно 25-летняя динамика различных показателей самочувствия учителей Республики Мордовия. В качестве индикаторов социального самочувствия использовались оценки удовлетворенности местом своего проживания, качеством жизни (материальным достатком, жизненным уровнем семьи, развлечениями и досугом, жилищными условиями, условиями работы, уровнем личной безопасности) и социальными связями (дружескими контактами, отношениями с членами семьи); индикаторов профессионального самочувствия – удовлетворенность своей профессией, взаимоотношениями с коллегами, руководством, условиями работы). Для обработки полученных данных использовались методы математической формализации, включая анализ данных и проверку статистических гипотез.

Для анализа факторов динамики социального самочувствия был использован индексный метод и рассчитаны частные индексы социального самочувствия¹⁰. В рамках разведывательного исследования, проведенного в 2017 г., мы опирались на анкету, разработанную коллективом НИИ регионологии в 1993 г., что несколько сузило эвристические возможности нашего исследования. Тем не менее на основании наличия внутренней согласованности между переменными, вычисляющими степень удовлетворенности различными сферами жизнедеятельности (альфа Кронбаха = 0,701) был сконструирован «обобщающий индекс социального самочувствия» как арифметическая средняя из всех частных индексов.

Характеристика генеральной совокупности. Предварительный анализ статистических данных, касающихся численности учителей Республики Мордовия, продемонстрировал значительное сокращение педагогических кадров в регионе ввиду демографических проблем. Как видно из таблицы 1, в 2016 г. численность учителей дневных государственных общеобразовательных организаций в Республике Мордовия составляла 6,9 тыс. чел. За 25 лет она сократилась более чем на 43 %. За этот же период число общеобразовательных учреждений уменьшилось на 53 %, а число учащихся – на 46 %. Сокращение удельного веса сельских школ с 87 до 78 % иллюстрирует известную тенденцию, обусловленную как депопуляцией сельского населения, так и процессами «укрупнения» сельских школ (табл. 1).

Произошедшее резкое возрастное изменение – постарение педагогического состава учителей общеобразовательных школ Республики Мордовия хорошо заметно при сравнении материалов опросов в 1993 и 2017 гг. (рис. 1).

¹⁰ Расчет частных индексов социального самочувствия строился следующим образом: из числа (процента) позитивных ответов вычиталось число негативных ответов, к полученному результату для удобства расчетов добавлялось 100. Таким образом, индекс изменяется в интервале от 0 до 200, причем значения индекса менее 100 указывает на преобладание отрицательных оценок.

Т а б л и ц а 1. Динамика показателей сферы образования в Республике Мордовия¹¹

Table 1. Dynamics of indicators of the sphere of education in the Republic of Mordovia

Показатели / Indicators	Годы / Years				
	1990/ 1991	1999/ 2000	2004/ 2005	2009/ 2010	2015/ 2016
Численность учителей / Number of teachers	12 155	13 526	12 862	8 458	6 895
Число школ, в том числе / Number of schools, including:	808	768	713	492	364
– в городских поселениях / in urban areas	102	121	118	98	88
– в сельской местности / in rural areas	706	647	595	394	283
Численность учащихся / Number of pupils	128 132	132 774	97 252	70 526	68 820

Отмечаются также изменения соотношения педагогов по стажу работы (табл. 2), а соответственно, их возрастной состав. Основу составляют учителя предпенсионного и пенсионного возрастов, что затрудняет формирование кадрового потенциала системы образования в ближайшие десять лет, особенно в сельской местности.

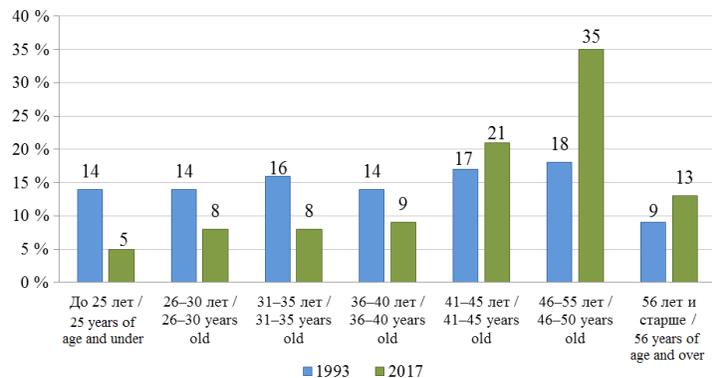
Т а б л и ц а 2. Распределение учителей по стажу педагогической работы¹²

Table 2. Distribution of teachers according to the length of teaching experience

Годы / Years	Стаж педагогической работы / Length of teaching experience				
	До 2 лет / Less than 2 years	От 2 до 5 лет / From 2 to 5 years	От 5 до 10 лет / From 5 to 10 years	От 10 до 20 лет / From 10 to 20 years	Свыше 20 лет / Over 20 years
1996	6,9	12,8	18,8	34,4	27,1
2000	5,8	10,4	18,2	33,1	32,6
2015	5,4	5,4	4,3	18,3	66,6

¹¹ Таблица составлена по данным официального сайта Мордовиястата. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 13.04.2018).

¹² Таблица составлена по данным статистического сборника «Образование в Республике Мордовия в цифрах и данных» (2000) и официального сайта Мордовиястата. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 13.04.2018).

Р и с. 1. Возрастная структура опрошенных учителей Республики Мордовия в 1993 и 2017 гг.

Fig. 1. Structure of the age groups of the interviewed teachers in the Republic of Mordovia in 1993 and 2017

В ходе проведенного опроса была получена дополнительная информация о социально-демографических характеристиках учительства: больше половины респондентов (58 %) – сельские учителя; 85 % – женщины; средний возраст респондента (модальный интервал) – 41–45 лет, стаж работы – 16–20 лет, образование – высшее педагогическое. Распределение опрошенных учителей по национальности репрезентировало этническую структуру населения Республики Мордовия: 60 % русских, 37 % мордвы и 3 % татар.

В целом социально-демографическая структура учительства (гендерное соотношение, уровень образования, семейное положение, национальный состав) за прошедшие 25 лет в Республике Мордовия не претерпела значительных изменений, за исключением роста доли пожилых учителей.

Результаты исследования. Социальное самочувствие – это интегральная категория, обладающая большим эвристическим потенциалом. В данной статье мы будем использовать определение В. М. Чугуенко и Е. М. Бобковой: социальное самочувствие – это «комплекс знаний и переживаний субъекта, связанный с оценкой социальных обстоятельств своей жизни в сравнении с другими людьми, а также собственным положением в прошлом и ожидаемом будущем» [19, с. 19]. Такая установка, по мнению исследователей, «определяет содержание анализа всего эмпирического материала во взаимосвязи исследований всех компонентов социального взаимодействия: ценностных ориентаций и ценностей, характеристики социального поведения, идентификационных стратегий, определение степени удовлетворенности реализацией жизненной стратегии, отношения к переменам и планирования важнейших событий» [19, с. 19].

Концепция социального самочувствия оказывается востребованной при рассмотрении профессиональных групп, в частности учителей, и позволяет идентифицировать их как субъектов социализации индивидов и формирования человеческого капитала¹³ [20]. Для измерения социального самочувствия педагогов часто применяются индикаторы социального благополучия как удовлетворенность статусом, профессиональной деятельностью, карьерой, а также социальной средой, формирующей пространство их взаимодействия.

Ретроспективный анализ результатов эмпирических исследований начала 1990-х гг., посвященных социальному положению учителей, рисует нам группу социальных аутсайдеров. Так, согласно данным массового опроса (n = 800), проведенного кафедрой общественных наук Татарского института усовершенствования учителей в конце 1988 – начале 1989 гг., 40 % педагогов выразили готовность поменять свою профессию, если бы была предоставлена такая возможность. «Объясняя причины неудовлетворенности своей профессией, учителя самой важной из них считают отсутствие внимания к материально-бытовым условиям жизни (56,0 %), отсутствие заметных успехов в народном образовании (41,3), неудовлетворительную материально-техническую базу школы (38,6), низкий уровень научно-методического обеспечения работы учителя (37,0), диктат руководства народным образованием (25,6), низкую заработную плату (20,6), морально-психологический климат в коллективе (17,7), отсутствие условий для творческой работы (17,3)»¹⁴.

Результаты исследования, проведенного коллективом НИИ регионологии в 1993 г., также демонстрируют достаточно низкий уровень удовлетворенности учителей всеми сферами своей жизнедеятельности: жизненным уровнем семьи, жилищными условиями, личной безопасностью и др. «Результаты исследования показывают, что абсолютное большинство опрошенных учителей недовольны своим материальным и социальным положением: около 90,0 % респондентов не устраивает заработная плата, 85,0 % отметили низкий жизненный уровень семьи, 71,1 % говорят об опасности для себя дальнейшего роста цен (это поставит их на грань нищеты)»¹⁵.

Эффект накопления учительского недовольства своим социальным положением отразился на принятии в 2012 г. главой государства политического решения («майских указов»), повлиявшего на уровень заработ-

¹³ Тощенко Ж. Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–34; Рубина Л. Я. Профессиональное и социальное самочувствие учителей // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 63–75.

¹⁴ Зиятдинова Ф. Г. Социальное положение учителя // Социологические исследования. 1990. № 1. С. 68.

¹⁵ Учитель и общество... С. 5.

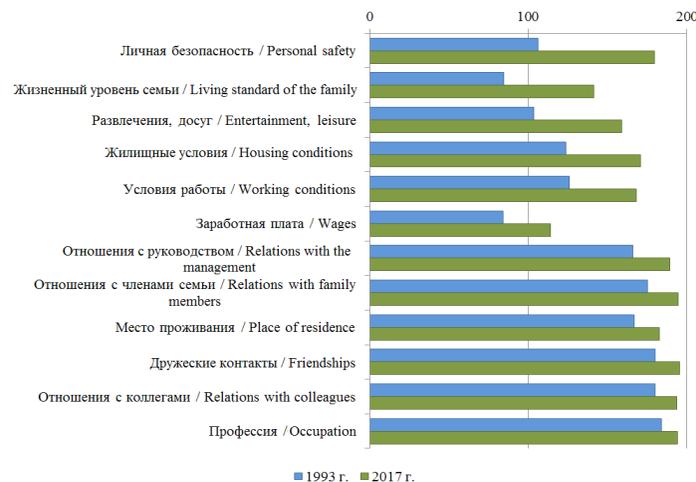
ной платы учителей (ее соотнесли с уровнем средней заработной платы в соответствующем регионе), введению стимулирующих механизмов в зависимости от квалификации учителя и его участия в модернизационных процессах. Следует подчеркнуть, что отношение учителей к своей профессии, к системе образования и ее реформированию, будучи выражением личного восприятия, отнюдь не является их личным делом. Это отношение во многом подчеркивает готовность профессионального сообщества к социальным изменениям, которые возникают на том или ином этапе развития общества, в частности, к модернизации образования в условиях определенных социумов, выполнению функции социализации.

Согласно полученным в 2017 г. данным, за прошедшие два десятилетия обобщающий индекс социального самочувствия учителей Республики Мордовия заметно вырос – со 140 до 174 пунктов. Сравнительный анализ частных индексов показал, что наибольшее влияние на рост обобщающего индекса оказали такие показатели, как удовлетворенность личной безопасностью (выросла на 74 пункта), жизненным уровнем семьи (на 57), развлечениями, досугом (на 56), жилищными условиями (на 47), условиями работы (на 43) и заработной платой (на 30). Таким образом, повышение удовлетворенности в данном случае связано как с общим улучшением социально-экономической ситуации в стране, так и с реформами отечественной системы образования (рис. 2).

Полученные результаты не противоречат аналогичным исследованиям российских ученых. «Стабильное экономическое развитие, которое демонстрирует наша страна на протяжении последнего десятилетия, периодическая индексация заработной платы учителей – все это привело к тому, что уровень социально-психологического самочувствия в данной социальной группе существенно вырос. Более половины учителей отмечают, что за последние 2–3 года их жизнь в целом улучшилась, а около десятой части даже заявляют, что жизнь стала гораздо лучше» [7, с. 45].

Как видно из рисунка 2, среди полученных индексов социального самочувствия можно выделить две большие группы – группу с высокой степенью изменчивости и группу стабильно высоких показателей. Первая группа объединяет в себе показатели качества жизни (личной безопасности, жизненного уровня семьи, развлечений и досуга, жилищных условий, условий работы, заработной платы). Особо заметен рост такого параметра, как «личная безопасность». В настоящее время школьные учителя более уверены в вопросах личной безопасности, чем в 1993 г. – процент ответивших, что их «вполне устраивает» личная безопасность, вырос на 52,5 % (с 32,6 % в 1993 г. до 85,1 % в 2017 г.).

При анализе индексов «качества жизни» отмечается разница в оценках городских и сельских учителей (рис. 3). Приведенные данные свидетельствуют, что в 1990-е гг. сельские учителя оценивали свое положение

Р и с. 2. Сравнение частных индексов социального и профессионального самочувствия учителей за 1993 и 2017 гг.

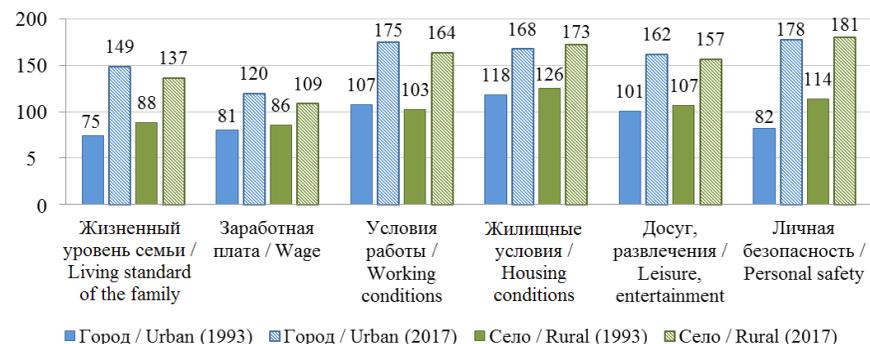
F i g. 2. Comparison of special indices of social and professional well-being of teachers for 1993 and 2017

по большинству представленных параметров (за исключением условий работы) чуть выше, чем городские коллеги; в 2017 г. по большинству параметров (за исключением жилищных условий и личной безопасности) лидируют городские учителя.

Структура «страхов и угроз» современного учителя также несколько изменилась. Полученные данные распределены в три группы по уровню их значимости (табл. 3). В первую группу вошли ответы, рейтинг которых оказался выше средней медианы (равной 6,8 % для данных за 2017 г. и 8,2 % – для 1993 г.), во вторую – ответы, которые отметили от 25 до 50 % респондентов, в третью – ответы, выбранные явным меньшинством (менее 25 %).

Как видно из таблицы 3, не изменился у опрошенных уровень опасений, касающихся роста цен, предательства близких людей, потери достоинства и прихода диктатуры. Выросли опасения, связанные с безработицей (с 8,2 % в 1993 г. до 13,7 % в 2017 г.), алкоголизмом и наркоманией (с 3,9 до 6,4 %). Снизился уровень обеспокоенности разгулом преступности (с 12,3 до 3,7 %).

На оценку учителями общественных угроз заметное влияние оказывает ряд факторов, в первую очередь, возраст. Так, «рост цен», «болезни» чаще отмечают респонденты в пенсионном возрасте, «безработицу» – в возрасте от 30 до 40 лет. Гендерные различия выявлены лишь в ча-

Р и с. 3. Динамика частных индексов качества жизни сельских и городских учителей по материалам опросов 1993 и 2017 гг.

Fig. 3. Dynamics of indices of quality of life of rural and urban teachers, based on the surveys conducted in 1993 and 2017.

стоте выбора такой общественной угрозы, как «приход диктатуры» (7 % мужчин против 1 % женщин).

Вторая группа индикаторов объединяет показатели, которые слабо зависят от внешних для человека обстоятельств – с 1990-х гг. они не изменили своих значений и характеризуются как стабильно высокие. Это удовлетворенность межличностными отношениями (отношения в семье, отношения с коллегами, начальством, дружеские связи), а также удовлетворенность профессией.

Необходимо заметить, что максимально высокие показатели удовлетворенности профессией (индекс вырос со 184 до 194 пунктов) указывают на специфику учительства как особой социально-профессиональной группы, обладающей высокой степенью профессиональной идентичности. Данный вывод подтверждается ответами учителей на другие вопросы анкеты. Так, согласно полученным данным, большинство ответивших на вопрос «Хотели бы Вы сменить профессию?» учителей демонстрируют приверженность выбранной профессии и не собираются менять ее в ближайшей перспективе (в 1993 г. – 75,8 %, в 2017 г. – 79,2 %). Следует отметить наличие статистически значимой зависимости ответов на вопрос «Хотели бы Вы сменить профессию?» от профессионального стажа респондентов. С увеличением стажа работы процент ответивших «нет» и «не знаю» снижается. Так, не хотят сменить профессию 63 % учителей со стажем менее 5 лет и 83 % учителей со стажем более 15 лет.

Таким образом, преобладающее большинство педагогов с профессиональным стажем свыше 15 лет во многом обуславливают высокий уровень показателей социального самочувствия современного

Т а б л и ц а 3. Динамика общественных угроз учителям по материалам опросов 1993 и 2017 гг.

Table 3. Dynamics of public threats for teachers, based on the surveys conducted in 1993 and 2017.

Уровни / Levels	1993	2017
1 уровень / level 1	Рост цен / Increase in prices Загрязнение окружающей среды / Pollution of the environment <i>Мафия, преступность*</i> / Mafia, crime Развал экономики / Collapse of the economy Неизлечимые болезни / Incurable diseases	Рост цен / Increase in prices Неизлечимые болезни / Incurable diseases <i>Безработица / Unemployment</i> Развал экономики / Collapse of the economy Загрязнение окружающей среды / Pollution of the environment
2 уровень / level 2	<i>Безработица / Unemployment</i> Гражданская война / Civil war Предательство со стороны близких / Betrayal on the part of relatives and friends	Гражданская война / Civil war <i>Алкоголь, наркотики / Alcohol, drugs</i> Предательство со стороны близких / Betrayal on the part of relatives and friends
3 уровень / level 3	<i>Алкоголь, наркотики / Alcohol, drugs</i> Потеря достоинства / Loss of dignity Приход диктатуры / Establishment of a dictatorship	<i>Мафия, преступность / Mafia, crime</i> Потеря достоинства / Loss of dignity Приход диктатуры / Establishment of a dictatorship

* Курсивом выделены варианты ответов, максимально изменившие свою позицию; остальные показатели либо не изменились, либо изменились незначительно / Italicized variants of answers changed their position as much as possible; the other indicators either did not change, or they changed insignificantly.

учительства. Безусловно, уровень социального самочувствия зависит от длительности пребывания в профессии и материального благосостояния профессиональной группы в сравнении с другими группами. Поэтому можно допустить, что при постепенном выбывании категории учителей, заставших сложный переходный период 1990-х гг., уровень социального самочувствия в группе в целом будет зависеть именно от указанных факторов.

Обсуждение и заключения. Основная цель исследования заключалась в изучении динамики социального и профессионального самочувствия учителей Республики Мордовия за прошедшие 25 лет. Опираясь на показатели социологических исследований 1993 и 2017 гг., мы апробировали новую (по сравнению с 1993 г.) модель анализа полученных данных (с использованием индексного подхода).

Результаты сравнительного анализа индексов социального и профессионального самочувствия учителей Республики Мордовия за 1993 и 2017 гг. позволили сделать следующие выводы.

Произошедшие реформы системы образования (в первую очередь те из них, что ориентированы на повышение материального благосостояния педагогов) достаточно позитивно отразились на социальном самочувствии учителя. Опрошенные учителя демонстрируют более высокий уровень удовлетворенности личной безопасностью, материальным достатком, жизненным уровнем своей семьи, развлечениями, досугом, жилищными условиями и условиями работы. Более оптимистичны старшие возрастные когорты учителей, которые имеют возможность сравнивать сегодняшние реалии с состоянием сферы образования в 1990-х гг.¹⁶

Профессиональное самочувствие у учителей лучше, чем самочувствие социальное, несмотря на ряд мер материального стимулирующего характера. Удовлетворенность профессией выступает не только идентификатором важной социальной роли, которую учительство выполняет в обществе, но и фактором устойчивости и стабильности самой социально-профессиональной группы, что важно для динамично меняющегося общества.

Профессия учителя не утратила идеалоориентированный (с позиции профессионального призвания) характер. Тем не менее высокий уровень профессиональной идентичности присущ в большей мере учителям с длительным стажем работы, и в меньшей – молодым учителям, что актуализирует проблему профессионального рекрутирования.

Как стало ясно из результатов исследования, категория «социальное самочувствие» является достаточно точным индикатором реакции учительского сообщества на социальные преобразования, при этом профессиональные индикаторы оказались менее чувствительными, следовательно, менее изменчивыми. Полученные результаты рассматриваются как задел для дальнейших исследований региональных проблем современного учительства в русле количественно-качественной методологии, необходимость которой обусловлена взаимодействием объективных и субъективных факторов при анализе двух категорий – «социальное самочувствие» и «профессиональное самочувствие».

Возможность расширения исследовательского фокуса заключается в сравнительном изучении жизнедеятельности сельского и городского учительства с точки зрения изменения социально-исторического контекста, а также наиболее значимых вопросов модернизации отечественной системы образования.

Практическая значимость материалов исследования состоит в возможности использования его результатов органами власти Республики

¹⁶ Настолько данная гипотеза соответствует реальному положению дел в региональной системе образования мы планируем выяснить в дальнейших исследованиях.

Мордовия при разработке региональных программ развития образования, а также дальнейшего социологического конструирования учительских «портретов» с учетом половозрастных характеристик и территориальных локаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Цирульников А. М. Феномены и культурные практики: формальное и неформальное образование в контексте социокультурного подхода // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 260–275. URL: <https://vo.hse.ru/2016--3/191215970.html> (дата обращения: 13.04.2018).

2. Борисова У. С. Социальный портрет учителя Республики Саха // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 82–88. URL: <http://ecsocman.hse.ru/rubezh/msg/17033538.html> (дата обращения: 13.04.2018).

3. Гендин А. М., Сергеев М. И. Реформирование школы в зеркале учительских мнений // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 64–70. URL: http://www.isras.ru/socis_2000_12.html (дата обращения: 13.04.2018).

4. Орлова Л. А. О социальном самочувствии учителей Московской области (по результатам социологических опросов) // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 89–94. URL: <http://ecsocman.hse.ru/socis/msg/17035499.html> (дата обращения: 13.04.2018).

5. Железнякова С. И. Социокультурные ориентации учителей // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 99–102. URL: http://www.isras.ru/socis_2001_04.html (дата обращения: 13.04.2018).

6. Гаспаршвили А. Т., Кружалин В. И., Крухмалева О. В. Московские учителя о реформировании современной школы // Социологические исследования. 2013. № 9. С. 57–63. URL: http://www.isras.ru/socis_2013_09.html (дата обращения: 13.04.2018).

7. Зернов Д. В., Иудин А. А., Овсянников А. А. Социальные ориентиры и самочувствие российского учительства // Народонаселение. 2014. № 4. С. 43–60. URL: <http://www.isesp-ras.ru/numbers/blog/stranitca-3> (дата обращения: 13.04.2018).

8. Abel M. H., Sewell J. Stress and burnout in rural and urban secondary school teachers // The Journal of Educational Research. 1999. Vol. 92, issue 5. Pp. 287–293. DOI: <https://doi.org/10.1080/00220679909597608>

9. Variations in teachers' work, lives and effectiveness / C. Day [et al.]. Final report for the VITAE Project; DfES. 2006. 323 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/4156026.pdf> (дата обращения: 13.04.2018).

10. Watt H. M. G., Richardson P. W. Motivations, perceptions, and aspirations concerning teaching as a career for different types of beginning teachers // Learning and Instruction. 2008. Vol. 18, issue. 5. Pp. 408–428. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2008.06.002>

11. The status of teachers and the teaching profession in England: Views from inside and outside the profession / L. Hargreaves [et al.]. Final Report of the Teacher Status Project; DfES. 2007. URL: <https://www.education.gov.uk/publications/eOrderingDownload/RR831B.pdf> (дата обращения: 13.04.2018).

12. Buckler A. Quality teaching in rural Sub-Saharan Africa: Different perspectives, values and capabilities // *International Journal of Educational Development*. 2015. Vol. 40. Pp. 126–133. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2014.10.008>

13. Piyaman P., Hallinger P., Viseshsiri P. Addressing the achievement gap: Exploring principal leadership and teacher professional learning in urban and rural primary schools in Thailand // *Journal of Educational Administration*. 2017. Vol. 55, no. 6. Pp. 717–734. DOI: <https://doi.org/10.1108/JEA-12-2016-0142>

14. Шакурова А. В. Роль традиционных ценностей в формировании профессиональной идентичности современных учителей // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2013. № 3 (1). С. 103–111. URL: <http://vestnik43.ru/vggu-arhiv-jurnala> (дата обращения: 13.04.2018).

15. Головчин М. А., Соловьева М. Ю. Социальное самочувствие учителей в период реформ в системе образования (на примере г. Вологды) // *Регионология*. 2017. № 4. С. 588–609. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1638> (дата обращения: 13.04.2018).

16. Русских Л. В. Социальное самочувствие учителей // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки*. 2015. Т. 15, № 2. С. 107–109. URL: <https://vestnik.susu.ru/humanities/article/view/3169> (дата обращения: 13.04.2018).

17. Смирнова И. Н., Смирнова А. А. Особенности социального самочувствия провинциальной учительской интеллигенции в начале XXI века // *Интеллигенция и мир*. 2016. № 3. С. 33–55. URL: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/intelligentsia/archive.php (дата обращения: 13.04.2018).

18. Фадеева И. М., Федосеева М. В. Самочувствие преподавателя в обществе, профессии, вузе // *Мониторинг общественного мнения: социальные и экономические перемены*. 2015. № 6. С. 153–163. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.6.09>

19. Чугуенко В. М., Бобкова Е. М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // *Социологические исследования*. 2013. № 1. С. 15–23. URL: www.isras.ru/socis_2013_01.html (дата обращения: 13.04.2018).

20. Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // *Социологические исследования*. 2000. № 12. С. 50–55. URL: http://www.isras.ru/socis_2000_12.html (дата обращения: 13.04.2018).

Поступила 17.05.2018; принята к публикации 25.06.2018; опубликована онлайн 28.09.2018.

Об авторах:

Полутин Сергей Викторович, директор НИИ регионологии, заведующий кафедрой социологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, polutin.sergei@yandex.ru

Фадеева Ирина Михайловна, директор ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а), доктор социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1709-9970>, fadeeva5@yandex.ru

Шумкова Наталья Викторовна, заместитель директора по науке НИИ регионологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, niiregion@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Полутин Сергей Викторович – научное руководство; разработка методологии; критический анализ и доработка текста.

Фадеева Ирина Михайловна – формулирование проблемы, научной новизны, теоретической и практической значимости; выявление и анализ проблем в сфере российского образования.

Шумкова Наталья Викторовна – анализ литературы по проблеме исследования; сбор и обработка данных; подготовка начального варианта текста.

Для цитирования:

Полутин С. В., Фадеева И. М., Шумкова Н. В. Изучение динамики социального и профессионального самочувствия учителей Республики Мордовия // *Регионология*. 2018. Т. 26, № 3. С. 558–577. DOI: [10.15507/2413-1407.104.026.201803.558-577](https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.558-577)

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Tsirulnikov A.M. [Phenomena and cultural practices: Formal and informal education from the perspective of the sociocultural approach]. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*. 2016; 3:260-275. Available at: <https://vo.hse.ru/2016--3/191215970.html> (accessed 13.04.2018). (In Russ.)

2. Borisova U.S. [Social portrait of the teacher of the Republic of Sakha]. *Sotsiologicheskoye issledovaniya = Sociological Studies*. 1998; 8:82-88. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/rubezh/msg/17033538.html> (accessed 13.04.2018). (In Russ.)

3. Gendin A.M., Sergeev M.I. [School reforms in the mirror of teachers' opinions]. *Sotsiologicheskoye issledovaniya = Sociological Studies*. 2000; 12:64-70. Available at: http://www.isras.ru/socis_2000_12.html (accessed 13.04.2018). (In Russ.)

4. Orlova L.A. [On social well-being of teachers in the Moscow region (based on results of sociological surveys)]. *Sotsiologicheskoye issledovaniya = Sociological Studies*. 1998; 8:89-94. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/socis/msg/17035499.html> (accessed 13.04.2018). (In Russ.)

5. Zheleznyakova S.I. [Socio-cultural focus of teachers]. *Sotsiologicheskoye issledovaniya = Sociological Studies*. 2001; 4:99-102. Available at: http://www.isras.ru/socis_2001_04.html (accessed 13.04.2018). (In Russ.)

6. Gasparishvili A.T., Kruzhalin V.I., Krukhmaleva O.V. [Moscow teachers on current school reformations]. *Sotsiologicheskoye issledovaniya = Sociological Studies*. 2013; 9:57-63. Available at: http://www.isras.ru/socis_2013_09.html (accessed 13.04.2018). (In Russ.)

7. Zernov D.V., Iudin A.A., Ovsyannikov A.A. [Social guidelines and feeling of well-being of Russian teachers]. *Narodonaseleniye = Population*. 2014; 4:43-60. Available at: <http://www.isesp-ras.ru/numbers/blog/stranitsa-3> (accessed 13.04.2018). (In Russ.)

8. Abel M. H., Sewell J. Stress and burnout in rural and urban secondary school teachers. *The Journal of Educational Research*. 1999; 92(5):287-293. DOI: <https://doi.org/10.1080/00220679909597608>

9. Day C. et al. Variations in teachers' work, lives and effectiveness. *Final report for the VITAE Project*; DfES. 2006. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/4156026.pdf> (accessed 13.04.2018).

10. Watt H.M.G., Richardson P.W. Motivations, perceptions, and aspirations concerning teaching as a career for different types of beginning teachers. *Learning and Instruction*. 2008; 18(5):408-428. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2008.06.002>

11. Hargreaves L. et al. The status of teachers and the teaching profession in England: Views from inside and outside the profession. *Final Report of the Teacher Status Project*; DfES. 2007. Available at: <https://www.education.gov.uk/publications/eOrderingDownload/RR831B.pdf> (accessed 13.04.2018).

12. Buckler A. Quality teaching in rural Sub-Saharan Africa: Different perspectives, values and capabilities. *International Journal of Educational Development*. 2015; 40:126-133. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2014.10.008>

13. Piyaman P., Hallinger P., Viseshsiri P. Addressing the achievement gap: Exploring principal leadership and teacher professional learning in urban and rural primary schools in Thailand. *Journal of Educational Administration*. 2017; 55(6): 717-734. DOI: <https://doi.org/10.1108/JEA-12-2016-0142>

14. Shakurova A.V. [The role of traditional values in shaping modern professional identity of teachers]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta = Herald of Vyatka State University*. 2013; 3(1):103-111. Available at: <http://vestnik43.ru/vggu-arhiv-jurnala> (accessed 13.04.2018). (In Russ.)

15. Golovchin M.A., Solovieva T.S. [Social well-being of teachers during the period of Educational Reforms (case study of Vologda)]. *Regionologiya = Regionology*. 2017; 4:588-609. Available at: <http://regionsar.ru/node/1638> (accessed 13.04.2018). (In Russ.)

16. Russkikh L.V. [Social well-being of teachers]. *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnye nauki = Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*. 2015; 15(2):107-109. Available at: <https://vestnik.susu.ru/humanities/article/view/3169> (accessed 13.04.2018). (In Russ.)

17. Smirnova I.N., Smirnova A.A. [Features of the provincial teachers' intelligentsia social well-being at the beginning of the 21st century]. // *Intelligentsiya i mir = Intelligentsia and the World*. 2016; 3:33-55. Available at: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/intelligentsia/archive.php (accessed 13.04.2018). (In Russ.)

18. Fadeeva I. M., Fedoseeva M. V. [Subjective well-being of university teacher in society, in profession and in university]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: sotsialnye i ekonomicheskiye peremeny = The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2015; 6:153-163. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.6.09>

19. Chuguenko V.M., Bobkova E.M. [New trends in the research into social well-being of the population]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological*

Studies. 2013; 1:15-23. Available at: www.isras.ru/socis_2013_01.html (accessed 13.04.2018). (In Russ.)

20. Petrova L.E. [Social Feeling of the Young]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological Studies*. 2000; 12:50-55. Available at: http://www.isras.ru/socis_2000_12.html (accessed 13.04.2018). (In Russ.)

Submitted 17.05.2018; accepted for publication 25.06.2018; published online 28.09.2018.

About the authors:

Sergey V. Polutin, Director of Research Institute of Regionology, Head of the Department of Sociology, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru

Irina M. Fadeeva, Director of Scientific Center for Social and Economic Monitoring (39a B. Khmel'nitskogo St., Saransk 430005, Russia), Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1709-9970>, fadeeva5@yandex.ru

Natalya V. Shumkova, Deputy Director of Research Institute of Regionology, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, niiregion@mail.ru

Contribution of the authors:

Sergey V. Polutin – scientific supervision; development of methodology; critical analysis and revision of the text.

Irina M. Fadeeva – formulation of the research problem, scientific novelty, theoretical and practical significance; identification and analysis of problems in the area of Russian education.

Natalya V. Shumkova – review of the literature on the research problem; data collection and processing; preparation of the initial version of the text.

For citation:

Polutin S.V., Fadeeva I.M., Shumkova N.V. Studying the Dynamics of Social and Professional Well-Being of Teachers in the Republic of Mordovia. *Regionologiya = Regionology*. 2018; 26(3):558-577. DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.558-577

All the authors have read and approved the final version of the manuscript.

Уровень развития и размещение предприятий общественного питания на сельских территориях Республики Мордовия

В. М. Кицис*

А. В. Вавилова

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия),
*vkitsis@mail.ru

Введение. Позиционирование Республики Мордовия как туристской дестинации делает актуальным вопрос развития предприятий общественного питания в сельской местности. Сегодня проблема заключается в дефиците необходимого количества самих предприятий и посадочных мест в них в соответствии с нормативными требованиями. Цель статьи – определить уровень развития и выявить пространственные особенности размещения предприятий общественного питания в муниципальных районах республики.

Материалы и методы. Фактологической базой исследования послужили данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия. В статье использованы методы математической статистики, сравнения и обобщения, анализа, картографического метод.

Результаты исследования. Показан уровень развития индустрии питания как элемента туристской инфраструктуры на территории муниципальных районов Мордовии в целом и в г. Саранске в частности. Определены и систематизированы особенности развития общественного питания в сельской местности региона; представлена пространственная организация общественного питания в сельской местности республики. Раскрыты основные проблемы в индустрии питания в сельской местности и предложены направления их устранения. Впервые в рамках одной статьи дан комплексный анализ развития и размещения предприятий общественного питания в муниципальных районах Республики Мордовия.

© Кицис В. М., Вавилова А. В., 2018

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted reuse, distribution, and reproduction in any medium provided the original work is properly cited.

Обсуждение и заключения. Уровень развития индустрии питания в сельской местности республики пока отстает от основных требований национальных нормативов. Результаты проведенного исследования позволили оценить современное состояние службы питания на селе и сделать ряд предложений по повышению уровня обеспеченности сельской местности предприятиями питания в целях развития туризма на этой территории. Результаты исследования могут содействовать разработке Министерством культуры, национальной политики, туризма и архивного дела Республики Мордовия региональной программы развития сельского туризма, одно из важнейших мест в которой должно быть отведено развитию индустрии питания в муниципальных районах республики.

Ключевые слова: регион, туризм, сельская местность, индустрия питания, предприятия питания, посадочные места, обеспеченность предприятиями питания

Level of the Development and Distribution of Public Catering Enterprises in Rural Areas of the Republic of Mordovia

V. M. Kitsis*, A. V. Vavilova

National Research Mordovia State University (Saransk, Russia),
*vkitsis@mail.ru

Introduction. The positioning of the Republic of Mordovia as a tourist destination makes the issue of the development of public catering enterprises in rural areas topical. Today, the problem is the lack of the necessary number of the enterprises and seats needed in accordance with the regulatory requirements. The purpose of the article is to determine the level of development and to reveal the spatial features of the location of public catering enterprises in the municipal districts of the Republic. **Materials and Methods.** The data of the territorial body of the Federal State Statistics Service in the Republic of Mordovia became the factual base of the study. The methods of mathematical statistics, analysis, comparison and generalization, as well as the cartographic method were used.

Results. The paper shows the level of development of the food industry as an element of the tourist infrastructure in the territory of the municipal districts of the Republic of Mordovia on the whole and in the city of Saransk in particular. The peculiarities of the development of public catering in rural areas of the region are identified and systematized. The spatial structure of public catering in rural areas of the Republic is presented. The main problems in the food industry in rural areas are revealed and ways to eliminate them are suggested. For the first time a comprehensive analysis of the development and distribution of public catering enterprises in the municipal districts of the Republic of Mordovia is given within the framework of one article.

Discussion and Conclusions. The level of development of the food industry in rural areas of the Republic of Mordovia is still lagging behind the basic requirements of national standards. The results of the study made it possible to assess the current state of the food service in the countryside and make a number of proposals to improve the level of provision of rural areas with food for the development of tourism in this area. The results of the research can contribute to the development of the Regional Program for the Development of Rural Tourism by the Ministry of Culture, National Policy, Tourism and Archives of the Republic of Mordovia, where the development of the food industry in the municipal districts of the Republic should feature prominently.

Keywords: region, tourism, countryside, the food industry, food enterprises, Seats, supply of food enterprises

Введение. Развитие сельского туризма является относительно новым сектором туристской деятельности в России. Интерес к сельскому туризму в мире повсеместный, он тесно связан с событийным, религиозным, этническим, культурно-познавательным и другими видами туризма. В тоже время одним из сдерживающих факторов в формировании этих видов туризма является низкий уровень развития, а порой и полное отсутствие предприятий общественного питания в сельской местности.

Несмотря на то, что система общественного питания была создана для удовлетворения естественных потребностей населения в еде, она в определенной мере характеризует уровень экономического развития не только страны, но и ее отдельных регионов. С другой стороны, уровень развития экономики оказывает прямое влияние на доходы населения, определенная часть которых может быть потрачена на разнообразные услуги, включая предоставляемые предприятиями общественного питания.

Общественное питание является неотъемлемой частью индустрии туризма. Как справедливо отмечают Н. А. Лучина и А. Н. Аршинова, «...питание является туристской услугой, удовлетворяющей не только биологическую потребность человека в пище, но и потребность в развлечении, познании местной культуры и получении удовольствия»¹. В связи с этим в индустрии туризма общественное питание можно рассматривать в трех категориях: как необходимую физиологическую потребность, как один из элементов развлечения и как предмет знакомства с той или иной страной, ее культурой через пищу. На основе последнего существует и постоянно развивается отдельный вид туризма – гастрономический, который основывается на познании местной культуры с помощью еды.

Еда – это не только витальная потребность каждого человека. В сфере туризма она является как элементом увеселения и удовольствия, так и средством изучения и приобщения к национальным особенностям и традициям местного населения, поскольку еда у разных народов формировалась под воздействием природных и этнических факторов. В связи с этим национальная кухня стала весьма привлекательной для туристов и часто выступает важным элементом программы гастрономических туров.

Предприятия общественного питания в сельской местности выполняют следующие функции – экономическую, социально-демографическую, коммуникационную, культурную, рекреационную, экологическую [1].

¹ Лучина Н. А., Аршинова А. Н. Общественное питание как элемент туристского обслуживания // *Управленческие технологии и модели модернизационных процессов в российской экономике: история и современность* : сб. науч. ст. II междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. М. Кузьминой. 2015. С. 71.

Следовательно, в сельской местности можно развивать не только гастрономический, но и другие виды туризма (экологический, сельский, агротуризм и пр.). Однако для этого необходимы качественная инфраструктура общественного питания на сельских территориях, разнообразие типов предприятий питания и ассортимент предлагаемых блюд, эффективное управление предприятиями и др.

Исходя из высокой значимости индустрии питания для развития туризма в сельской местности, целью данной статьи является изучение территориальной организации общественного питания в муниципальных районах Республики Мордовия.

Обзор литературы. Исследованию вопросов развития общественного питания посвящено немало работ как в зарубежной, так и отечественной науке. Иностранные авторы изучают в основном проблемы оптимизации и организации питания в учреждениях (школах, вузах и пр.), на рабочих местах, воздействия разных видов пищи на организм человека, обеспечения предприятий питания продовольствием и т. п. Однако публикаций, анализирующих территориальную организацию общественного питания, очень мало. В последние годы были изданы работы, посвященные самообслуживанию при организации сельского туризма [2], влиянию событийных мероприятий на развитие предприятий питания [3], опыту внедрения органического потребления в общественное питание в муниципальных образованиях [4] и др.

В России изучение уровня развития общественного питания в сельской местности осуществляется достаточно давно. В основном исследования были посвящены деятельности предприятий питания в системе потребительской кооперации, но не учитывали возможности развития предприятий общественного питания других форм собственности, а также не рассматривали вопросы особенностей пространственного размещения предприятий общепита.

В настоящее время работы по изучению проблем общественного питания можно условно объединить в 4 группы. Это исследования, рассматривающие:

- кластерный подход в организации общественного питания [5; 6];
- вопросы размещения предприятий общественного питания региона [7–9];
- проблемы и тенденции развития рынка предприятий общественного питания² [10–14];
- потенциал и эффективность функционирования предприятий общественного питания³ [15; 16].

² Михайлюк О. Н., Золотарева И. А. Региональный рынок общественного питания: особенности, формы и факторы развития // *АПК: регионы России*. 2012. № 7. С. 41–46.

³ Ксенофонтова О. В. Использование нормативного метода при анализе и планировании в общественном питании // *Вопросы экономических наук*. 2008. № 1 (29). С. 83–89.

Анализ иностранных публикаций показал, что за рубежом практически нет работ, посвященных территориальной организации общественного питания. В основном исследование сводятся к анализу воздействия продукции и отходов общественного питания на окружающую среду, на изучение органических продуктов, ценообразования в сельском туризме, имиджа предприятий питания, воздействия отдельных видов микроорганизмов на продукты питания, организации безопасности питания на разного рода предприятиях и т. п.

Среди российских изданий последних лет отметим исследование Т. Щербининой с соавторами, в котором представлена методика согласования оптимального местоположения заведения общественного питания на территории г. Нефтекамска методами геомаркетинга [9]. Однако в целом вопросам территориальной организации предприятий общественного питания в сельской местности уделяется мало внимания.

Плохо, по нашему мнению, обстоит дело с изучением уровня развития и размещения предприятий питания в Республике Мордовия. Можно отметить лишь работы М. А. Жулиной и Л. А. Каменевой [17], Л. А. Карякиной⁴, Н. О. Колчиной, а также коллективную монографию «Территориальная организация туризма в Республике Мордовия»⁵. Однако в указанных исследованиях речь идет, главным образом, об уровне развития и проблемах общественного питания г. Саранска, что обусловлено его подготовкой к Чемпионату мира по футболу FIFA 2018. Более полно проанализирован уровень развития общественного питания Мордовии в работе Н. О. Колчиной, однако он ограничивается данными 2013 г. [18].

Таким образом, исследования, посвященные теме развития и размещения предприятий общественного питания в сельской местности, приобретают в современных условиях особую актуальность с точки зрения развития на данной территории различных видов туризма.

Материалы и методы. Материалами для написания статьи послужили нормативно-правовые акты Российской Федерации, статистические данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия (Мордовиястата). Основу исследования составили также статьи отечественных и зарубежных авторов, посвященные изучению общественного питания и его развитию в разных странах, в том числе и в России.

В статье использованы различные группы методов, применение которых позволило показать тенденции, особенности и проблемы тер-

⁴ Карякина Л. А. Общественное питание в Республике Мордовия: предпочтения, тенденции, прогнозы // Инновационные технологии в кооперативном образовательном процессе: материалы междунар. заочн. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации. 2016. С. 117–119.

⁵ Территориальная организация туризма в Республике Мордовия : моногр. / Н. А. Емельянова [и др.]. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2017. 272 с.

риториального развития и размещения предприятий питания в сельской местности региона:

– методы математической статистики способствовали анализу уровня развития сети предприятий питания в муниципальных районах Мордовии с 2012 по 2016 г.;

– методы сравнения и обобщения позволили дать сравнительную характеристику сельских районов по уровню обеспеченности общественным питанием;

– картографический метод содействовал выявлению территориальных различий в обеспеченности муниципальных районов региона предприятиями питания;

– метод анализа помог показать проблемы развития общественного питания в сельской местности региона.

При анализе территориальной организации отраслей хозяйства важную роль играет отраслевой подход. С его помощью изучаются особенности территориального размещения и развития отрасли, условия, структура и эффективность деятельности отраслевых предприятий, их взаимосвязи и взаимодействие с предприятиями и организациями других отраслей.

Отраслевой анализ включает классификацию предприятий, их размещение в зависимости от тех или иных факторов (для предприятий общественного питания важнейшим фактором выступает потребительский), уровень транспортных издержек и т. д. В современных условиях на размещение предприятий питания воздействует фактор развития и роста местных рынков, вызванный в том числе развитием таких видов туризма, как экологический, сельский, агротуризм и др. Эти методы в той или иной мере рассмотрены в данной статье.

Результаты исследования. Согласно ГОСТ 31985-2013 «Услуги общественного питания. Термины и определения» (далее – ГОСТ 31985-2013)⁶, предприятие общественного питания (предприятие питания) – это объект хозяйственной деятельности, предназначенный для изготовления продукции общественного питания, создания условий для потребления и реализации продукции общественного питания и покупных товаров как на месте изготовления, так и вне его по заказам, а также для оказания разнообразных дополнительных услуг, в том числе по организации досуга потребителей. В соответствие с этим же стандартом, общественное питание (индустрия питания) – это самостоятельная отрасль экономики, состоящая из предприятий различных форм собственности и организационно-управленческой структуры, организующая питание населения, а также производство и реализацию готовой продукции и полуфабрикатов как на предприятии общественного питания, так и вне его,

⁶ ГОСТ 31985–2013. Услуги общественного питания. Термины и определения ; введ. 2015–01–01. М. : Стандартинформ, 2014. 16 с.

с возможностью оказания широкого перечня услуг по организации досуга и других дополнительных услуг.

В настоящее время услуги общепита осуществляет огромное количество предприятий и организаций разных форм собственности, в число которых входят и индивидуальные предприниматели. Предприятия, оказывающие услуги питания и организации и проведения досуга, различаются между собой по типам, размерам и видам оказываемых услуг.

Тип предприятия (объекта) общественного питания – это вид предприятия (объекта) с характерными условиями обслуживания, ассортиментом реализуемой продукции общественного питания и технической оснащённостью.

Широкое распространение в сфере общественного питания, в том числе организации питания туристов, имеет кейтеринг – деятельность предприятия общественного питания (индустрии питания), заключающаяся в оказании услуг по организации питания по месторасположению, выбранному сторонними организациями и частными лицами, включая организацию выездного обслуживания мероприятий различного назначения и розничную продажу продукции общественного питания и с привлечением всех предприятий и служб, оказывающих подрядные услуги по организации питания. Кейтеринг различают по месту, способу оказания услуг и их стоимости: событийный кейтеринг, питание на транспорте, социальное питание (образовательные и медицинские учреждения, исполнительные заведения, армия и т. д.).⁷

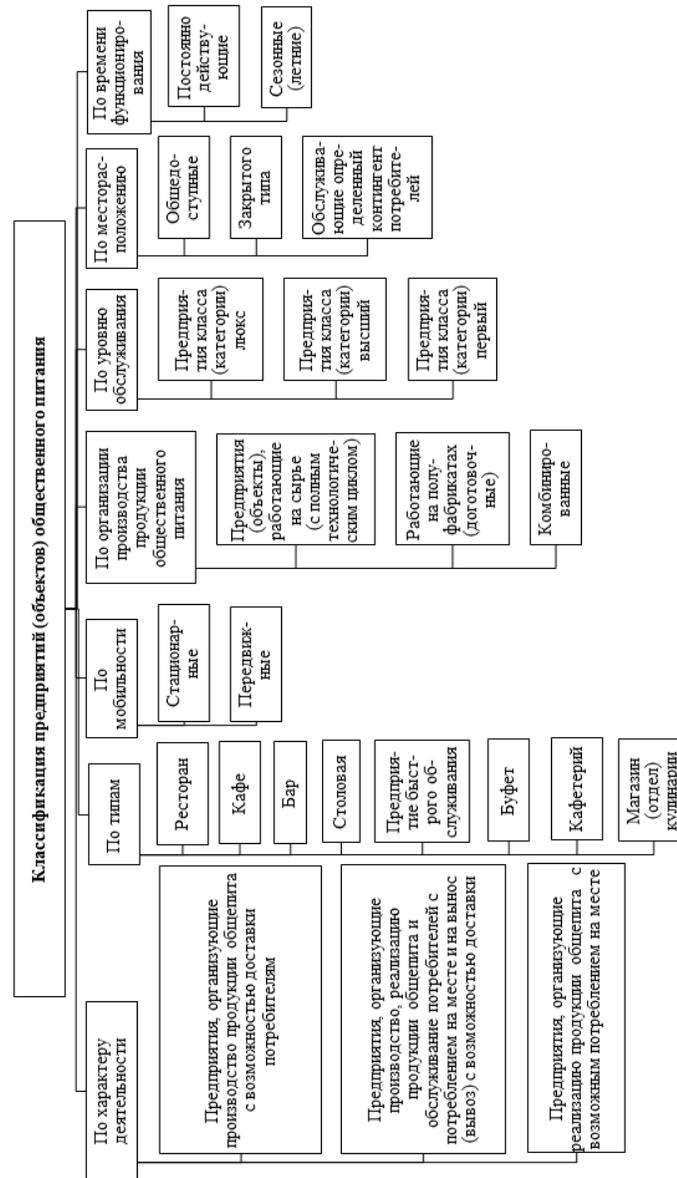
Предприятия (объекты) общественного питания принято разделять по характеру деятельности, типам и мобильности (рис. 1).

В Республике Мордовия сфера общественного питания достаточно развита. В регионе имеются все виды предприятий, соответствующих стандарту. Они различаются по ассортименту продукции, уровню сервиса и цен.

За четырехлетний период (с 2012 по 2015 г.) в республике наблюдался стабильный рост числа предприятий питания, однако в 2016 г. их количество снизилось (табл. 1). Согласно данным таблицы 1 число посадочных мест с 2012 по 2015 г. возрастало, однако к концу 2016 г. оно сократилось сразу на 913 единиц. По нашему мнению, это негативная тенденция в преддверии Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 г. и с учетом стремления руководства республики по привлечению отечественных и иностранных туристов в регион. Кроме того, наблюдается постоянное снижение показателя средней вместимости предприятий питания, что связано с появлением небольших предприятий с минимальным количеством мест.

В 2016 г. было закрыто 25 предприятий, а открыто – всего 14 (табл. 2). Разница между ними составила 11 предприятий питания, причем большая часть из них являются общедоступными (рестораны, кафе, бары, кафетерии, сезонные предприятия).

⁷ Там же.

Р и с. 1. Классификация предприятий (объектов) общественного питания⁸

⁸ Рисунок составлен на основе ГОСТ 30389–2013. Услуги общественного питания. Предприятия общественного питания. Классификация и общие требования ; введ. 2016–01–01. М. : Стандартинформ, 2014. 16 с.

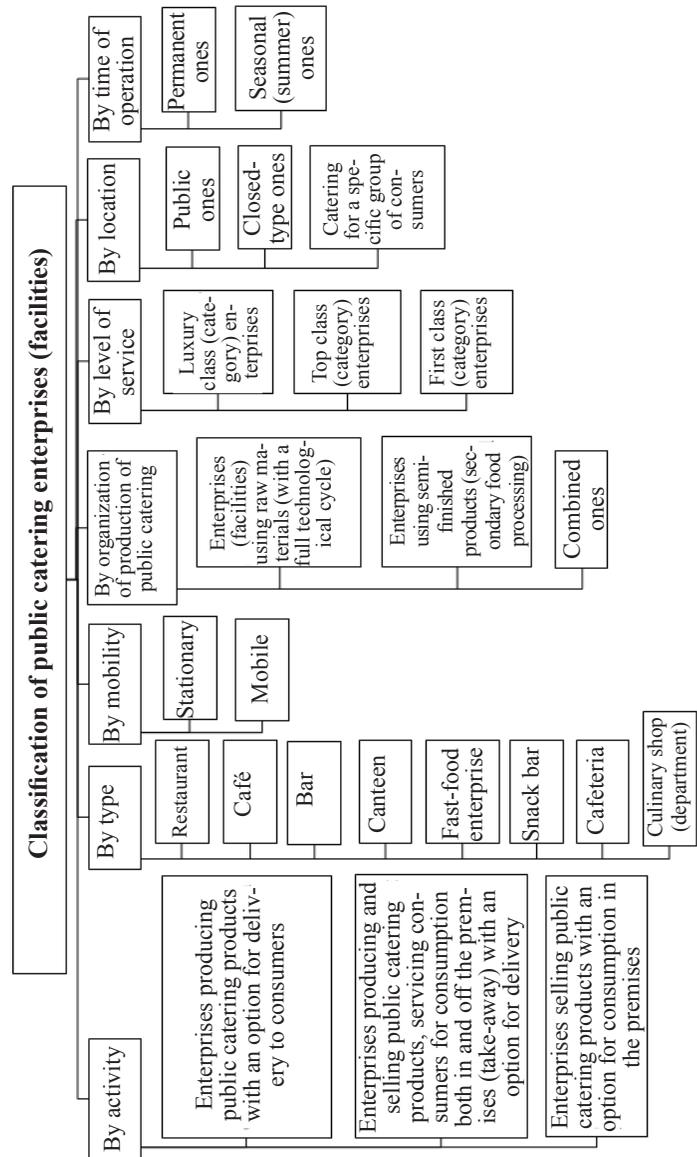

Fig. 1. Classification of public catering enterprises (facilities)

 Таблица 1. Динамика развития предприятий питания Республики Мордовия (на конец года)⁹

Table 1. Dynamics of development of catering enterprises in the Republic of Mordovia (at year-end)

Показатель / Indicator	Год / Year				
	2012	2013	2014	2015	2016
Количество предприятий питания, ед. / Number of catering enterprises, units	836	842	883	938	927
по отношению к предыдущему году, % / in relation to the previous year, %	–	100,7	104,9	106,2	98,8
Количество посадочных мест, ед. / Number of seats, units	56 144	56 151	59 016	61 566	60 643
по отношению к предыдущему году, % / in relation to the previous year, %	–	100,0	105,1	104,3	98,5
Средняя вместимость предприятий, число мест / Average capacity of enterprises, number of seats	67,2	66,7	66,8	65,6	65,4
по отношению к предыдущему году, % / in relation to the previous year, %	–	99,3	100,1	98,2	99,7

По данным Министерства экономики, торговли и предпринимательства Республики Мордовия на 1 января 2017 г. в республике зарегистрировано 927 предприятий питания. Основную массу образуют столовые – 54,7 %, или 507 ед. Расположенные по месту работы или учебы, они составляют более половины всех предприятий питания – 52,6 %, но не являются общедоступными и не могут оказывать услуги для сферы туризма. К общедоступным относят те предприятия общественного питания, которые обслуживают непосредственно население города и не связаны с контингентом какого-либо определенного производственного предприятия, учебного заведения, учреждения или организации. Следовательно, за вычетом данной категории, число общедоступных предприятий питания на 1 января 2017 г. составляет 438 ед. (минус еще одно предприятие питания в Ардатовском районе из категории «Другие»).

⁹ Здесь и далее в статье все таблицы составлены по материалам официального сайта Министерства экономики, торговли и предпринимательства Республики Мордовия. URL: <http://mineco.e-mordovia.ru/> (дата обращения: 10.03.2018).

Таблица 2. Предприятия питания Республики Молдова
Table 2. Catering enterprises in the Republic of Moldova

Тип предприятия / Type of enterprise	Показатели на 1 января 2016 г. / As of 1 January 2016		Показатели на 1 января 2017 г. / As of 1 January 2017			Изменение количества пред- приятий, ед. (+/-) / Change in the number of enterpris- es, units (+/-)	
	Количе- ство пред- приятий, ед. / Number of enterpris- es, units	Площадь зала обслуж- ивания по- сетителей, м ² / Area of the premises for servicing visitors, m ²	Количе- ство по- садочных мест, ед. / Number of seats, units	Коли- чество предприя- тий, ед. / Number of enterpris- es, units	Площадь зала обслуж- ивания по- сетителей, м ² / Area of the premises for servicing visiting visitors, m ²		Колоче- ство по- садочных мест, ед. / Number of seats, units
1	2	3	4	5	6	7	8
Рестораны / Restaurants	23	6 825,37	2 262	18	6 286,37	1 862	-5
Кафе / Cafés	215	25 315,9	14 018	212	25 282,5	14 147	-3
Бары / Bars	43	3 527,3	1 876	41	3 239,1	1 720	-2
Столовые (всего), в том числе / Cap- teens (total num- ber), including:	506	57 782,6	39 182	507	59 510,0	39 052	1
общедоступные / public ones	17	1 329,6	1 245	19	1 507,6	1 367	2
по месту работы / at the place of work	100	16 253,5	8 146	102	17 047,3	7 742	2
по месту учебы / at the place of study	389	40 199,5	29 851	386	40 955,1	29 943	-3
Предприятия быстрого питания (всего), в том числе / Fast-food enterpris- es (total number), including:	89	3 570,28	2 557	91	3 262,6	2 401	2

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7	8
буфеты / snack bars	37	617,0	404	41	683,0	443	4
закусочные, пельменные / lunchrooms, dumplings bars	18	798,9	410	22	761,1	394	4
кафетерии / cafeterias	8	269,0	201	0	0	0	-8
кофейни / coffee houses	2	250,0	280	4	240,0	256	2
пиццерии / pizzerias	24	1 635,2	1 262	24	1 522,5	1 284	0
Магазин (отдел) кулинарии / Culi- nary shop (depart- ment)	14	561,3	186	14	561,3	186	0
Другие / Others	4	419,0	180	4	419,0	180	0
Нестационарные предприятия питания, в том числе сезонные / Non-stationary ca- tering enterprises, including sea-sonal ones	44	3 721,7	1 219	40	3 341,7	1 159	-4
Всего / Total	938	101 897,0	61 566	927	10 1847	60 643	-11

Необходимо отметить, что в республике представлены все типы предприятий питания, соответствующие ГОСТ 30389-2013, за исключением кафе-териев, которые были закрыты в 2016 г.

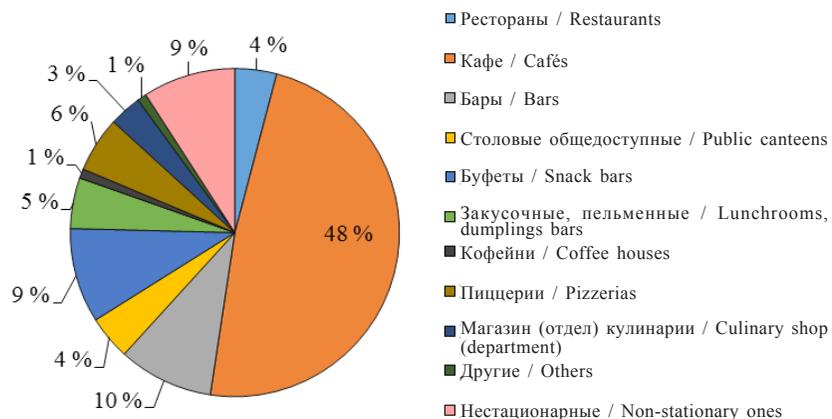
Анализ типов общедоступных предприятий питания показал, что лидирующая позиция принадлежит кафе (212 ед., или 48 %), весомую долю занимают предприятия быстрого питания (91 ед., 21 %). Доля ресторанов от общего числа предприятий общедоступного питания составляет лишь 4 % (рис. 2). Это свидетельствует о том, что дорогой сегмент на рынке услуг питания развит достаточно слабо и не имеет ярко выраженной потребности.

Большая часть общедоступных предприятий питания расположена в столице Республики Мордовия: 245 учреждений, или 56 %, находятся в Саранске, а остальные 193, или 44 %, – в муниципальных районах республики. Подобное неравномерное размещение является одной из причин, затрудняющих развитие туристской отрасли на сельских территориях региона.

Концентрация предприятий питания в Саранске обусловлена несколькими факторами. Отметим главные из них:

- столичное положение предполагает проведение большого количества разнообразных мероприятий с привлечением многочисленных гостей республики;

- высокая концентрация населения (около 40 % жителей Мордовии проживают в столице);

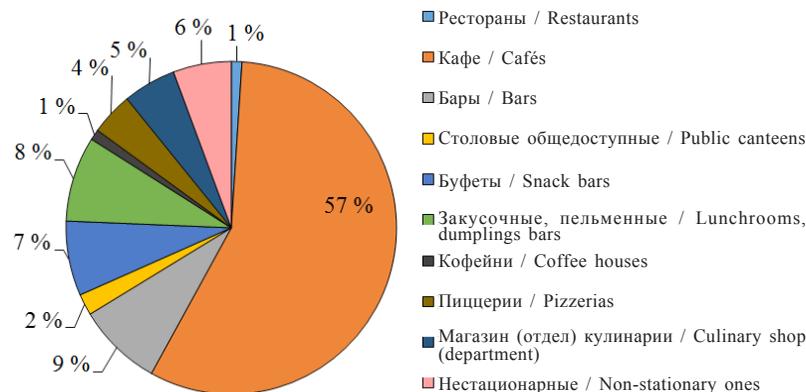
Р и с. 2. Виды общедоступных предприятий питания в Республике Мордовия
F i g. 2. Types of public catering enterprises in the Republic of Mordovia

- развитая, по сравнению с сельской местностью, социальная инфраструктура;

- более высокий, по отношению к сельскому, уровень доходов и др.

Структура предприятий общественного питания в муниципальных районах республики похожа на общую структуру, однако в ней еще больше преобладают кафе (57 % от общего числа общедоступных предприятий питания), существенную долю занимают предприятия быстрого питания (буфеты, закусовые, пиццерии, кофейни), а доля ресторанов минимальна – всего 1 % от числа всех учреждений (рис. 3). Предприятия питания могут быть как собственностью туристских фирм, так и принадлежать им на правах аренды. Основная их масса является составной частью туристско-гостиничного блока (располагаются при гостиницах); гораздо реже они функционируют независимо (автономно).

Распределение предприятий питания по районам республики характеризуют данные таблицы 3. Так, наибольшее число общедоступных предприятий питания находится в Рузаевском муниципальном районе – 32, а наименьшее – в Кочкуровском (всего 1).

Р и с. 3. Структура предприятий общественного питания в муниципальных районах Республики Мордовия¹⁰.

F i g. 3. Structure of public catering enterprises in the municipal districts of the Republic of Mordovia

¹⁰ Рисунок составлен по материалам официального сайта Министерства экономики, торговли и предпринимательства Республики Мордовия. URL: <http://mineco.e-mordovia.ru/> (дата обращения: 10.03.2018).

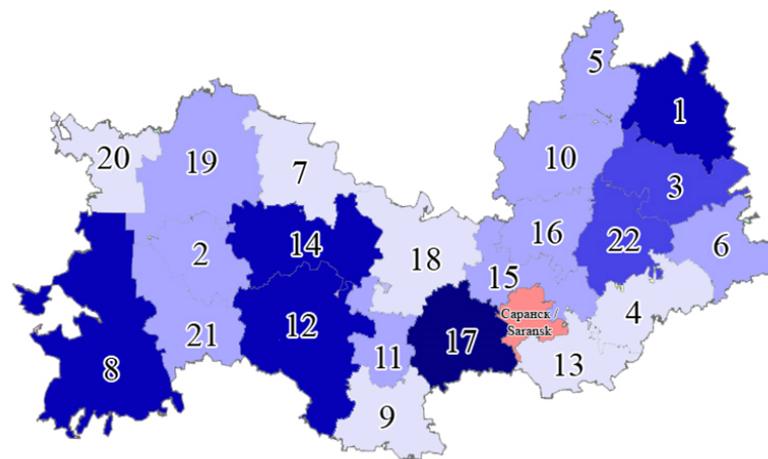
На основании представленных данных муниципальные районы республики по количеству предприятий общедоступного общественного питания можно классифицировать следующим образом:

- высокий уровень концентрации (число предприятий питания выше 20): Рузаевский район;
- уровень концентрации выше среднего (от 15 до 20): Ковылкинский, Ардатовский, Краснослободский, Зубово-Полянский районы;
- средний уровень концентрации (от 10 до 15): Атяшевский, Чамзинский районы;
- уровень концентрации ниже среднего (от 5 до 10): Лямбирский, Атюрьевский, Ичалковский, Ромодановский, Большеигнатовский, Дубенский, Темниковский, Торбеевский, Кадошкинский районы;
- низкий уровень концентрации (меньше 5): Инсарский, Большеберезниковский, Ельниковский, Старошайговский, Теньгушевский, Кочуровский районы.

Более наглядно данную классификацию характеризует составленная нами карта (рис. 4).

Лидирующая позиция Рузаевского района обусловлена тем, что Рузаевка – второй по величине город республики после Саранска. Фактически он является городом-спутником последнего и образует с ним единую городскую агломерацию. Уровень ниже среднего и низкий уровень обеспеченности предприятиями питания характерны для периферийных районов республики из-за их небольшой численности населения. В то же время самое большое количество сельского населения сосредоточено именно в тех муниципальных районах, в которых уровень обеспеченности общедоступными предприятиями питания высокий или выше среднего. Так, на территории пяти муниципальных районов (Ардатовского, Зубово-Полянского, Ковылкинского, Краснослободского и Рузаевского) проживает 45,1 % всего сельского населения Мордовии и на них приходится 50,3 % общего числа предприятий питания в сельской местности. По территории указанных районов проходят федеральные и республиканские автомобильные трассы, что способствует развитию сети придорожных предприятий питания, вокруг которых могут формироваться автотуристские кластеры.

Предприятия питания выступают одним из важнейших элементов формирования в ряде муниципальных районов республики локальных туристско-рекреационных кластеров [19]. Однако общее число предприятий питания является недостаточно точным показателем обеспеченности исследуемой территории сетью предприятий общественного питания. Более достоверную картину дает анализ показателей обеспеченности количеством посадочных мест в общедоступных предприятиях общественного питания в расчете на 1 000 чел.

Условные обозначения / Conventions

Муниципальный район / Municipal Districts

1 - Ардатовский / Ardатов District	12 - Ковылкинский / Kovylikino District
2 - Атюрьевский / Atyuryevo District	13 - Кочуровский / Kochkurovo District
3 - Атяшевский / Atyashevo District	14 - Краснослободский / Krasnoslobodsk District
4 - Большеберезниковский / Bolshie Berezniki District	15 - Лямбирский / Lyambir District
5 - Большеигнатовский / Bolshoe Ignatovo District	16 - Ромодановский / Romodanovo District
6 - Дубенский / Dubyonki District	17 - Рузаевский / Ruzavka District
7 - Ельниковский / Yelniki District	18 - Старошайговский / Staroe Shaygovo District
8 - Зубово-Полянский / Zubova Polyana District	19 - Темниковский / Temnikov District
9 - Инсарский / Insar District	20 - Теньгушевский / Tengushevo District
10 - Ичалковский / Ichalki District	21 - Торбеевский / Torbeevo District
11 - Кадошкинский / Kadoshkino District	22 - Чамзинский / Chamzinka District

	Высокий уровень (выше 20 ед.) / High level (over 20 units)
	Уровень выше среднего (от 15 до 20 ед.) / Level higher than the average (from 15 to 20 units)
	Средний уровень (от 10 до 15 ед.) / Average level (from 10 to 15 units)
	Уровень ниже среднего (от 5 до 10 ед.) / Level below the average (from 5 to 10 units)
	Низкий уровень (меньше 5 ед.) / Low level (less than 5 units)

Рис. 4. Уровень обеспеченности общедоступными предприятиями питания муниципальных районов Республики Мордовия

Fig. 4. Level of provision with public catering enterprises in the municipal districts of the Republic of Mordovia

Согласно Методическим указаниям по составлению перспективных планов (схем) развития и размещения сети предприятий розничной торговли и общественного питания, средний норматив обеспеченности по

Т а б л и ц а 3. Общедоступные предприятия питания в разрезе муниципальных районов Республики Мордовия

T a b l e 3. Public catering enterprises in the municipal districts of the Republic of Mordovia

Район / District	Тип предприятия питания / Type of catering enterprise					Всего / Total	Общая площадь зала, м ² / Total area of the premises, m ²	Количество мест / Number of seats
	Рестораны / Restaurants	Кафе / Cafés	Бары / Bars	Столовые общедоступные / Public canteens	Другие предприятия / Other enterprises			
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Ардатовский / Ardatov District	–	6	–	–	10	16	1 189,0	752
Атюрьевский / Atyuryevovo District	–	5	–	–	3	8	507,0	555
Атяшевский / Atyashevo District	–	2	2	–	6	10	485,6	344
Большеберезниковский / Bolshye Berezniki District	1	1	–	–	1	3	132,6	169
Большегнаатовский / Bolshoe Ignatovo District	1	3	–	1	1	6	484,6	384
Дубёнский / Dubyonki District	–	5	1	–	–	6	878,0	610
Ельниковский / Yelniki District	–	2	1	–	–	3	646,3	416
Зубово-Полянский / Zubova Polyana District	–	15	–	–	–	15	1 114,4	614
Инсарский / Insar District	–	1	1	–	2	4	494,0	258

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Ичалковский / Ichalki District	–	4	1	–	2	7	768,7	418
Кадошкинский / Kadoshkino District	–	4	1	–	–	5	464,0	290
Ковылкинский / Kovylkino District	–	11	1	–	6	18	935,0	692
Кочкуровский / Kochukovovo District	–	–	–	1	–	1	133,0	90
Краснослободский / Krasnoslobodsk District	–	10	1	–	5	16	1 736,3	1 205
Лямбирский / Lyambir District	–	6	–	1	2	9	383,0	296
Ромодановский / Romodanovo District	–	4	1	1	1	7	473,0	295
Рузаевский / Ruzaevka District	–	12	4	–	16	32	3 368,0	1 541
Старошайговский / Staroe Shaygovo District	–	1	1	–	–	2	240,0	120
Темниковский / Temnikov District	–	5	–	–	1	6	1 153,0	860
Теньгушевский / Tengu-shevo District	–	2	–	–	–	2	560,0	350
Торбеевский / Torbeevovo District	–	3	–	–	3	6	756,0	357
Чамзинский / Chamzinka District	–	8	1	–	2	11	1 383,0	697
Всего / Total	2	110	16	4	61	193	18 284,5	11313

стране посадочными местами в предприятиях общественного питания составляет 40 посадочных мест (ПМ) на 1 000 жителей¹¹.

В таблице 4 представлены расчеты обеспеченности муниципальных районов республики и г. о. Саранск посадочными местами в общедоступных предприятиях питания и отклонение показателей от нормативных значений. Из данных показателей следует, что обеспеченность посадочными местами в общедоступных предприятиях общественного питания в целом по Республике Мордовия составляет 70,3 % от нормативного значения. По муниципальным районам этот показатель ниже практически на 10 % и равен 60,75 % (фактическая обеспеченность по районам составляет всего 24,3 места). Даже в столице региона обеспеченность посадочными местами в предприятиях питания ниже норматива на 16,9 % (и это несмотря на подготовку города к Чемпионату мира по футболу FIFA 2018).

Представленные данные выдвигают на повестку дня вопрос о необходимости дальнейшего наращивания сети предприятий общепита путем увеличения числа предприятий за счет строительства новых либо увеличения числа посадочных мест в уже имеющихся предприятиях за счет их модернизации и реконструкции. Однако наиболее эффективным будет сочетание обоих направлений развития.

Если 100 % представляет собой нормативный показатель, характеризующий полную обеспеченность количеством посадочных мест в предприятиях питания, то по данному показателю градация районов будет отличаться от той, которая основана на общем количестве учреждений, предоставляющих услуги питания. В соответствии с данными таблицы 4 нами создана карта-схема, характеризующая уровень обеспеченности муниципальных районов Республики Мордовия количеством посадочных мест на 1 000 жителей (рис. 5). В соответствии с данной картой можно выделить следующие группы районов:

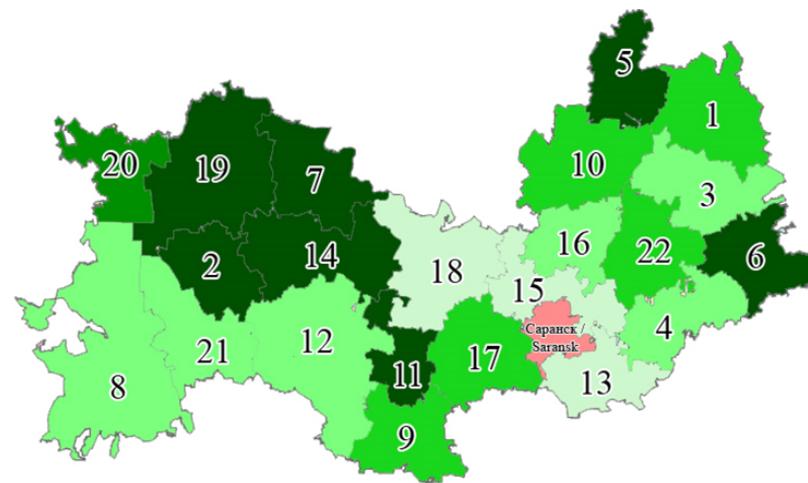
– полностью обеспеченные (свыше 100 %): Атюрьевский, Темниковский, Большеигнатовский, Краснослободский, Дубенский, Кадошкинский, Ельниковский районы;

– обеспеченность выше среднего (от 75 до 100 %): Теньгушевский район;

– средняя обеспеченность (от 50 до 75 %): Ардатовский, Рузаевский, Чамзинский, Ичалковский, Инсарский районы;

– обеспеченность ниже среднего (от 25 до 50 %): Атяшевский, Торбеевский, Ковылкинский, Ромодановский, Большеберезниковский, Zubovo-Polyanskiy районы;

¹¹ О введении в действие Номенклатуры типов магазинов и общедоступных предприятий общественного питания, Методических указаний по составлению перспективных планов (схем) развития и размещения этой сети : приказ Минторга РСФСР от 25 июня 1982 г. № 176 [Электронный ресурс] // Гарант : информ.-правов. система. URL: <http://base.garant.ru/179298/> (дата обращения: 20.03.2018).

Условные обозначения / Conventions

Муниципальный район / Municipal Districts

1 - Ардатовский / Ardатов District	12 - Ковылкинский / Kovylkino District
2 - Атюрьевский / Atyuryevo District	13 - Кочкуровский / Kochkurovo District
3 - Атяшевский / Atyashevo District	14 - Краснослободский / Krasnoslobodsk District
4 - Большеберезниковский / Bolshiye Berezniki District	15 - Лямбирский / Lyambir District
5 - Большеигнатовский / Bolshoe Ignatovo District	16 - Ромодановский / Romodanovo District
6 - Дубенский / Dubyonki District	17 - Рузаевский / Ruzaevka District
7 - Ельниковский / Yelniki District	18 - Старошайговский / Staroe Shaygovo District
8 - Zubovo-Polyanskiy / Zubova Polyana District	19 - Темниковский / Temnikov District
9 - Инсарский / Insar District	20 - Теньгушевский / Tengushevo District
10 - Ичалковский / Ichalki District	21 - Торбеевский / Torbeevo District
11 - Кадошкинский / Kadoshkino District	22 - Чамзинский / Chamzinka District

	Полная обеспеченность (свыше 100 %) / Full provision (over 100 %)
	Уровень выше среднего (от 75 до 100 %) / Level higher than the average (from 75 % to 100 %)
	Средний уровень (от 50 до 75 %) / Average level (from 50 % to 75 %)
	Уровень ниже среднего (от 25 до 50 %) / Level below the average (from 25 % to 50 %)
	Низкий уровень (ниже 25 %) / Low level (less than 25 %)

Р и с. 5. Уровень обеспеченности количеством посадочных мест общедоступных предприятий общественного питания в расчете на 1 000 чел.

F i g. 5. Level of provision of public catering enterprises with seats per 1,000 people

– низкая обеспеченность (ниже 25 %): Старошайговский, Кочкуровский, Лямбирский районы.

Наиболее высокий показатель обеспеченности количеством посадочных мест общедоступных предприятий питания в расчете на 1 000 чел.

Т а б л и ц а 4. Обеспеченность количеством посадочных мест общедоступных предприятий общепита Мордовии в расчете на 1 000 чел. (на 1 января 2017 г.)
T a b l e 4. Provision of public catering enterprises in the Republic of Mordovia with seats per 1,000 people, as of 01 January 2017

Наименование муниципального района, города / Name of the municipal district, city	Количество предприятий, ед. / Number of enterprises, units	Площадь зала обслуживания, м ² / Area of the premises for servicing, m ²	Количество ПМ, ед. / Number of seats, units	Численность населения, чел. / Population, people	Фактическая обеспеченность ПМ на 1 000 чел., ед. / Actual provision with seats for 1,000 people, units	Отклонение от норматива 40 ПМ на 1 000 чел. / Deviation from the norm of 40 seats per 1,000 people	
						Абсолютное (+/-) / Absolute, relative, %	Относительное / relative, %
1	2	3	4	5	6	7	8
Ардатовский / Ardatov District	16	1 189,0	752	25 661	29,31	-10,69	73,28
Атурьевский / Атурьево District	8	507,0	555	8 674	63,98	23,98	159,95
Атяшевский / Атяшево District	10	457,6	332	17 554	18,91	-21,09	47,28
Большеребнинковский / Bolshieyereznikovskiy / Bolshoye Vezhniki District	3	132,6	169	12 831	13,17	-26,83	32,93
Большенинатовский / Bolshoeninatovskiy / Bolshoye Ignatovo District	6	484,67	384	7 240	53,04	13,04	132,60
Дубенский / Dubyonki District	6	878,0	610	12 050	50,62	10,62	126,56
Ельниковский / Yelnikovskiy / Yelniki District	3	646,3	416	10 272	40,50	0,50	101,25
Зубово-Полянский / Zubovo-Polyanskiy / Zubova Polyana District	15	1 114,4	614	55 414	11,08	-28,92	27,70
Инсарский / Insarskiy District	4	494,0	258	12 528	20,59	-19,41	51,48
Ичалковский / Ichalkovskiy / Ichalki District	7	768,7	418	18 802	22,23	-17,77	55,58

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4	5	6	7	8
Кадошкинский / Kadoshkiно District	5	464,0	290	6 976	41,57	1,57	103,93
Ковылкинский / Kovylikino District	18	935,0	692	40 194	17,22	-22,78	43,04
Кочкуровский / Kochukovskiy / Kochukovo District	1	133,0	90	10 086	8,92	-31,08	22,31
Краснослободский / Krasnoslobodskiy / Krasnoslobodskiy District	16	1 736,3	1 205	23 784	50,66	10,66	126,66
Лямбирский / Lyambirskiy / Lyambir District	9	383,0	296	34 336	8,62	-31,38	21,55
Ромодановский / Romodanovskiy / Romodanovo District	32	3 368,0	1 541	64 676	23,83	-16,17	59,57
Рузаевский / Ruzaevskiy / Ruzaevka District	7	473,0	295	19 884	14,84	-25,16	37,09
Староайровский / Staroayrovskiy / Staroe Shaygovo District	2	240,0	120	12 350	9,72	-30,28	24,29
Темниковский / Temnikovskiy / Temnikov District	6	1 153,0	860	14 684	58,57	18,57	146,42
Теньгушевский / Tengushevskiy / Tengushevo District	2	560,0	350	10 771	32,49	-7,51	81,24
Торбеевский / Torbeevskiy / Torbeevo District	6	756,0	357	18 904	18,88	-21,12	47,21
Чамзинский / Chamzinskiy / Chamzinka District	11	1 383,0	697	30 588	22,79	-17,21	56,97
Итого по муниципальным районам / Total for the municipal districts	193	18 256,6	11 301	465 142	24,30	-15,70	60,75
г. о. Саранск / Urban district of Saransk	245	25 306,6	11 453	344 572	33,24	-6,76	83,10
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	438	43 563,2	22 754	809 174	28,12	-11,88	70,30

зафиксирован в Атюрьевском муниципальном районе (почти 160 %), а наиболее низкий – в Лямбирском (21,6 %). Первенство Атюрьевского района, по нашему мнению, объясняется малой численностью населения по сравнению с остальными муниципальными районами республики, а последнее место Лямбирского района – географической близостью к столице Мордовии.

Сравнив рисунки 4 и 5, можно констатировать, что состав районов по группам обеспеченности предприятиями питания и посадочными местами на 1 000 жителей сильно отличаются друг от друга и часто противоположены. Подавляющее большинство районов не совпадает по обозначенным показателям. Так, например, в группу районов с высокой обеспеченностью предприятиями питания входит Рузаевский район, тогда как по числу посадочных мест на 1 000 чел. он расположился в группе со средней обеспеченностью. С другой стороны, Ельниковский район по числу предприятий питания вошел в группу с низким уровнем, а по обеспеченности числом посадочных мест на 1 000 чел. – в группу полностью обеспеченных.

Низкие значения по обоим показателям характерны только для двух муниципальных районов – Старошайговского и Кочкуровского, которые являются абсолютными аутсайдерами по уровню развития общедоступно-общественного питания в сельской местности Республики Мордовия.

Обсуждение и заключения. Общественное питание играет важную роль в развитии любых видов туризма. Однако основная черта сети предприятий общественного питания в сельской местности Республики Мордовия – ее неравномерное размещение, что в определенной мере сдерживает развитие не только сельского, но и экологического, культурно-познавательного, событийного и других видов туризма.

Главная задача, стоящая перед исполнительными органами власти республики и муниципальных районов, заключается в том, чтобы разработать и эффективно реализовать программу развития сети общественного питания в сельской местности Республики Мордовия. Решение состоит не в достижении баланса количества предприятий и их вместимости, а во всестороннем удовлетворении потребностей туристов, посещающих сельские территории.

При разработке такой программы следует учитывать негативные факторы, влияющие на развитие сети общественного питания в сельской местности:

- отток сельского населения;
- дефицит, а иногда и полное отсутствие кадров высокой квалификации;
- изношенность существующей материально-технической базы общественного питания;
- неудовлетворительное состояние сельской туристской инфраструктуры;

- низкий уровень информированности не только населения республики, но и других регионов и иностранных туристов об услугах, оказываемых при посещении сельской местности;
- неэффективная политика в сфере продвижения сельского туризма;
- частое нежелание владельцев гостевых домов сотрудничать с туристскими организациями;
- непроработанность вопросов финансового обеспечения;
- слабое использование управляющей функции муниципальными органами.

В целом следует отметить, что основная часть муниципальных районов республики имеет средний уровень обеспеченности предприятиями питания и количеством посадочных мест и не соответствует установленным в стране нормативам. В связи с этим данное исследование, на наш взгляд, будет иметь определенное значение для государственных и частных организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере туристской индустрии. Кроме того, основные положения работы могут стать базой для разработки как региональной, так и муниципальных программ по развитию сети общественного питания в республике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Глебова С. Ю., Голуб О. В., Рыбакова Т. М. Разработка направлений модернизации общественного питания в сельской местности // *Техника и технология пищевых производств*. 2015. Т. 37, № 2. С. 151–157. URL: <http://fptt.ru/?page=archive&jrn=37&article=24> (дата обращения: 10.04.2018).
2. Rural tourism accommodation prices by land use-based hedonic approach: First results from the case study of the self-catering cottages in Asturias / C. Bilbao-Terol [et al.] // *Sustainability*. 2017. Vol. 9, issue 10. DOI: <https://www.doi.org/10.3390/su9101688>
3. Gunawan S., Shieh C.-J., Pei Y. Effects of crisis communication strategies and media report on corporate image in Catering Industry // *Acta Oeconomica*. 2015. No. 65. Pp. 399–411. DOI: <https://www.doi.org/10.1556/032.65.2015.S2.29>
4. Risku-Norja H., Løes A.-K. Organic food in food policy and in public catering: lessons learned from Finland // *Organic Agriculture*. 2017. Vol. 7, issue 2. Pp. 111–124. DOI: <https://www.doi.org/10.1007/s13165-016-0148-4>
5. Антонова А. Б., Пятковская Е. Ю. Инфраструктура общественного питания как элемента туристской дестинации: использование кластерного подхода при разработке направлений совершенствования // *Общество. Среда. Развитие*. 2012. № 1. С. 45–49. URL: <http://www.terrahumana.ru> (дата обращения: 10.04.2018).
6. Желнова К. В., Осипов А. К. Кластерный подход к управлению общественным питанием на уровне муниципального образования (на примере города Воткинска) // *Вестник Ижевского государственного технического университета*. 2011. № 4. С. 87–92. URL: <http://old.istu.ru/unit/izdat/izdaniya/period/vestnik> (дата обращения: 10.04.2018).

7. Богомолова Е. С., Некрасова С. О. Тактические вопросы размещения предприятий общественного питания региона // Проблемы современной экономики. 2007. № 2. С. 270–274. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1399> (дата обращения: 10.04.2018).

8. Бойко М. Н., Ерофеев Ю. В., Новикова И. И. Организация общественного питания населения – проблемы и пути решения // Здоровье населения и среда обитания. 2008. № 2. С. 38–39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15208407> (дата обращения: 10.04.2018).

9. Scherbinina T., Kasainov T., Pudovik E. Geomarketing as decision-making tool for a catering establishment placement // International Journal of Pharmacy and Technology. 2016. Vol. 8, issue 4. Pp. 25103–25111. URL: https://www.researchgate.net/publication/316887549_Geomarketing_as_decision-making_tool_for_a_catering_establishment_placement (дата обращения: 10.04.2018).

10. Колесникова А. Е. Территориальные особенности развития рынка общественного питания Калининградской области как эксклавной территории // Регион сотрудничества. 2009. № 2. С. 59–63. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13229329&> (дата обращения: 10.04.2018).

11. Мукожев А. М. Повышение эффективности управления общественным питанием региона в рыночных условиях // Новые технологии. 2012. № 4. С. 222–226. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19116137> (дата обращения: 10.04.2018).

12. Тяпухин А. П., Пчелинцева Ю. А. Современные тенденции развития рынка предприятий общественного питания Оренбургской области // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 5. С. 83–87. URL: <http://vestnik.osu.ru/doc/1026/lang/0/num/68> (дата обращения: 10.04.2018).

13. Хорошко А. М., Синуков В. А. Современное общественное питание: функции, особенности, тенденции развития // Экономика и предпринимательство. 2016. № 2-1 (67-1). С. 399–401. URL: <http://www.intereconom.com/archive/323.html> (дата обращения: 10.04.2018).

14. Chernov G. E., Chernova E. V. Public catering: new challenges of changing Russia // On the Way to a Stable World: Security and Sustainable Development a Collection of Scientific Papers. San Diego, 2015. Pp. 93–97. DOI: [https://www.doi.org/10.17809/02\(2015\)-GP](https://www.doi.org/10.17809/02(2015)-GP)

15. Петренко Е. С. Как измерить потенциал и оценить эффективность взаимодействия потребительских сетей в общественном питании? // Российское предпринимательство. 2013. № 20 (242). С. 132–143. URL: <https://creativeconomy.ru/lib/8297> (дата обращения: 10.04.2018).

16. Соколов А. А. Потребительские предпочтения посетителей предприятий общественного питания малого города // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2013. № 35. С. 286–291. URL: http://www.rusacad.ru/research/publishing_activities/scientificnotes.php (дата обращения: 10.04.2018).

17. Жулина М. А., Каменева Л. А. Исследование рынка общественного питания г. Саранска // Сервис в России и за рубежом. 2011. № 4 (23). С. 299–304. URL: http://service-rusjournal.ru/index.php?do=cat&category=2011_4 (дата обращения: 10.04.2018).

18. Колчина Н. О. Тенденции развития сферы общественного питания Республики Мордовия за 2008–2013 гг. // Вестник Мордовского университета. 2014. № 4. С. 162–173. DOI: <https://www.doi.org/10.15507/VMU.024.201403.174>

19. Жулина М. А., Кицис В. М. Локальные туристские кластеры Республики Мордовия: формирование и функционирование // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т. 10, № 1. С. 65–72. DOI: <https://www.doi.org/10.12737/17786>

Поступила 19.04.2018; принята к публикации 28.05.2018; опубликована онлайн 28.09.2018.

Об авторах:

Кицис Вячеслав Михайлович, доцент кафедры туризма ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат географических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4016-5275>, vkitsis@mail.ru

Вавилова Алина Владимировна, аспирант кафедры туризма ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2977-876X>, wawilowaaw@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Кицис Вячеслав Михайлович – общее руководство; определение замысла и методологии статьи; проведение критического анализа материалов; доработка статьи.

Вавилова Алина Владимировна – сбор и обработка информации; подготовка начального варианта текста; формализованный анализ данных; курирование данных; компьютерные работы.

Для цитирования:

Кицис В. М., Вавилова А. М. Уровень развития и размещение предприятий общественного питания на сельских территориях Республики Мордовия // Регионология. 2018. Т. 26, № 3. С. 578–605. DOI: [10.15507/2413-1407.104.026.201803.578-605](https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.578-605)

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Glebova S.Yu., Golub O.V., Rybakova T.M. Trends of modernization of food service industry enterprises in countryside. *Tekhnika i tekhnologiya pishhevykh proizvodstv* = Food Processing: Techniques and Technology. 2015; 37(2):151-157. Available at: <http://fptt.ru/?page=archive&jm=37&article=24> (accessed 10.04.2018). (In Russ.)

2. Bilbao-Terol C., Cañal-Fernández V., Valdés L., Del Valle E. Rural tourism accommodation prices by land use-based hedonic approach: First results from the case study of the self-catering cottages in Asturias. *Sustainability*. 2017; 9(10). DOI: <https://www.doi.org/10.3390/su9101688>

3. Gunawan S., Shieh C.-J., Pei Y. Effects of crisis communication strategies and media report on corporate image in Catering Industry. *Acta Oeconomica*. 2015; 65:399-411. DOI: <https://www.doi.org/10.1556/032.65.2015.S2.29>

4. Risku-Norja H., Løes A.-K. Organic food in food policy and in public catering: lessons learned from Finland. *Organic Agriculture*. 2017; 7(2):111-124. DOI: <https://www.doi.org/10.1007/s13165-016-0148-4>

5. Antonova A.B., Pyatkovskaya E.Yu. [Infrastructure of public catering as an element of tourist destination: the use of the cluster approach in the development of areas of improvement]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye* = Society. Environment. Development. 2012; 1:45-49. Available at: <http://www.terrahumana.ru> (accessed 10.04.2018). (In Russ.)

6. Zhelnova K.V., Osipov A.K. Cluster approach to the management of catering on the level (by example of Votkinsk). *Vestnik Izhevskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* = Bulletin of Izhevsk State Technical University. 2011; 4:87-92. Available at: <http://old.istu.ru/unit/izdat/izdaniya/period/vestnik> (accessed 10.04.2018). (In Russ.)

7. Bogomolova E.S., Nekrasova S.O. [Tactical issues of distribution of catering enterprises in a region]. *Problemy sovremennoj ekonomiki* = Problems of Modern Economics. 2007; 2:270-274. Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1399> (accessed 10.04.2018). (In Russ.)

8. Boyko M.N., Erofeev Yu.V., Novikova I.I. [Organization of public nutrition of the population – problems and solutions]. *Zdorove naseleniya i sreda obitaniya* = Population health and Life Environment. 2008; 2:38-39. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15208407> (accessed 10.04.2018). (In Russ.)

9. Scherbinina T., Kasainov T., Pudovik E. Geomarketing as decision-making tool for a catering establishment placement. *International Journal of Pharmacy and Technology*. 2016; 8(4):25103-25111. Available at: https://www.researchgate.net/publication/316887549_Geomarketing_as_decision-making_tool_for_a_catering_establishment_placement (accessed 10.04.2018).

10. Kolesnikova A.E. [Territorial features of development of the market of public catering in the Kaliningrad Region as an exclave territory]. *Region sotrudnichestva* = Region of Cooperation. 2009; 2:59-63. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13229329&> (accessed 10.04.2018). (In Russ.)

11. Mukozhev A.M. Improving the efficiency of region catering management in a market system. *Novye tekhnologii* = New Technologies. 2012; 4:222-226. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19116137> (accessed 10.04.2018). (In Russ.)

12. Tyapukhin A.P., Pchelintseva Yu.A. [Modern trends in the development of the market of public catering enterprises in the Orenburg Region]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin Orenburg State University. 2005; 5:83-87. Available at: <http://vestnik.osu.ru/doc/1026/lang/0/num/68> (accessed 10.04.2018). (In Russ.)

13. Khoroshko A.M., Sinyukov V.A. [Modern public catering: functions, features, development trends]. *Ekonomika i predprinimatelstvo* = Journal of Economy and Entrepreneurship. 2016; 2-1(67-1):399-401. Available at: <http://www.intereconom.com/archive/323.html> (accessed 10.04.2018). (In Russ.)

15. Chernov G.E., Chernova E.V. Public catering: new challenges of changing Russia. In: *On the Way to a Stable World: Security and Sustainable Development* A Collection of Scientific Papers. San Diego, 2015. p. 93-97. DOI: [https://www.doi.org/10.17809/02\(2015\)-GP](https://www.doi.org/10.17809/02(2015)-GP)

15. Petrenko E.S. How to measure the potential and to assess effectiveness of consumer networks interaction in public catering? *Rossiyskoye predprinimatelstvo* = Russian Journal of Entrepreneurship. 2013; 20(242):132-143. Available at: <https://creativeconomy.ru/lib/8297> (accessed 10.04.2018). (In Russ.)

16. Sokolov A.A. [Consumer preferences of visitors of catering enterprises of a small town]. *Uchenye zapiski Rossiyskoy Akademii predprinimatelstva* = Scholarly notes of Russian Academy of Entrepreneurship. 2013; 35:286-291. Available at: http://www.rusacad.ru/research/publishing_activities/scientificnotes.php (accessed 10.04.2018). (In Russ.)

17. Zhulina M.A., Kameneva L.A. Research of the catering market in Saransk. *Servis v Rossii i za rubezhom* = Services in Russia and Abroad. 2011; 4(23):299-304. Available at: http://service-rusjournal.ru/index.php?do=cat&category=2011_4 (accessed 10.04.2018). (In Russ.)

18. Kolchina N.O. Forecast for the foodservice industry in the Republic of Mordovia for the period of 2013-2018. *Vestnik Mordovskogo universiteta* = Mordovia University Bulletin. 2014; 4:162-173. DOI: <https://www.doi.org/10.15507/VMU.024.201403.174>

19. Zhulina M.A., Kitsis V.M. Local tourism clusters in the Republic of Mordovia: the establishment and functioning. *Sovremennye problemy servisa i turizma* = Service and Tourism: Current Challenges. 2016; 10(1):65-72. DOI: <https://www.doi.org/10.12737/17786>

Submitted 19.04.2018; accepted for publication 28.05.2018; published online 28.09.2018.

About the authors:

Vyacheslav M. Kitsis, Associate Professor, Department of Tourism, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Geography), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4016-5275>, vkitsis@mail.ru

Alina V. Vavilova, Postgraduate, Department of Tourism, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2977-876X>, wawilowaaw@yandex.ru

Contribution of the authors:

Vyacheslav M. Kitsis – general supervision; determination of the concept and methodology of the article; critical analysis of the materials; finalization of the article.

Alina V. Vavilova – collection and processing of information; preparation of the initial version of the text; formalized data analysis; data management; computer work.

For citation:

Kitsis V.M., Vavilova A.M. Level of the Development and Distribution of Public Catering Enterprises in Rural Areas of the Republic of Mordovia. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 26(3):578-605. DOI: [10.15507/2413-1407.104.026.201803.578-605](https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.578-605)

All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Уплата в бюджет штрафов за административные правонарушения в системе МВД России: проблемы и пути решения

С. С. Артемьева*

В. В. Пискунов

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия),
* art.s13@mail.ru

Введение. Ежегодный рост количества выявляемых административных правонарушений требует принятия более эффективных мер по администрированию платежей. Совершенствование процесса администрирования штрафов является актуальным как для развития органов внутренних дел, так и для экономики страны в целом. Цель статьи – выявить проблемы, возникающие при администрировании штрафов за административные правонарушения, и предложить способы их решения.

Материалы и методы. Использовались комплексный подход к рассматриваемой проблеме в контексте с диалектическим подходом к результатам исследования, а также статистико-экономический, абстрактно-логический, монографический, расчетно-конструктивный методы научного исследования.

Результаты исследования. Выявлено, что осуществляемое подразделениями Министерства внутренних дел Российской Федерации администрирование штрафов за административные правонарушения различными «собственными» методами не было эффективным. Определены показатели, позволившие улучшить ситуацию с учетом прохождения платежей на счета бюджетной системы страны. Выявлены проблемы с поступлением платежей в бюджет субъекта. Предложены меры по развитию механизма исполнения назначаемых органами внутренних дел административных штрафов и усилению контроля за приемом платежей за административные правонарушения.

© Артемьева С. С., Пискунов В. В., 2018

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted reuse, distribution, and reproduction in any medium provided the original work is properly cited.

Обсуждение и заключения. Ежегодный рост количества выявляемых административных правонарушений требует принятия более эффективных мер по администрированию платежей, так как от этого в большой степени зависит объем доходов во всех бюджетах страны. Предложенные авторами меры по централизации зачисления денежных средств и усилению контроля за их поступлением позволят избежать многочисленных жалоб граждан и организаций по вопросам фиксации фактов уплаты штрафов, снизить нагрузку на администраторов доходов бюджетов и свести к минимуму неидентифицируемые платежи.

Ключевые слова: бюджет, Министерство внутренних дел, доход, код бюджетной классификации, уникальный идентификатор начисления, административный штраф

Payment of Fines for Administrative Offenses to the Budget in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Problems and Possible Solutions

S. S. Artemyeva, V. V. Piskunov
National Research Mordovia State University (Saransk, Russia),
* art.s13@mail.ru

Introduction. The annual increase in the number of identified administrative offenses requires more effective measures to administer payments. Improvement of the process of administering fines is relevant both for the development of internal affairs agencies and for the country's economy as a whole. The purpose of the paper is to identify the problems arising when administering fines for administrative offenses and to suggest ways to solve them.

Materials and Methods. A comprehensive approach to the problem under discussion was used together with the dialectical approach to the research results. The statistical and economic method, as well as the abstract-logical, monographic, calculation and construction methods of scientific research were also employed.

Results. It has been revealed that the administration of fines for administrative offenses by the subdivisions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation following "their own" various methods has not been effective. Indicators have been determined that made it possible to improve the situation taking into account the passage of payments to budget accounts of the country's budget system. Problems with receipt of payments to the budget of a constituent entity of the Russian Federation have been identified. Measures have been proposed to develop the mechanism for execution of payments of administrative fines imposed by the internal affairs agencies and to strengthen control over the reception of payments for administrative offenses.

Discussion and Conclusions. The annual increase in the number of administrative offenses requires more effective measures to administer payments as this greatly affects the level of revenues in all the budgets in the country. The measures proposed by the authors to centralize the reception of payments and strengthen control over their receipt will help to avoid numerous complaints of people and organizations concerning recording the facts of payment of fines, as well as to reduce the burden on administrators of budget revenues and reduce to minimum unidentifiable payments.

Keywords: budget, Ministry of Internal Affairs, revenue, budget classification code, unique charge identifier, administrative fine

Введение. В настоящее время все большее внимание уделяется неналоговым доходам бюджета, в частности такому эффективному источнику, как административные штрафы. В соответствии с российским законодательством штраф является мерой наказания за правонарушения и широко применяется в административном, финансовом, налоговом, уголовном, гражданском, таможенном праве. Денежные взыскания выполняют различные функции (пресекательную, воспитательную), а также служат источником для пополнения доходной базы федерального, региональных и местных бюджетов. Однако финансовые аспекты штрафных санкций за административные правонарушения в системе МВД обойдены вниманием в экономической науке. Этим обусловлена актуальность проведенного авторами исследования.

Важнейшими направлениями деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) являются предупреждение административных правонарушений, а также их пресечение. В случае выявления административных правонарушений открывается производство по делам и следует исполнение наказаний за них. Неотвратимость и обязательность исполнения постановлений о наложении штрафов за административные правонарушения являются факторами, влияющими на безопасность дорожного движения, обеспечение общественного порядка и безопасности, а также на пополнение доходной базы бюджетов страны.

Заключительной стадией процесса, связанного с административными правонарушениями, является исполнение постановлений. Указанная стадия регулируется нормами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹ (далее – КоАП РФ) (главы 31, 32) и Федеральным законом Российской Федерации от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»² и заключается в уплате в бюджет штрафов нарушителями в добровольном или принудительном порядке.

Согласно приказу МВД России от 28.05.2013 г. № 299 «Об осуществлении подразделениями Министерства внутренних дел Российской Федерации, территориальными органами Министерства внутренних дел Российской Федерации бюджетных полномочий главных администраторов доходов бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов» на органы МВД России на региональном уровне возложены обязанности главных администраторов доходов бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, а их начальники несут персональную ответственность за исполнение указанных полномочий.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12125267> (дата обращения: 01.03.2018).

² Об исполнительном производстве : Федеральный закон Российской Федерации от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12156199> (дата обращения: 01.03.2018).

В 2014 г. приказом МВД России утверждены Инструкция о порядке осуществления подразделениями центрального аппарата МВД России, его территориальными органами и федеральными подведомственными казенными учреждениями бюджетных полномочий администраторов доходов всех бюджетов бюджетной системы страны, а также Перечень кодов классификации доходов бюджетов, применяемых этими подразделениями для перечисления поступлений в бюджет от уплаты административных штрафов.

Администраторы доходов бюджетов занимают важное место среди остальных участников бюджетного процесса, так как от их деятельности зависит «полнота и своевременность наполняемости соответствующего бюджета и состояние основных источников финансирования» [1, с. 130]. Также администраторы доходов бюджетов в соответствии с законодательством РФ контролируют правильность исчислений, полноту и своевременность уплаты, отслеживают начисление, проводят учет, взыскание и принятие решений о возврате излишне уплаченных средств, пеней и штрафов по ним [1, с. 130].

До недавнего времени подразделения МВД России в своей повседневной деятельности осуществляли администрирование платежей, поступивших от уплаты штрафов за административные правонарушения, различными способами:

- путем ручной сверки платежных поручений, поступающих через систему электронного документооборота Федерального казначейства с информацией, содержащейся в банках данных учета административных правонарушений;

- проведением загрузки в электронном виде в информационные ресурсы учета нарушений административного законодательства платежных реестров, поступающих от банковских организаций на основании заключенных соглашений об информационном взаимодействии;

- внесением в базы данных учета административных нарушений квитанций об оплате при личном приеме граждан, обратившихся в подразделения по вопросам исполнения административного законодательства.

Применяемые меры не имели достаточной эффективности в части полного учета и контроля фиксации поступивших платежей в используемых информационных базах данных. При этом достаточно большой объем работы в этой сфере сосредоточен именно на региональном уровне. Цель статьи – выявление и решение проблем, связанных с использованием штрафов как меры административного наказания в качестве источника доходов бюджетной системы.

Обзор литературы. Актуальность проблем администрирования штрафов за различные административные правонарушения, в также роль в этом процессе администраторов доходов бюджетов, заключающаяся в осу-

ществлении правильного и эффективного учета денежных средств, поступивших от уплаты штрафных санкций, находят свое отражение в статьях авторов, занимающихся данной проблематикой. Вместе с тем необходимо отметить, что большинство исследований касаются юридических аспектов проблемы. Финансовые аспекты уплаты в бюджет штрафов за административные правонарушения в научной литературе до настоящего времени практически не изучались.

В монографиях, учебниках и учебных пособиях рассматривались лишь отдельные фискальные сборы и некоторые иные обязательные платежи с правовой точки зрения. Причем необходимо отметить, что исследование осуществлялось путем сравнения их существенных признаков с налоговыми платежами [2].

Теоретические аспекты проблематики исследовались в трудах Н. А. Сатаровой [3], Ю. Н. Старилова [4], Н. И. Химичевой [5], С. О. Шохина [6], А. А. Ялбулганова [7]. Отдельные вопросы применительно к фискальным налогам и сборам исследовались в работах авторов в области финансово-налогового права: Э. Д. Соколовой [8], Г. А. Тосунян [9] и др.

И. В. Максимов отмечает, что «административные штрафы необходимо рассматривать не только как часть мер административных наказаний, но и как вполне самостоятельную систему. Ее внутренняя структура, соотношение отдельных видов должны отражать объективно существующую дифференциацию административных штрафов, обусловленную характером различных административных правонарушений» [10]. Достаточно подробно систему административных наказаний исследует в своих трудах Д. Н. Бахрах [11].

Вопросам правового регулирования административных штрафов непосредственно за правонарушения в области дорожного движения посвящены работы Е. А. Павловой [12], Д. А. Чепурных [13] и других авторов [14–16].

Обзор литературы позволяет заключить, что поставленная проблема рассматривается преимущественно с правовой точки зрения. Научные труды, посвященные финансовым аспектам, достаточно малочисленны. Так, вопросы развития института администрирования доходов изучает Л. Е. Воинова. По ее мнению, администраторы доходов в бюджетном процессе играют большую роль, так как несут ответственность за «организацию оптимальной системы сбора и представление финансовым органам информации, необходимой для составления проектов бюджетов по доходам на краткосрочную и долгосрочную перспективу. Развитие института администрирования доходов обусловлено изменениями в бюджетном процессе страны» [1, с. 129].

Е. В. Гвоздева считает, что отсутствие достоверных сведений об уплаченных физическими лицами штрафов приводит к сложностям,

касающимся направления в службу судебных приставов постановлений для их принудительного исполнения, а также привлечения к административной ответственности неплательщиков в соответствии с КоАП РФ [17, с. 67].

Формирование структуры кодов бюджетной классификации, по которым отражаются штрафы за административные правонарушения, С. С. Бычков рассматривает по принципу однозначного соответствия кода бюджетной классификации и конкретной области законодательства Российской Федерации, за нарушение которой взыскивается административный штраф³.

В настоящее время в пополнении доходов бюджетов участвует большое количество администраторов доходов, которые относятся к различным ведомствам [18, с. 69–70]. Система администрирования неналоговых доходов продолжает нуждаться в совершенствовании, так как одни и те же неналоговые доходы закреплены за рядом администраторов. Существует также большая группа неналоговых доходов, закрепленных за всеми администраторами доходов бюджета, что, по мнению Т. П. Булаховой и А. А. Земцова, способно привести к противоречивому разграничению полномочий между ведомствами и снижению качества администрирования неналоговых доходов [19, с. 64].

Административные штрафы и проблемы их уплаты в бюджет существуют практически во всех государствах. Необходимо отметить, что аналогично российским исследователям зарубежные авторы также делают акценты на юридической природе проблематики [20] либо рассматривают организационные аспекты уплаты штрафов с точки зрения выполнения функций полицией [21]. Экономическая сторона проблематики оказывается нераскрытой.

Существующий ряд мнений и взглядов различных авторов на возникающие проблемы при администрировании штрафов говорит о значимости денежных средств, которые поступают в результате уплаты административных штрафов, в формировании бюджетных ресурсов государства. Между тем финансовые аспекты продолжают оставаться слабоизученными.

Материалы и методы. При подготовке статьи использовались труды известных ученых в области администрирования штрафов, публикации по теме исследования в периодической печати, нормативно-правовые акты и документы в данной сфере, директивные документы Правительства Российской Федерации.

В качестве методологической основы применялся комплексный подход к рассматриваемой проблеме в контексте с диалектическим подходом к результатам исследования, сформулированным в форме выводов, заклю-

³ Бычков С. С. Администрирование поступлений от денежных взысканий (штрафов) // Бюджетный учет. 2006. № 5. С. 25.

чений и предложенных рекомендаций, позитивно влияющих на процесс познания в сфере совершенствования механизма уплаты в бюджет штрафов за административные правонарушения. В работе использовались такие методы научного исследования, как статистико-экономический, абстрактно-логический, монографический, расчетно-конструктивный.

Информационной базой исследования послужили отчетно-информационные данные Министерства внутренних дел по Республике Мордовия, электронные информационные ресурсы, публикации в экономических и юридических периодических изданиях, федеральное законодательство Российской Федерации.

На основании отчетных данных Министерства внутренних дел по Республике Мордовия был проведен анализ сумм наложенных штрафов за административные правонарушения за 2015–2017 гг. и поступлений этих платежей в бюджет. Были исследованы количество и суммы невыясненных платежей за аналогичный период.

В результате исследования нами были выявлены имеющиеся проблемы в сфере администрирования штрафных санкций и предложены практические меры по развитию механизма исполнения назначаемых органами внутренних дел административных штрафов.

Результаты исследования. Для решения проблем, связанных с администрированием штрафов за административные правонарушения, Правительством Российской Федерации принят комплекс законодательных и технологических мер, направленных на прозрачность и эффективность учета прохождения и фиксации платежей граждан и юридических лиц в бюджетную систему страны.

Согласно Федеральному закону от 27.06.2011 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О национальной платежной системе»⁴ соответствующие агенты (банк, иная кредитная организация, платежный агент, организация федеральной почтовой связи и др.), которыми осуществляется деятельность по приему платежей, должны направлять информацию об уплаченных суммах административных штрафов в Государственную информационную систему о государственных и муниципальных платежах (ГИС ГМП) в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»⁵ [17, с. 67].

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О национальной платежной системе»: Федеральный закон Российской Федерации от 27 июня 2011 г. №162-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12187280/> (дата обращения: 01.03.2018).

⁵ Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12177515/> (дата обращения: 01.03.2018).

Бюджетным кодексом Российской Федерации⁶ и Порядком ведения Государственной информационной системы о государственных и муниципальных платежах (приказ Казначейства России от 30.11.2012 г. № 19н) установлены требования о передаче администраторами доходов бюджета информации, необходимой для осуществления перевода денежных средств, с помощью направления оператору ГИС ГМП извещений о начислениях, содержащих в обязательном порядке уникальный идентификатор начисления.

Уникальный идентификатор начисления (далее – УИН) – это 20-символьный цифровой ключ, используемый в качестве серии и номера постановления об административном правонарушении. Введение подобной кодировки позволило унифицировать идентификационную структуру серии и номера постановления, выписанного административного материала и его разрядность, что являлось критичным, например, при оплате штрафа через терминальные устройства самообслуживания и влияло на последующую обработку информации в базах данных администраторов доходов бюджета. Также данная мера позволила определять администратора доходов бюджета по соответствующей кодировке в номере постановления.

Приведем пример уникального идентификатора начисления постановления об административных правонарушениях, отнесенных к компетенции подразделений Госавтоинспекции (табл. 1).

Порядок зачисления сумм всех административных штрафов на различные уровни бюджетной системы Российской Федерации определен ст. 46 Бюджетного кодекса РФ. Так, в соответствие с ч. 1 указанной статьи суммы денежных взысканий (штрафов) по линии безопасности дорожной деятельности подлежат зачислению в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации в следующем порядке:

- в части нарушения законодательства о государственном контроле за осуществлением международных автомобильных перевозок, уголовно-процессуального законодательства – в федеральный бюджет (ст. 11, 17, 19 КоАП РФ);
- в части нарушения законодательства, касающегося перевозки крупногабаритных и тяжеловесных грузов по автомобильным дорогам общего пользования различного значения (федерального, регионального, местного), предусмотренные ст. 12.21.1 КоАП РФ, – в зависимости от классификации дороги, по месту совершения правонарушения (соответственно в федеральный, региональный или местный бюджет);
- в части нарушения законодательства, предусмотренного ст. 12.1–12.21, 12.22–12.32, 12.35–12.37 КоАП РФ – в бюджеты субъектов РФ;

⁶ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12112604/> (дата обращения: 01.03.2018).

Таблица 1. Содержание кодов уникального идентификатора начисления
Table 1. Contents of the codes of the unique identifier of charge

Позиция / Position	Содержание поля / The contents of the box
1–3	Код бюджетной классификации главного администратора доходов бюджета. Для МВД России – 188 / Budget classification code of the chief administrator of budget revenues. For the Ministry of Internal Affairs of Russia it is '188'
4	Код подразделения МВД России, для Госавтоинспекции код «1» / Code of a subdivision of the Ministry of Internal Affairs of Russia, for road police it is '1'
5	Код платежа. Для административного штрафа установлен код «0» / The payment code. For an administrative fine the code is '0'
6	Тип документа / Type of document: «0» – для постановлений, вынесенных на бланках, изготовленных типографским способом / '0' – for resolutions issued on printed forms; «1» – для постановлений, вынесенных в соответствии с ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ по результатам автоматической фиксации правонарушений / '1' – for resolutions passed in accordance with Part 3 of Article 28.6 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation according to the results of automatic registration of offenses; «2» – для постановлений, оформленных с использованием аппаратно-программных комплексов / '2' – for resolutions issued with the use of software systems; «3» – для постановлений, оформленных сотрудниками самостоятельно (вручную) / '3' – for resolutions issued by the officers themselves (manually); «4» – для дел об административных правонарушениях, влекущих административный штраф, рассмотрение которых находится в компетенции суда / '4' – for cases of administrative offenses, entailing an administrative fine, consideration of which is within the jurisdiction of the court
7–8	Двухзначный код региона / 2-digit region code
9–10	Последние две цифры года / Last two digits of the year
11–12	Месяц вынесения постановления типа «1» / Month of passing the resolution of type 1
13–14	День вынесения постановления / The day of passing the resolution
15–19	Уникальный цифровой набор, определяемый самостоятельно (как правило в порядке очередности возрастания цифровых значений), который не должен повторяться в течение периода, определяемого позициями 9–14 / Unique numeric character set, assigned independently (usually in the order of the sequence of increasing numerical values), which should not be repeated within the period determined by the positions 9-14
20	Контрольный разряд УИН / Check digit of the unique identifier of charge

– в части нарушения законодательства по ряду иных статей КоАП РФ – по месту нахождения органа или должностного лица, принявшего решение о наложении штрафа (различные бюджеты местного уровня).

Вышеперечисленным штрафным санкциям соответствуют разные коды бюджетной классификации (далее – КБК), определяющие поступления денежных сумм в определенный бюджет. Поэтому возникают проблемы корректности заполнения реквизитов для уплаты административного штрафа у правонарушителя и определения сотрудником, возбудившим соответствующее дело об административном правонарушении, КБК в случае выдачи нарушителю платежных реквизитов для его уплаты. Так, суммы штрафов в случае нарушения правил по перевозке крупногабаритных и тяжеловесных грузов по автодорогам федерального значения (статья 12.21.1 КоАП РФ) должны перечисляться в федеральный бюджет в полном объеме с применением КБК 18811630011016000140. В случае совершения правонарушения по данной статье КоАП РФ по автодорогам регионального значения применяется КБК 18811630012016000140, денежные средства поступают в бюджет субъекта Российской Федерации. При совершении правонарушения по автомобильным дорогам местного значения городских округов используется КБК 18811630013016000140 и пополняются бюджеты соответствующих городских округов по месту совершения правонарушения. При нарушениях по автодорогам местного значения муниципальных районов задействуется КБК 18811630014016000140 и перечисления идут в бюджеты муниципальных районов по месту совершения правонарушения.

Из вышеизложенного следует, что лицо, совершившее административное правонарушение, при уплате штрафа должно знать классификацию автомобильных дорог для корректного заполнения реквизитов. Также и сотрудник, вынесший постановление об административном правонарушении, должен обладать такими познаниями и в обязательном порядке прикладывать соответствующие платежные реквизиты с правильным применением КБК к административному материалу. В противном случае данные денежные средства будут попадать в неверные бюджеты бюджетной системы. При этом за нарушения при управлении транспортным средством для перевозки грузов и (или) пассажиров без технического средства контроля, нарушения лицом, управляющим данным транспортным средством, предусмотренные статьей 11.23 КоАП РФ денежные средства, полученные от уплаты штрафа, перечисляются в федеральный бюджет. Однако при этом применяется иной КБК – 18811629000016000140, отличный от КБК статьи 12.21.1 КоАП РФ в случае совершения нарушения на автодорогах федерального значения. Аналогичная ситуация складывается при нарушениях на дорогах региональ-

ного значения. Таким образом, возникает путаница с перечислениями средств в бюджет.

Особенно острой проблема является на региональном уровне. В действующем законодательстве отсутствуют нормы, разъясняющие, в бюджет какого субъекта должны зачисляться административные штрафы за нарушение правил безопасности дорожного движения, если его совершение и рассмотрение дела о данном правонарушении происходит в разных субъектах Российской Федерации. Как правило, указанные административные штрафы подлежат зачислению в бюджеты субъектов РФ по месту нахождения того должностного лица, которое приняло решение о наложении санкций.

Следует отметить, что использование КБК при уплате административных штрафов призвано четко отслеживать любую сумму, поступившую в бюджет, и упрощать работу Министерства финансов Российской Федерации по формированию проектов бюджетов и управлять денежными потоками более эффективно. Однако из приведенных выше примеров, связанных с уплатой административных штрафов, видно, что правильность применения КБК зависит от ряда факторов. В случае неправильного указания данного кода платеж будет перечислен в другой бюджет, и штраф будет считаться неоплаченным. Вернуть неверно отправленный платеж из бюджета одного региона в бюджет другого является весьма непростой процедурой.

Еще одна проблема заключается в уплате штрафа за административные правонарушения через терминальные устройства самообслуживания. Внесенные в данные устройства кредитно-банковскими организациями реквизиты для уплаты административных штрафов и государственной пошлины принадлежат тому региону Российской Федерации, на территории которого они установлены. При этом редактирование данных реквизитов, как правило, не осуществляется, в том числе и КБК. Данная проблема возникает при внесении гражданином денежных средств за административное правонарушение, совершенное на территории соседнего субъекта Российской Федерации, через устройство самообслуживания.

Кроме этого, влияние на идентификацию платежей в соответствующих бюджетах бюджетной системы Российской Федерации оказывает применение плательщиками неправильных и неактуальных реквизитов для уплаты штрафов за административные правонарушения, а также неверное указание УИН, в результате чего по одному УИН квитируется несколько платежей. В этих случаях при обращении плательщика в организацию, принявшую платеж, с целью уточнения реквизитов последней приходится направлять в ГИС ГМП извещение об уточнении информации о приеме к исполнению распоряжения плательщика.

Подразделениями МВД России осуществляется большая работа не только по профилактике и пресечению административных правонарушений, но и по взысканию денежных средств с правонарушителей по наложенным административным штрафам. Данные о наложении и взыскании штрафов за административные правонарушения по линии обеспечения безопасности дорожного движения подразделениями Госавтоинспекции МВД по Республике Мордовия приведены в таблице 2. Таким образом, за счет штрафных санкций бюджет республики пополнялся в среднем за анализируемый период на 0,3 млрд руб. Причем наблюдается возрастающая динамика. Это связано не только с увеличением количества правонарушений в условиях повышения уровня автомобилизации, но и с улучшением работы по сбору штрафных санкций в бюджет региона, ростом числа камер видеофиксации нарушений.

Подразделениями Госавтоинспекции МВД по Республике Мордовия осуществляется ежедневная работа по рассмотрению обращений граждан и организаций по уточнению, перенаправлению и возврату денежных средств по некорректной уплате административных штрафов. Данные по не идентифицированным платежам за предыдущие три года приведены в таблице 3.

Таблица 2. Сведения по наложению и взысканию штрафов в 2015–2017 гг.
Table 2. Information on the fines imposed and collected in 2015–2017

Год / Year	Наложено штрафов, шт. / Number of fines imposed	Наложено штрафов, руб. / Amount of fines imposed, rubles	Взыскано штрафов (с учетом предыдущих лет), руб. / Fines collected (taking into account previous years), rubles	%
2015	424 485	235 612 500	276 117 830	117,2
2016	471 673	335 648 266	332 632 159	99,1
2017	639 896	517 290 350	371 097 074	71,7

Таблица 3. Сведения по не идентифицированным платежам в 2015–2017 гг.
Table 3. Information on unidentified payments in 2015–2017

Год / Year	Количество невыясненных платежей, шт. / Number of unidentified payments	Сумма невыясненных платежей, руб. / Amount of unidentified payments, rubles
2015	31 062	42 601 443
2016	23 888	16 234 405
2017	12 336	8 206 331

Как видно из материалов таблиц 2 и 3, несмотря на рост количества выявляемых административных правонарушений подразделениями Госавтоинспекции МВД по Республике Мордовия наблюдается тенденция снижения количества невыясненных платежей по административным штрафам, что свидетельствует об эффективности мер, принимаемых Правительством Российской Федерации и направленных на улучшение ситуации по администрированию штрафных санкций в бюджет.

Обсуждение и заключения. Подводя итог поднятых в статье проблем, связанных с администрированием штрафов за административные правонарушения в подразделениях МВД России, можно сделать вывод об их актуальности для всех субъектов Российской Федерации, включая Республику Мордовия.

В связи с этим в целях совершенствования деятельности МВД России по вопросам администрирования штрафов за административные правонарушения и эффективного пополнения бюджетов бюджетной системы необходимо:

– обеспечить зачисление денежных средств, поступающих от уплаты штрафов за нарушения правил дорожного движения, только в федеральный бюджет, исключив их поступление на другие уровни бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. С одной стороны, региональные бюджеты, конечно, лишаются определенной суммы денежных средств в бюджете. Однако здесь можно отметить, что указанные платежи составляют незначительную долю в общем объеме бюджетных доходов. Так, бюджет Республики Мордовия исполнен за 2017 г. в объеме 36,9 млрд руб. Соответственно, доля штрафных санкций в доходах бюджета составила порядка 1 %. Можно отметить также неоднократные заявления Счетной палаты России о низком качестве прогнозирования таких доходов в территориальные бюджеты. С этой точки зрения, считаем предложение о централизации доходов на федеральном уровне целесообразным. Вместе с тем предлагаем заменить выпадающие доходы межбюджетными трансфертами из Федерального дорожного фонда в дорожные фонды субъектов России и муниципальные дорожные фонды;

– ввести единые реквизиты для уплаты административных штрафов на территории Российской Федерации в целях исключения и минимизации ошибок при заполнении платежных документов;

– обеспечить контроль за кредитно-банковскими и иными организациями, осуществляющими прием платежей за административные правонарушения, за обязательным направлением ими сведений об уплате административных штрафов в ГИС ГМП.

Предлагаемые меры по централизации зачисления денежных средств, поступающих от уплаты административных штрафов, и усилению кон-

троля за их поступлением позволят снизить нагрузку на администраторов доходов бюджетов и свести к минимуму неидентифицируемые платежи. Использование предлагаемого подхода позволит в целом повысить эффективность системы администрирования платежей в бюджет.

Предложенные направления по совершенствованию уплаты в бюджет штрафов за административные правонарушения могут быть использованы МВД России для проработки их нормативно-правового закрепления на федеральном уровне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Воинова Л. Е. Администрирование бюджетных средств МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 2. С. 129–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrirovanie-byudzhetnyh-sredstv-mvd-rossii> (дата обращения: 01.03.2018).
2. Пепеляев С. Г. Налогово-правовое понятие дохода // Налоговед. 2014. № 11. С. 14–25. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22476407> (дата обращения: 01.03.2018).
3. Саттарова Н. А. Меры государственного принуждения в бюджетной сфере как фактор эффективного функционирования финансовой системы // Lex Russica. 2015. № 8. С. 96–106. URL: http://lexrussica.ru/articles/article_101622.html?issue=lexrussica-8-2015 (дата обращения: 01.03.2018).
4. Стариков Ю. Н. От многолетней дискуссии к принятию Федерального закона «Об административных процедурах» // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2017. № 4 (31). С. 8–21. URL: http://www.vestnik.vsu.ru/content/pravo/2017/04/toc_ru.asp (дата обращения: 01.03.2018).
5. Химичева Н. И. Российское финансовое законодательство и проблемы его кодификации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 5. С. 171–173. URL: <http://журнал-вестник.рф/portfolio/2012> (дата обращения: 01.03.2018).
6. Шохин С. О. Правовые механизмы влияния на баланс элементов финансовой системы // Вопросы экономики и права. 2016. № 93. С. 16–18. URL: <http://law-journal.ru/articles/index/201603> (дата обращения: 01.03.2018).
7. Ялбулганов А. А. О понятии финансового права: к истории вопроса // Финансовое право. 2015. № 10. С. 17–25. URL: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2015/finansovoe-pravo/10/> (дата обращения: 01.03.2018).
8. Соколова Э. Д. Правовое регулирование бюджетной деятельности государства и муниципальных образований (теория и правотворчество) // Финансовое право и управление. 2013. № 2. С. 119–135. URL: http://en.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-26129 (дата обращения: 01.03.2018).
9. Экономические санкции и развитие финансового законодательства России / Г. А. Тосунян [и др.] // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86, № 1. С. 35–42. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0869587316010151>
10. Максимов И. В. Система административных наказаний: понятие и признаки // Государство и право. 2005. № 4. С. 18–27. URL: <http://www.igpran.ru/journal/biblio/index.php> (дата обращения: 01.03.2018).

11. Бахрах Д. Н. Вопросы системы административных наказаний // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2009. № 7. С. 7–13. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12789137> (дата обращения: 01.03.2018).

12. Павлова Е. А. Увеличение процента взыскания административных штрафов в области дорожного движения: необходимость или действенная система административного наказания? // Вестник Евразийской академии административных наук. 2017. № 1 (38). С. 18–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28862506> (дата обращения: 01.03.2018).

13. Чепурных Д. А. Усовершенствование процесса производства по делам об административных правонарушениях, связанных с неуплатой административных штрафов участниками дорожного движения // Образование. Наука. Научные кадры. 2013. № 4. С. 75–80. URL: <https://clck.ru/Dyah2> (дата обращения: 01.03.2018).

14. Головкин В. В., Бражников В. В. К вопросу о применении административного штрафа в области дорожного движения // Право и государство: теория и практика. 2008. № 4. С. 98–99. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=10344737> (дата обращения: 01.03.2018).

15. Якимов А. Ю. Административный штраф за правонарушения в области дорожного движения: вопросы назначения и взыскания // Право и государство: теория и практика. 2005. № 2. С. 71–77. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12943108> (дата обращения: 01.03.2018).

16. Быков А. И. Административный штраф за нарушения в области дорожного движения: тенденции и перспективы // Юристы-Правоведь. 2010. № 5. С. 85–88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnyy-shtraf-za-pravonarusheniya-v-oblasti-dorozhno-go-dvizheniya-tendentsii-i-perspektivy> (дата обращения: 01.03.2018).

17. Гвоздева Е. В. Проблемы исполнения административных штрафов за правонарушения в области дорожного движения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 2. С. 66–70. URL: <http://vestnik43.ru/vggu-arhiv-jurnala> (дата обращения: 01.03.2018).

18. Ярцева И. Ю. Проблемы администрирования неналоговых доходов бюджетов // Проблемы учета и финансов. 2011. № 1. С. 67–70. URL: http://journals.tsu.ru/puf/&journal_page=archive&id=959&article_id=7455 (дата обращения: 01.03.2018).

19. Булахова Т. П., Земцов А. А. Введение в проблему администрирования штрафов как элемента неналоговых доходов бюджета // Проблемы учета и финансов. 2012. № 2. С. 59–64. URL: http://journals.tsu.ru/puf/&journal_page=archive&id=964&article_id=7517 (дата обращения: 01.03.2018).

20. Зиновенко В. В. Административно-правовое регулирование безопасности дорожного движения в Республике Беларусь // Административное право и процесс. 2015. № 12. С. 55–59. URL: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2015/8546/12> (дата обращения: 01.03.2018).

21. Bittner E. The Functions of the Police in Modern Society. Washington, 1970. URL: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/Digitization/147822NCJRS.pdf> (дата обращения: 01.03.2018).

Поступила: 16.04.2018; принята к публикации 20.05.2018; опубликована онлайн 28.09.2018.

Об авторах:

Артемьева Светлана Степановна, профессор кафедры финансов и кредита ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4256-9399>, Scopus ID: 55776026100, art.s13@mail.ru

Пискунов Владимир Владимирович, аспирант кафедры финансов и кредита ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), vvproio@rambler.ru

Заявленный вклад авторов:

Артемьева Светлана Степановна – научное руководство; изучение концепции; развитие методологии; критический анализ и доработка текста.

Пискунов Владимир Владимирович – визуализация/представление данных в тексте; компьютерные работы; подготовка начального варианта текста; формализованный анализ данных.

Для цитирования:

Артемьева С. С., Пискунов В. В. Уплата в бюджет штрафов за административные правонарушения в системе МВД России: проблемы и пути решения // Регионоведение. 2018. Т. 26, № 3. С. 606–623. DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.606-623

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Voinova L.E. [Administration of budget means of MIA of Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* = Bulletin of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia. 2011; 2:129-139. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrirovanie-byudzhetyh-sredstv-mvd-rossii> (accessed 01.03.2018). (In Russ.)

2. Pepeliaev S.G. [Legal and taxation definition of income]. *Nalogoved* = Tax specialist. 2014; 11:14-25. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22476407> (accessed 01.03.2018). (In Russ.)

3. Sattarova N.A. [State coercion measures in budget sphere as a factor for the efficient functioning of the financial system]. *Lex Russica*. 2015; 8:96-106. Available at: http://lexrussica.ru/articles/article_101622.html?issue=lexrussica-8-2015 (accessed 01.03.2018). (In Russ.)

4. Starilov Yu.N. [From longstanding discussion to the acceptance federal law “About administrative procedures”]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2017; 4(31):8-21. Available at: http://www.vestnik.vsu.ru/content/pravo/2017/04/toc_ru.asp (accessed 01.03.2018). (In Russ.)

5. Khimicheva N.I. [Russian legislation and the financial problems of its codification]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* = Bulletin of the

Saratov State Law Academy. 2012; 2:171-173. Available at: <http://журнал-вестник.рф/portfolio/2012> (accessed 01.03.2018). (In Russ.)

6. Shokhin S.O. [The legal mechanisms of influence on the balance of the elements of the financial system]. *Voprosy ekonomiki i prava* = Economic and Law Issues. 2016; 93:16-18. Available at: <http://law-journal.ru/articles/index/201603> (accessed 01.03.2018). (In Russ.)

7. Yalbulganov A.A. [On the concept of financial law: revisiting historical background]. *Finansovoye pravo* = Financial Law. 2015; 10:17-25. Available at: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2015/finansovoe--pravo/10/> (accessed 01.03.2018). (In Russ.)

8. Sokolova E.D. [Legal regulation of budget activities of state and municipal units (theory and law-making)]. *Finansovoye pravo i upravlenie* = Financial Law and Management. 2013; 2:119-135. Available at: http://en.nbpublish.com/library_read_article.php?id=-26129 (accessed 01.03.2018). (In Russ.)

9. Tosunyan G.A., Ekmalian A.M., Sannikova L.V., Pashentsev D.A. [Economic sanctions and development of the financial legislation of Russia]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* = Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2016; 86(1):35-42. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0869587316010151> (In Russ.)

10. Maksimov I.V. [System of administrative punishments: notion and features]. *Gosudarstvo i pravo* = State and Law. 2005; 4:18-27. Available at: <http://www.igpran.ru/journal/biblio/index.php> (accessed 01.03.2018). (In Russ.)

11. Bakhrakh D.N. [Questions of administrative penalties]. *Vestnik Uralskogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava* = Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law. 2009; 7:7-13. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12789137> (accessed 01.03.2018). (In Russ.)

12. Pavlova E.A. [Increase of percentage of recovery of administrative fines in the field of road traffic: Need or effective system of administrative punishment?]. *Vestnik Evraziyskoy akademii administrativnykh nauk* = Herald of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. 2017; 1(38):18-22. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28862506> (accessed 01.03.2018). (In Russ.)

13. Chepurnykh D.A. [Improvement of process of manufacture on affairs about administrative offences, connected with non-payment of the administrative fines road traffic participants]. *Obrazovaniye. Nauka. Nauchnye kadry* = Education. Science. Scientific manpower. 2013 ; 4:75-80. Available at: <https://clck.ru/Dyah2> (accessed 01.03.2018). (In Russ.)

14. Golovko V.V., Brazhnikov V.V. To a question about the application of an administrative penalty in the region of road motion]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = Law and State: The Theory and Practice. 2008; 4:98-99. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=10344737> (accessed 01.03.2018). (In Russ.)

15. Yakimov A.Yu. [Administrative fine for the offence in the sphere of the traffic movement: questions of the appointment and penalty]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = Law and State: The Theory and Practice 2005; 2:71-77. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12943108> (accessed 01.03.2018). (In Russ.)

16. Bykov A.I. [The administrative penalty for traffic offences: tendencies and prospects]. *Yurist"-Pravoved"* = Lawyer-Legal Scholar. 2010; 5:85-88. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnyy-shtraf-za-pravonarusheniya-v-oblasti-dorozhnogo-dvizheniya-tendentsii-i-perspektivy> (accessed 01.03.2018). (In Russ.)

17. Gvozdeva E.V. [Problems of implementation of administrative penalties for offences of road traffic]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* = Herald of Vyatka State University. 2015; 2:66-70. Available at: <http://vestnik43.ru/vgggu-arhiv-jurnala> (accessed 01.03.2018). (In Russ.)

18. Yartseva I.Yu. [Issues of budget non-tax revenues administration]. *Problemy ucheta i finansov* = Problems of accounting and finance. 2011; 1:67-70. Available at: http://journals.tsu.ru/puf/&journal_page=archive&id=959&article_id=7455 (accessed 01.03.2018). (In Russ.)

19. Bulakhova T.P., Zemtsov A.A. [Introduction to the problem of Administration fines as part of non-tax revenue budget]. *Problemy ucheta i finansov* = Problems of Accounting and Finance. 2012; 2:59-64. Available at: http://journals.tsu.ru/puf/&journal_page=archive&id=964&article_id=7517 (accessed 01.03.2018). (In Russ.)

20. Zinovenko V. V. Administrative and legal regulation of traffic safety in the Republic of Belarus. *Administrativnoye pravo i protsess* = Administrative Law and Process. 2015; 12:55-59. Available at: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2015/8546/12> (accessed 01.03.2018). (In Russ.)

21. Bittner E. The functions of the police in modern society. Washington, 1970. Available at: <http://www.ncjrs.gov/pdffiles1/Digitization/147822NCJRS.pdf> (accessed 01.03.2018).

Submitted 16.04.2018; accepted for publication 20.05.2018; published online 28.09.2018.

About the authors:

Svetlana S. Artemyeva, Professor, Department of Finance and Credit, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Dr. Sci. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4256-9399>, Scopus ID: 55776026100, art.s13@mail.ru

Vladimir V. Piskunov, Postgraduate, Department of Finance and Credit, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), vvproio@rambler.ru

Contribution of the authors:

Svetlana S. Artemyeva – academic supervision; concept study; development of methods; critical analysis and revision of the text of the article.

Vladimir V. Piskunov – visualization and presentation of the data in the text of the article; computer work; writing the initial version of the text of the article; formalized data analysis.

For citation:

Artemyeva S.S., Piskunov V.V. Payment of Fines for Administrative Offenses to the Budget in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Problems and Possible Solutions. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 26(3):606-623. DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.606-623

All the authors have read and approved the final version of the manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

1. Редакция журнала «Регионология» принимает не опубликованные ранее научные статьи и дискуссионные материалы научного характера кандидатов и докторов наук, преподавателей, аспирантов. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и CrossCheck. Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях.

2. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

3. Необходимо указать **УДК**.

4. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

5. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

- 1) Введение (Introduction);
- 2) Материалы и методы (Materials and Methods);
- 3) Результаты исследования (Results);
- 4) Обсуждение и заключения (Discussion and Conclusions).

Приводится на русском и английском языках.

6. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

7. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

8. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.* Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с раз-

решение не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключения. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

9. **Список использованных источников** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

10. **Информация об авторах.** Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

11. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

12. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *.jpg или *.tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10x15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей (срок действия рецензии – 1 год). Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Электронные версии статей размещаются на сайте Научной электронной библиотеки. Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс в каталоге агентства «Роспечать» – 73335.

Вдовин Сергей Михайлович – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

1. *Regionology* journal accepts previously unpublished scientific articles and discussion papers of scientific nature from academic degree (Ph. D. or Doctor of Sciences) holders as well as from lecturers and postgraduates. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *Antiplagiat* and *CrossCheck* systems. The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science.

2. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

3. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

4. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

5. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusions.

The abstract should be written in Russian and English.

6. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

7. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

8. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusions. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

9. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.5–2008* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

10. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

11. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

12. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *jpg or *tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

Regionology journal uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa (a review stays valid for 1 year). On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

Electronic copies of the journal with full text of the articles in PDF are in free access at the website of Academic Electronic Library. The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index in the catalogue of the agency of *Rospechat* is 73335.

Sergey M. Vdovin – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Svetlana V. Gordina – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 48 14 24.

Редактор *Е. С. Суркова*.
Компьютерная верстка *А. С. Полутина*.
Перевод *А. В. Пузакова*.
Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова*.

Подписной индекс в каталоге АО Агентство «Роспечать» – 73335.
Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Подписано в печать 06.09.2018. Дата выхода в свет 28.09.2018. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 12,56. Тираж 1 000 экз. 1 завод – 250 экз. Заказ № 1487. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1.

Адрес типографии: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»)

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Editor *E. S. Surkova*.
Desktop publishing *A. S. Polutin*.
Translation *A. V. Puzakov*.
Informational support of the journal site *A. A. Paramonov*.

Subscription index in catalogue of agency “Rospechat”– 73335.
Distributed in Russian Federation and foreign countries.

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor); the Certificate of registration of a mass media unit: PI No. FS77-65932 of 6 June 2016.

Signed to print 06.09.2018. Date of publishing 28.09.2018. Sheet size 60×84 1/16. Conventional printed sheets 12,56. Number of copies 1 000. Printing plant 1: 250 copies. Order no. 1487. Free price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia.

Tel/Fax: +7 (834 2) 48 14 24, +7 (834 2) 32 86 14
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Address of the Founder and Publisher: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 43000 5, Republic of Mordovia (Publishing House of National Research Mordovia State University)

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.